

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
1. Введение	I—XVII
2. Часть I. Организациа кортесовъ	1—84
ГЛАВА I. Составъ кортесовъ:	
§ 1. Король и три государственныхъ чина въ кортесахъ (стр. 1—6); § 2. Король и его приближенные (стр. 7—10); § 3. Дворянство (стр. 10—15); § 4. Духовенство (стр. 15—20); § 5. Общины (стр. 20—30).	
ГЛАВА II. Организациа представительства общинъ въ кортесахъ:	
	31—49
§ 1. Избраніе депутатовъ (стр. 32—39); § 2. Депутатскія полномочія (стр. 39—44); § 3. Вознагражденіе и привилегіи депутатовъ (стр. 44—49).	
ГЛАВА III. Созваніе кортесовъ:	
	50—58
§ 1. Пригласительныя письма (стр. 50—52); § 2. Время собранія (стр. 52—56); § 3. Мѣсто собранія (стр. 56—58).	
ГЛАВА IV. Порядокъ засѣданій кортесовъ:	
	59—84
§ 1. Открытіе и церемоніаль засѣданій (стр. 59—71); § 2. Совѣщанія чиновъ (стр. 71—76); § 3. Петиціи (стр. 76—82); § 4. Закрытіе засѣданій (стр. 82—84).	
3. Часть II. Компетенція кортесовъ	85—160
ГЛАВА I. Роль кортесовъ въ разрѣшеніи вопросовъ престолонаслѣдія и регенства:	
	87—101
§ 1. Слѣды избирательнаго начала въ порядкѣ престолонаслѣдія до и послѣ изданія „Siete Partidas“ (стр. 87—90); § 2. Частные случаи вмѣшательства кортесовъ въ вопросы престолонаслѣдія (стр. 91—94); § 3. Роль кортесовъ въ случаяхъ несовершеннолѣтія королей (стр. 95—101).	
ГЛАВА II. Законодательство:	
	102—120
§ 1. Обзоръ основныхъ возрѣній на законодательную роль кортесовъ (стр. 102—106); § 2. Принципы совмѣстной законодательной дѣятельности чиновъ и короля въ кортесахъ	

(стр. 106—113); § 3. Развитие личнаго законодательства короля и упадокъ законодательнаго значенія кортесовъ (стр. 113—120).

ГЛАВА III. Вотированіе налоговъ: . . . . . 121—145

§ 1. Право сословій вотировать налоги и случаи нарушенія его (стр. 121—136); § 2. Право контроля надъ взиманіемъ и расходваніемъ вотируемыхъ субсидій (стр. 136—140); § 3. Вліяніе кортесовъ на управленіе государственными хозяйствомъ (стр. 140—145).

ГЛАВА IV. Вліяніе кортесовъ на внутреннее управленіе и внѣшнюю политику: . . . . . 146—160

§ 1. Взаимныя отношенія между кортесами и Королевскимъ Совѣтомъ (стр. 146—152); § 2. Вліяніе кортесовъ на организацію и дѣятельность судовъ (стр. 152—155); § 3. Объявленіе войны, заключеніе мира и союзовъ, какъ акты народной воли, выражаемой въ кортесахъ (стр. 156—160).

4. Заключение	161—162
5. Приложенія	163—180
6. Источники рукописные и печатные	181—185

ВВЕДЕНИЕ.

I.

Предметомъ нашего труда служитъ изслѣдованіе тѣхъ измѣненій въ организаціи и компетенціи кастильскихъ кортесовъ, которыя имѣли мѣсто на протяженіи ихъ исторіи отъ 1188 до 1520 г., т. е. начиная съ момента вступленія средняго сословія въ составъ кортесовъ и кончая эпохою возстанія комунеровъ. Этотъ періодъ представляетъ вполне законченную страницу въ исторіи кастильскаго парламентарнаго строя, имѣвшаго приблизительно общую участь съ представительными учрежденіями большинства другихъ странъ Западной Европы: достигнувъ въ XIV в. наивысшаго развитія, въ теченіе слѣдующаго столѣтія онъ подвергся процессу медленнаго разложенія, по мѣрѣ успѣховъ стремленій королевской власти къ централизаціи и абсолютизму. Но представляя сходство съ общею судьбой представительныхъ учреждений Западной Европы въ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, кастильскіе кортесы, въ зависимости отъ національных особенностей развитія общества, выработали свою отличительную фیزیономію, которая вполне ясно обрисовалась въ ту эпоху, когда учрежденіе, достигши высшаго могущества и значенія, стало клониться къ упадку: они отличались рѣзко выраженнымъ демократическимъ характеромъ, благодаря тому исключительному положенію, которое занимали въ нихъ представители средняго сословія, пользовавшіеся преобладаніемъ надъ представителями двухъ высшихъ.

Поставленный нами вопросъ, недостаточно разработанный въ исторической литературѣ, представляетъ общій интересъ съ точки

зрѣнія сравнительнаго изученія западно-европейскихъ представительныхъ учреждений, и для изслѣдованія его мы имѣли возможность, въ извѣстныхъ случаяхъ, дополнить изданный, но далеко еще не исчерпанный матеріалъ, новымъ, неизданнымъ. Эти обстоятельства опредѣлили выборъ этого вопроса предметомъ нашего спеціальнаго изслѣдованія.

Изученіе парламентарной исторіи Кастиліи возникло въ Испаніи подъ вліяніемъ потребностей и злобы дня и совершалось, такъ сказать, въ пылу политической борьбы нынѣшняго столѣтія. Большинство испанскихъ ученыхъ и публицистовъ обращались къ изученію особенностей древней кастильской конституціи, какъ къ одному изъ средствъ доставить торжество исповѣдуемой доктринѣ, аргументируя ее историческими фактами. Собраніе кортесовъ въ Кадиксѣ и провозглашеніе ими конституціи 1812 г., уничтожавшей основы „старого порядка“ и вводившей въ странѣ либеральную политическую организацію, дало поводъ испанскимъ публицистамъ и ученымъ заняться изученіемъ вопроса, насколько новая конституція имѣетъ за собою авторитетъ и основанія историческаго права, насколько она представляетъ органическое явленіе въ исторіи конституціоннаго развитія Испаніи, а не продуктъ французской политической мысли, перенесенный на испанскую почву. Для разрѣшенія этой проблемы они обратились къ изученію исторіи средневѣковыхъ представительныхъ учреждений страны, и, какъ результатъ этого изученія, появился рядъ сочиненій по парламентарной исторіи Испаніи, написанныхъ съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, наиболѣе типичными выразителями которыхъ были два выдающіеся юриста—Марина ¹⁾ и Семпере ²⁾. Марина—восторженный патріотъ и поклонникъ средневѣковыхъ вольностей Кастиліи и кадикской конституціи 1812 г., въ которой видитъ возрожденіе началъ, дѣйствовавшихъ въ средневѣковой Кастиліи, тогда какъ Семпере, наоборотъ,—сторонникъ монархическаго абсолютизма, и провозглашеніе конституціи 1812 г. рассматриваетъ, какъ настоя-

---

¹⁾ Teoria de las cortes ó grandes juntas nacionales de los reinos de Leon y Castilla, 3 t. Madrid, 1813.

²⁾ Histoire des cortès d'Espagne. Bordeaux, 1815; Lettres à Mm. F. G. et Jean Nelberto sur l'histoire des cortès d'Espagne et sur les réfugiés espagnols, Bordeaux, 1817; Memorias para la historia de las constituciones espanolas, Paris, 1820; Resumen de la historia de las antiguas cortes de Espana, Madrid, 1834; Historia del derecho espanol continuado hasta el enlace de Isabel II, Barcelona, 1847.

щую революцію. Каждый изъ нихъ являлся членомъ извѣстной политической группы, носителемъ извѣстныхъ политическихъ идеаловъ и смотрѣлъ на прошлое глазами своей партіи. Но если оба грѣшатъ въ большей или меньшей степени отсутствіемъ должнаго объективизма, то положительные качества труда Марины ставятъ его несравненно выше сочиненій Семпере, имѣющихъ полемическій характеръ и исключительно основанныхъ на данныхъ, впервые изданныхъ и классифицированныхъ трудолюбивымъ каноникомъ церкви св. Исидора въ Мадридѣ.

Въ послѣдующее время изученіе исторіи кастильскихъ кортесовъ значительно было облегчено новыми изданіями ихъ актовъ, принятыми Мадридской Академіей исторіи. Первое изданіе, вышедшее въ 1836 г. и обнимавшее періодъ отъ 1020 до 1393 г.¹⁾, оказалось крайне неполнымъ и неудовлетворительнымъ въ отношеніи критики текста. Академія рѣшила предпринять новое, болѣе научное, и позаботилась о собраніи возможно большаго количества рукописнаго матеріала изъ различныхъ библіотекъ и архивовъ. Этимъ матеріаломъ, который предполагалось издать и который сосредоточенъ былъ въ Библіотекѣ Академіи исторіи, не замедлил воспользоваться академикъ Мануэль Кольмейро для тѣхъ главъ своей книги „De la constitucion y del gobierno de los reinos de Leon y Castilla“, (Madrid, 1855, 2 t.), которыя трактуютъ о древнихъ кортесахъ Кастиліи (t. I, cap. XXVII—XXVIII).

На основаніи этого матеріала новый изслѣдователь конституціонной исторіи Кастиліи пришелъ къ выводамъ, противоположнымъ тѣмъ, которые около полу-вѣка раньше такъ авторитетно были высказаны Мариной. Если съ точки зрѣнія послѣдняго древніе кортесы Кастиліи являлись средоточіемъ народнаго суверенитета, то Кольмейро видитъ въ нихъ не болѣе, какъ совѣщательное собраніе, всегда находившееся въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ королевской власти. Является ли воззрѣніе Кольмейро на роль древнихъ кортесовъ результатомъ безпристрастнаго и научнаго изученія фактовъ, представляемыхъ исторіей этого учрежденія, или, наоборотъ, оно образовалось у него такъ же, какъ и у его предшественниковъ подъ влі-

¹⁾ Coleccion de cortés de los reinos de Leon y Castilla, 38 cuadernos, Madrid, 1836.

яніемъ постороннихъ обстоятельствъ? „Необходимо, говорить онъ въ предисловіи къ названному сочиненію, обращаться съ вопросами къ нашимъ предкамъ для распознанія ошибокъ нынѣшняго поколѣнія, и если исторія заслуживаетъ названія наставницы жизни, то читая со вниманіемъ написанное на ея скрижаляхъ, мы сумѣемъ открыть причины нашего благополучія или несчастій“¹⁾. Эти слова въ устахъ испанскаго историка, никогда не забывающаго настоящаго при изученіи прошлаго, имѣютъ особый смыслъ и значеніе и заставляютъ съ извѣстною осторожностью относиться къ его заключеніямъ, особенно, если принять во вниманіе тѣ методологическіе приемы, которыми пользуется онъ при изслѣдованіи даннаго историческаго вопроса. Не раздѣляя воззрѣній Марины на характеръ дѣятельности и на политическую роль кортесовъ, Кольмейро раздѣляетъ методологическій недостатокъ своего предшественника, заключающійся въ томъ, что онъ не указываетъ хронологическихъ предѣловъ и эпохъ въ развитіи кортесовъ, рассматривая отдѣльныя стороны учрежденія на протяженіи всей его исторіи, какъ будто оно во всѣ эпохи своего существованія обладало одними и тѣми же отличительными свойствами и значеніемъ, а не подвергалось измѣненіямъ въ зависимости отъ общихъ условій политическаго развитія кастильскаго общества. Въ однѣ эпохи кастильскіе кортесы обладали большимъ значеніемъ, въ другія—меньшимъ, и соединять въ одну картину данныя изъ различныхъ эпохъ значить лишать учрежденіе его истинной исторической фizioноміи, давать изображеніе такого политическаго строя, который никогда не существовалъ и не могъ существовать, вслѣдствіе послѣдовательности развитія общественныхъ явленій. Пользуясь подобнымъ методомъ, Марина имѣла возможность болѣе рельефно изобразить факты древнѣйшей исторіи кортесовъ, когда они дѣйствительно обладали огромнымъ значеніемъ, а Кольмейро—сосредоточить главное вниманіе на позднѣйшихъ эпохахъ, когда учрежденіе приходило въ упадокъ. Вслѣдствіе этого, каждый изъ названныхъ изслѣдователей, пользуясь вполнѣ достовѣрными источниками, могъ прийти къ противоположнымъ заключеніямъ и дать изображенія одного и того же учрежденія, совершенно отличныя между собой.

Указаннаго методологическаго недостатка Кольмейро не избѣгаетъ и въ новомъ изданіи своего обзора исторіи кастильскихъ

¹⁾ Op. cit., t. I, p. IX.

кортесовъ, составляющемъ введеніе къ 4-хъ томному собранію актовъ кортесовъ, опубликованному тою же Академіей исторіи¹⁾. Введеніе раздѣляется на двѣ части: въ первой, съ небольшими измѣненіями, воспроизведены указанные уже главы книги „De la constitution y del gobierno“, а вторая—представляетъ длинный, но не имѣющій особой цѣны обзоръ содержанія названныхъ актовъ²⁾. Упомянутыми монографіями и исчерпывается специальная литература по исторіи кастильскихъ кортесовъ. Считаемо лишнимъ обращаться къ характеристикѣ общихъ сочиненій по исторіи Испаніи и по исторіи испанскаго права, такъ какъ оригинальныхъ воззрѣній на вопросы парламентарной исторіи Кастиліи тамъ мы не находимъ. Результаты изслѣдованій Кольмейро не вытѣснили и не могли вытѣснить воззрѣній его предшественниковъ на основные вопросы древней кастильской конституціи. Эти вопросы и въ настоящее время продолжаютъ служить предметомъ споровъ³⁾, но для научнаго разрѣшенія ихъ служить большимъ препятствіемъ отсутствіе должнаго объективизма среди представителей испанской историографіи, на развитіе которой политическія бури нынѣшняго столѣтія наложили свою неизгладимую печать. Что касается внѣ-испанской исторической литературы, то специальныхъ работъ по исторіи кортесовъ Кастиліи она почти не имѣетъ, если не считать нѣсколькихъ французскихъ сочиненій, написанныхъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія подъ вліяніемъ трудовъ Марины или Семпере и имѣющихъ компилятивный характеръ⁴⁾.

¹⁾ Cortes de los antiguos reinos de Leon y de Castilla. Introduccion por D. Manuel Colmeiro, Parte I—II, Madrid, 1883—84.

²⁾ Мы не можемъ согласиться съ оцѣнкой работъ Кольмейро, которую дѣлаетъ нѣмецкій критикъ Haebler (Hist. Zeitschr., hgb. von H. v. Sybel, 55 B. Munchen und Leipzig, 1886, s. 166), отдавая имъ полное предпочтеніе передъ трудами его предшественниковъ, и особенно Марины; въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть случай дать фактическія основанія для такого несогласія.

³⁾ „...no falta quien lo repita aún hoy día que las libertades que defendian no eran en modo alguno conquistas del Enciclopedismo y la revolucion francesa sino restauracion feliz de las antiguas libertades espanolas, muertas á manos de las Asturias cuando al morir en Villalar Padilla morir vió en él su libertad Castilla.“

D. Antonio Sanchez Moguel, Naturaleza politica y literaria de las cortes peninsulares anteriores al sistema constitucional, Madrid, 1894, p. 23.

⁴⁾ Такова, наприм., работа Laffon Saint Marc, Essai historique sur les cortès ou assemblées nationales d'Espagne (Castelnaudary, 1834), представляющая скорѣе

Таково въ общихъ чертахъ современное состояніе научной обработки матеріала, относящагося къ интересующимъ насъ вопросамъ, которую, по вышеизложеннымъ причинамъ, нельзя признать законченной. Ограничивъ свою задачу опредѣленнымъ періодомъ въ исторіи кастильскихъ кортесовъ, мы изслѣдовали отдѣльныя стороны учрежденія, слѣдя за измѣненіями каждой изъ нихъ въ теченіе періода отъ конца XII до начала XVI в. Въ своемъ анализѣ парламентарнаго строя Кастиліи мы старались не упускать изъ виду исторической точки зрѣнія, помня, что учрежденія, какъ и общественная жизнь, постоянно подвержены измѣненіямъ, и что обобщенія относительно свойствъ и значенія даннаго института, вѣрныя для одного періода, могутъ оказаться ошибочными для другого. Главными источниками для нашего труда служили акты кортесовъ, изданные Мадридской Академіей исторіи, коллекціи документовъ, опубликованныя Мариной и Бенавидесомъ, хроники отъ конца XII до начала XVI в. въ изданіяхъ Роселля и Авадеміи, а также въ древнихъ компиляціяхъ Суньиги, Кольменареса, Саласара-и-Кастро и др., собраніе древнихъ законодательныхъ памятниковъ Кастиліи въ изданіи Алку-

---

изложеніе политической, тѣмъ парламентарной исторіи Испаніи, и наполненная рядомъ грубыхъ фактическихъ ошибокъ (такъ, по мнѣнію Лаффон'а (р. 249), число городовъ съ правомъ голоса въ кортесахъ первоначально было ограничено и возрастало по мѣрѣ развитія кастильской монархіи, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ исторія представительства кастильскихъ общинъ представляетъ совершенно обратное явленіе; выступленіе средняго сословія въ кортесахъ онъ датируетъ одинаково для Арагона и Кастиліи началомъ или половиной XII в. (р. I) и т. д.); сочиненіе Louis Viardot, *Histoire des Assemblées nationales en Espagne* (Paris, 1835 *Extrait de la Revue républicaine*), въ которомъ авторъ доводитъ до крайнихъ предѣловъ преувеличенія Марины (такъ, онъ гораздо категоричнѣе Марины опредѣляетъ права кортесовъ собираться, въ случаѣ надобности, безъ королевскаго приглашенія (р. 76), издавать законы (Il est presque superflu de dire que le pouvoir législatif résidait tout entier dans les cortès, р. 80) и т. д. Такимъ же характеромъ преувеличеній и ошибокъ отличается книга Victor'a du Hamel, *Histoire constitutionnelle de la monarchie espagnole depuis l'invasion des hommes du Nord jusqu'à la mort de Ferdinand VII* (2 t. Paris, 1845). Въ нѣмецкой, англійской и др. литературахъ, насколько намъ извѣстно, нѣтъ ни одного спеціальнаго изслѣдованія по исторіи кастильскихъ кортесовъ. Пользующаяся заслуженной извѣстностью книга Hallam'a. *View of the state of Europe during the middle ages* заключаетъ въ себѣ цѣлую главу, посвященную внутренней исторіи Испаніи въ средніе вѣка (Chapter IV, *The history of Spain to the conquest of Granada*), причемъ авторъ въ изложеніи особенностей кастильской конституціи, по собственному признанію, во всемъ слѣдуетъ Маринѣ.

били и, наконецъ, рукописный матеріалъ, собранный нами частью въ Парижской національной библіотекѣ и, главнымъ образомъ, въ испанскихъ архивахъ и библіотекахъ. Считаемо долгомъ здѣсь же выразить свою глубокую и искреннюю благодарность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, содѣйствовавшимъ такъ или иначе, въ Россіи или за предѣлами ея, выполнению поставленной нами задачи.

II.

Прежде чѣмъ ввести читателя въ кругъ изученія вопросовъ, относящихся къ организаціи и компетенціи кастильскихъ кортесовъ въ періодъ ихъ могущества и упадка, считаемъ не лишнимъ бросить общій взглядъ на ходъ исторіи этого учрежденія и установить важнѣйшія эпохи ея.

Кастильскіе кортесы возникли и образовались изъ тѣхъ элементовъ политической и соціальной организаціи Испаніи, которые частью сохранились, какъ наслѣдство отъ Вестготской монархіи, разрушенной арабами въ 711 г., частью вновь народились подъ вліяніемъ феодализаціи общества въ послѣдующее время. Толедскіе соборы Вестготской эпохи, отличавшіеся теократическимъ характеромъ, астурийскіе и леонскіе соборы ранняго періода „Reconquista“, въ которыхъ духовный элементъ уравнивался свѣтскимъ, и наконецъ появленіе въ концѣ XII в. представителей средняго сословія рядомъ съ членами двухъ высшихъ въ національномъ собраніи Леонскаго королевства—таковы были три послѣдовательныя стадіи въ образованіи представительнаго образа правленія въ средневѣковой Кастиліи, существовавшей сперва, какъ вассальное по отношенію къ Леону графство, и получившей около половины X в. значеніе независимаго королевства, въ составъ котораго постепенно инкорпорированы были остальные части Пиренейскаго полуострова.

Въ Леонѣ и Кастиліи среднее сословіе получаетъ доступъ къ участию въ представительствѣ интересовъ страны значительно раньше, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ¹⁾, благодаря раннему

¹⁾ Въ Леонѣ и Кастиліи выступленіе средняго сословія датируется раньше, чѣмъ въ представительныхъ собраніяхъ другихъ государствъ Пиренейскаго полуострова: въ Каталоніи—1218 г., Португаліи—1254, Арагонѣ—1274. Валенсіи 1283

развитію политической свободы леоно-кастильскихъ общинъ, возникшихъ и усиливавшихся подъ вліяніемъ потребностей непрерывной борьбы съ маврами. Въ интересахъ успѣха борьбы короли и сеньоры должны были привлекать къ веденію ея всѣ классы населенія, уступать имъ извѣстныя льготы и привилегіи, посредствомъ которыхъ возможно было удержать колонистовъ на опасныхъ пунктахъ вновь завоеванной у мавровъ территоріи. Этимъ путемъ леоно-кастильскія общины приобрѣли свои муниципальные фуэросы, служившіе основаніемъ широкой автономіи, и усвоили военную организацію, служившую для нихъ не только оплотомъ противъ арабовъ, но и средствомъ защищать свои фуэросы противъ нарушенія ихъ королями или сеньорами. Дальнѣйшимъ шагомъ развитія общинъ было образованіе между ними военныхъ союзовъ или германдадъ, возникающихъ еще въ XI и XII вв., но получающихъ особенное развитіе въ теченіе XIII в. Распространеніе организаціи германдадъ на всѣ общины Кастиліи въ теченіе XIII в. сообщило имъ необыкновенное могущество и дало имъ перевѣсъ надъ остальными элементами общества. Благодаря этому, войдя въ составъ кортесовъ въ 1188 г., представители общинъ могли постепенно монополизировать учрежденіе и отодвигать на второй планъ духовенство и дворянство. Члены кастильской аристократіи обладали большимъ индивидуальнымъ значеніемъ и силой, отличались буйнымъ своеволіемъ, но не имѣли корпоративной организаціи, сообщавшей такое могущество арагонскому дворянству и кастильскимъ городамъ¹⁾. Разъединеніе силъ дворянства

Наваррѣ — 1300 г. (Sanchez Moguel, op. cit., p. 19). Wentworth Webster высказалъ любопытную гипотезу объ установленіи въ Англіи парламентскаго представительства буржуазіи въ 1265 г. Симономъ Монфоромъ подъ вліяніемъ пиренейскихъ фуэросовъ, усвоенныхъ имъ въ періодъ управленія Гізнью (1248—53), см. *Influencia de los fueros pirenaicos en la constitucion inglesa* (Boletin de la Instit. libre de ensenanza, t. VII, pp. 357—360; t. VIII, pp. 10—15. Madrid, 1884—85).

¹⁾ Попытки Фердинанда IV установить миръ и согласіе среди враждовавшего между собою дворянства вызвали слѣдующій характерный отвѣтъ D. Diego Lopez de Haro, одного изъ наиболѣе важныхъ представителей кастильской знати, боровшагося съ инфантомъ д. Хуаномъ изъ-за обладанія Бискайей: „Senor, j quién vos cuita á vos tanto, porque vos avengades á todos los omes buenos de la vuestra tierra? Ca cierto sed que si nos todos somos avenidos, toda la avenencia será sobre vos; lo uno en que no vos sufriremos que agades ninguna cosa de quantas vos facedes; lo otro en que querremos nos ser senores y poderosos de todos los reynos, y querremos que todos los hechos se libren por nos, y

и сплоченіе общинъ въ союзы—таковы два обстоятельства, опредѣлившія политическое преобладаніе послѣднихъ въ кортесахъ. Сила и крѣпость учрежденія вслѣдствіе этого поставлена была въ полную зависимость отъ той стойкости, которую могло проявить среднее сословіе въ защитѣ своихъ правъ и интересовъ противъ враждебныхъ элементовъ. Пока сохраняли свое значеніе и силу устои муниципальной жизни, пока общины обладали широкой автономіей и пока въ составъ ихъ не вошли посторонніе элементы, враждебные этой автономіи, до тѣхъ поръ кортесы, являвшіеся выраженіемъ могущества городовъ, оказывали широкое вліяніе на управленіе и законодательство страны и служили какъ бы осью, вокругъ которой вращалась вся политическая жизнь общества. XIII в. и значительная часть XIV-го были эпохой расцвѣта муниципальной жизни и высшаго могущества кортесовъ, значеніе которыхъ не уступало авторитету королевской власти. Но съ половины XIV в. въ относительномъ положеніи политическихъ элементовъ страны равновѣсіе нарушается въ пользу королевской власти, усиленію которой столько же способствовало удачное веденіе борьбы противъ мавровъ, сколько и утвержденіе въ сознаніи общества идей римскаго права, носителями которыхъ были легисты. Благодаря ихъ практической дѣятельности и преподаванію римскаго права въ школахъ, идея о королевской власти, какъ источникѣ законодательства и права, пріобрѣтала все больше сторонниковъ, и въ 1348 г., въ кортесахъ Алькала де Энаресъ уже возможно было объявить законодательный сборникъ Альфонса X „Las Siete Partidas“, составленный подъ сильнымъ вліяніемъ римскихъ юристовъ, кодексомъ дѣйствующаго права. Одновременно съ этимъ во внутренней организаціи общинъ происходили измѣненія, лишившія мало по малу кастильскія муниципіи ихъ прежней автономіи и поставившія управленіе ихъ подъ контроль назначаемыхъ королемъ чиновниковъ, т. наз. коррехидоровъ.

Результаты внутреннихъ измѣненій и реформъ, имѣвшихъ мѣсто въ царствованіе Альфонса XI, не замедлили сказаться при сынѣ его Петрѣ Жестокомъ. Король этотъ рѣже своихъ предшественниковъ созывалъ кортесы и управлялъ страной, какъ тиранъ. Но неумѣренное пользованіе властью вызвало противъ него реакцію. Петръ былъ

низложенъ и убитъ своимъ незаконнымъ братомъ Генрихомъ Трастамара, который и овладѣлъ престоломъ при помощи своихъ многочисленныхъ сторонниковъ (1369). Сословная монархія неожиданно получила новую силу съ переходомъ престола во власть новой династїи, которая, нуждаясь въ поддержкѣ сословій для защиты своихъ сомнительныхъ правъ на престолъ противъ притязаній герцога Ланкастерскаго, женатаго на Констансѣ, дочери Петра Жестокаго, должна была уважать сословныя привилегіи и феодосы и управлять страной согласно съ волей кортесовъ. Но въ слѣдующемъ столѣтіи, когда дѣйствіе этихъ случайныхъ причинъ ослабленія королевской власти прекратилось и положеніе новой династїи было упрочено на кастильскомъ престолѣ, процессъ разложенія началъ сословной монархїи возобновился съ новой силой и вмѣстѣ съ тѣмъ представительный образъ правленія все болѣе лишился, если можно такъ выразиться, питательныхъ соковъ въ окружающей средѣ. Въ царствованіе Хуана II, несмотря на безпрестанныя смуты, монархическая идея все болѣе крѣпнеть, благодаря образованію королевской партїи, стоявшей независимо отъ сословныхъ интересовъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей которой былъ Альвара де Луна. Ограниченная монархія постепенно обращалась въ абсолютную, и кортесы утрачивали свою силу и значеніе. Ничто не могло остановить процесса разложенія средневѣковыхъ учреждений и народненія новаго порядка вещей, и личныя свойства королей, занимавшихъ престолъ Кастиліи въ теченіе большей части XV в., именно ничтожность Хуана II и полная неспособность къ правленію Генриха IV, нисколько не помѣшали королевской власти достигнуть полнаго торжества надъ оппозиционными элементами въ царствованіе „католическихъ королей“, Изабеллы и Фердинанда.

Кромѣ общихъ причинъ, способствовавшихъ упадку парламентарнаго строя Кастиліи въ теченіе XV в., были и частныя, заключавшіяся въ недостаткахъ регламентаціи правъ и организациіи народнаго представительства, въ отсутствіи солидарности интересовъ не только между отдѣльными чинами, входившими въ составъ кортесовъ, но даже и въ средѣ средняго сословія, которому принадлежало тамъ преобладающее значеніе и которое сдѣлало изъ права голоса въ кортесахъ привилегію лишь 18 городовъ. Этими слабыми сторонами парламентарнаго строя Кастиліи носители монархической

идеи искусно пользовались для установленія въ странѣ королевскаго абсолютизма, слѣдуя въ этомъ отношеніи общему теченію эпохи.

Но не всегда подобный процессъ замѣны одного порядка вещей другимъ совершается безболѣзненно, рѣдко защитники старыхъ устоевъ жизни не вступаютъ въ борьбу съ представителями новыхъ идей и интересовъ. Борьба эта подчасъ принимаетъ острый и опасный характеръ, если „новые люди“ въ своемъ стремленіи ускорить паденіе старинныхъ учреждений слишкомъ круто обращаются съ защитниками старины, не щадя ихъ правъ, чувствъ и интересовъ. Тогда личные свойства дѣйствующихъ лицъ, особыя условія и обстановка событій драматизируютъ эту борьбу, сильно дѣйствуютъ на воображеніе не только современниковъ, но и потомковъ, которые въ одномъ событіи, какъ въ фокусѣ, воплощаютъ борьбу цѣлаго ряда поколѣній, и результаты продолжительнаго процесса измѣненій въ общественныхъ и политическихъ отношеніяхъ сводятъ къ послѣдствіямъ опредѣленнаго историческаго момента. Такой характеръ имѣлъ тотъ драматическій эпизодъ въ исторіи разложенія древняго парламентарнаго строя Кастиліи, который извѣстенъ подъ именемъ возстанія комунеровъ и служитъ предѣльнымъ хронологическимъ пунктомъ настоящаго изслѣдованія. Событіе это настолько замѣчательно и такъ тѣсно связано съ изучаемыми нами вопросами, что мы считаемъ необходимымъ остановиться на общей его характеристикѣ и оцѣнѣ.

III.

Возстаніе комунеровъ готовилось исподоволь, во время тѣхъ смутъ, которыя сопровождали переходъ престола изъ рукъ кастильской династіи во власть австрійскаго дома. Еще до прибытія Карла V въ Испанію въ странѣ существовало извѣстное раздраженіе противъ новой династіи, и однимъ изъ выразителей этого раздраженія былъ никто иной, какъ дѣдъ Карла, Фердинандъ Католикъ. Дѣло въ томъ, что послѣ смерти Изабеллы Кастильской престолъ перешелъ во власть дочери ея Іоанны, мужъ которой, Филиппъ Красивый, стремился создать въ странѣ партію, чтобы при помощи ея и подъ предлогомъ душевной болѣзни королевы получить самостоятельное управленіе государствомъ. Въ этихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ Филиппъ столкнулся съ интересами Фердинанда, которому, по смыслу завѣща-

нія Изабеллы, принадлежали извѣстныя права на управленіе Кастильскаго короны. Въ странѣ образовалось двѣ партіи, изъ которыхъ одна поддерживала стремленія Филиппа, а другая стояла на сторонѣ правъ и интересовъ Фердинанда. Но преждевременная смерть перваго рѣшила споръ въ пользу послѣдняго, и Фердинандъ былъ призванъ управлять страной по случаю болѣзни Іованны. Однако, чувство неприязни Фердинанда къ покойному зятю не прекратилось и было перенесено съ послѣдняго на его сына, инфанта Карла, воспитывавшагося тогда въ Нидерландахъ. Старый король хотѣлъ лишить его наслѣдованія если не кастильской короны, что было виѣ его власти, то по крайней мѣрѣ—арагонской, и съ этой цѣлью вступилъ во второй бракъ, выбравъ женой Жерменъ де Фуа, но единственный сынъ, родившійся отъ этого брака, скоро умеръ, и желаніе Фердинанда устранить Карла отъ наслѣдованія арагонской короны, вслѣдствіе этого, не могло осуществиться ¹⁾.

23 января 1516 г., Фердинандъ умеръ и, согласно его предсмертной волѣ, управленіе страной перешло въ руки кардинала Хименеса Сиснероса. Послѣдній въ теченіе своего кратковременнаго регентства старался установить добрыя отношенія между наслѣдникомъ престола, находившимся во Фландріи, и кастильскимъ народомъ, но задача эта оказалась невыполнимою вслѣдствіе деспотическихъ наклонностей инфанта: преждевременнымъ принятіемъ королевскаго титула, при жизни матери и безъ согласія на то кортесовъ, Карлъ ясно показалъ, что не намѣренъ соблюдать національныхъ правъ и обычаевъ Кастиліи. Совѣтамъ Сиснероса онъ предпочиталъ внушенія своихъ фламандскихъ любимцевъ, безцеремонно торговавшихъ общественными и церковными должностями въ интересахъ собственнаго обогащенія. Когда, 19 сентября 1517 г., Карлъ прибылъ въ Астурію, противъ него уже существовало сильное неудовольствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ со смертью Сиснероса (8 октября того же года) національные интересы кастильскаго народа лишились послѣдняго оплота. Фламандскіе пришельцы, пользовавшіеся покровительствомъ Карла, хищнически стали хозяйничать въ странѣ, на каждомъ шагѣ оскорбляя самолюбіе кастильцевъ незнаціемъ или неуваженіемъ ихъ правъ и обычаевъ. Послѣдующія событія дол-

¹⁾ См. Konrad Haebler, Der Streit Ferdinand's des Katolischen und Philipp's I um die Regierung von Castilien (1504—1506), Dresden. 1882.

жны были еще болѣе усилить народное неудовольствіе. Рѣшеніе Карла отправиться въ Германію для занятія императорскаго трона, освободившагося послѣ смерти Максимилиана, и требованіе отъ націи денежной субсидіи въ размѣрѣ 300 м. мараведи на связанные съ этимъ путешествіемъ расходы, хотя трехлѣтній срокъ предшествующей субсидіи, разрѣшенной Вальядолидскими кортесами 1518 г., еще не истекъ, вызвало энергическій протестъ со стороны депутатовъ кортесовъ, созванныхъ въ апрѣлѣ 1520 г. въ Сантіаго и вскорѣ перенесшихъ свои засѣданія въ Корунью. Депутаты просили Карла отказаться отъ проектируемаго путешествія, ссылаясь на законы, запрещающіе королю оставлять управляемую имъ страну, и не желали разрѣшить субсидію раньше полученія отвѣта на представленныя петиціи. Но королю и его министрамъ удалось сломить оппозицію путемъ подкуповъ, угрозъ и насилій (толедскіе и саламанкскіе депутаты насильственно были удалены изъ засѣданія кортесовъ). Большинство, вопреки своимъ полномочіямъ, разрѣшило требуемую сумму, послѣ чего король, не отвѣтивъ на петиціи, распустилъ кортесы и, поручивъ управленіе кардиналу Адріану и членамъ совѣта, въ половинѣ мая 1520 г. отправился въ путь.

Поведеніе Карла рѣзко отличалось отъ образа дѣйствій природныхъ кастильскихъ королей: онъ не только нарушалъ права и вольности народа, но и оскорблялъ его самолюбіе, оказывая предпочтеніе иностранцамъ и не скрывая своего пренебреженія къ національнымъ обычаямъ и языку. Къ злоупотребленіямъ королевскою властью кастильцы привыкли уже давно: предшествовавшія царствованія представляли рядъ примѣровъ пассивнаго отношенія народа къ нарушенію его вольностей, и въ этомъ смыслѣ Карла нельзя признать новаторомъ; но они не привыкли къ господству чужеземцевъ, къ оскорбленію своей національной гордости, которая особенно велика была подъ свѣжимъ воспоминаніемъ успѣховъ, достигнутыхъ въ славное царствованіе Изабеллы. Приобрѣтеніе Карломъ императорскаго престола въ Германіи не предвѣщало ничего хорошаго для кастильскаго общества, отлично понимавшаго, что въ этомъ случаѣ кастильская корона должна была служить не болѣе, какъ однимъ изъ орудій честолюбивыхъ стремленій Карла къ міровому господству, и что національные интересы Кастиліи будутъ принесены въ жертву антинациональной политикѣ короля. Когда усилія представителей городовъ заставить Карла отказаться отъ задуманнаго предпріятія не привели къ жела-

тельными результатами, долго сдерживаемое негодование народа наконец вырвалось наружу и выразилось въ возстаніи, девизомъ котораго было „Viva el Rey y mueran los malos ministros“. ¹⁾ Только въ рѣдкихъ случаяхъ раздавались голоса въ пользу полной эмансипаціи отъ королевской власти и установленія республиканскаго режима по образцу того, который существовалъ въ итальянскихъ республикахъ, Флоренціи, Генуѣ, Венеціи и т. д. Въ общемъ движеніе не имѣло анти-роялистическаго характера, такъ какъ вызвано было главнымъ образомъ раздраженіемъ противъ фламандскихъ министровъ Карла V, совѣтамъ которыхъ приписывались всѣ беззаконія короля. Въ половинѣ іюня 1520 г. движеніе охватывало уже большую часть кастильскихъ городовъ и выражалось то въ экзекуціяхъ депутатовъ, превысившихъ свои полномочія въ Сантіаго-Корунскихъ кортесахъ, то въ бунтахъ противъ непопулярныхъ коррехидоровъ. Репрессалии, употребленныя противъ возставшихъ агентами королевской власти, только усилили возстаніе, дали поводъ отдѣльнымъ городамъ соединиться въ интересахъ взаимопомощи, выработать общую организацію и планъ движенія. 29 іюля 1520 г. въ Авила представители возставшихъ городовъ, а также многіе члены духовенства организовали хунту, названную ими „святой“ въ знакъ святости защищаемаго дѣла, председателемъ которой избранъ былъ толедскій депутатъ Педро Ласо де-ла Вега. Вскорѣ въ распоряженіи хунты оказалось войско, составленное изъ отрядовъ, присланныхъ отдѣльными городами, и предводителемъ этого войска избранъ былъ другой толедскій депутатъ Хуанъ де Падилья, одна изъ благороднѣйшихъ личностей той эпохи. Отъ королевы Іоанны, находившейся въ Тордесильясѣ, кому-неры добились принятія подъ ея покровительство защищаемаго ими дѣла, воспользовавшись періодомъ проясненія ея сознанія, и перенесли въ Тордесильясъ засѣданія своей хунты. Возстаніе, получивши организацію, становилось грознымъ. Дворянство, однако, не пристало на сторону городовъ и занимало нейтральное положеніе, выжидая дальнѣйшихъ событій, которыя должны были опредѣлить его поведение. Положеніе императорскаго правительства, лишеннаго всякой поддержки въ странѣ, становилось отчаяннымъ, и кардиналъ Адрианъ

---

¹⁾ D. Antonio Ferrer del Rio, *Decadencia de España, Historia des levantamiento de las comunidades de Castilla* (Madrid, 1850), p. 69. Мы пользуемся этой прекрасной книгой для общей характеристики движенія.

въ своихъ письмахъ къ Карлу V сознавался въ безсиліи подавить революцію.

Обстоятельства, повидимому, какъ нельзя болѣе благопріятствовали осуществленію того „святого дѣла“, во имя котораго возникло и окрѣпло возстаніе. „Святое дѣло“ заключалось, во-первыхъ, въ огражденіи народа отъ тѣхъ злоупотребленій, которыя совершены были министрами Карла V и изложены въ отвергнутыхъ Карломъ петиціяхъ Сантіаго-Корунскихъ кортесовъ 1520 г.; по смыслу этихъ петицій, король не долженъ былъ раздавать иностранцамъ никакихъ должностей въ Кастиліи и грамотъ натурализациі, уравнивавшихъ иноземцевъ съ природными жителями страны;—во-вторыхъ, въ поправкахъ тѣхъ сторонъ кастильской конституціи, недостатки или неопредѣленность которыхъ давали просторъ королевскому произволу въ ущербъ народнымъ вольностямъ, именно комунеры хотѣли, чтобы престолонаслѣдіе совершалось только по мужской линіи съ исключеніемъ отъ права наслѣдованія короны лицъ, рожденных внѣ Кастиліи, чтобы въ парламентскомъ представительствѣ непременно принимали участіе представители всѣхъ трехъ сословій (*é que sin todos estos no se puedan hacer córtes*), чтобы депутаты не пользовались никакими милостями и вознагражденіями со стороны королевской власти, и, наконецъ, чтобы кортесы созывались каждые три года и не распускались раньше полученія депутатами королевскаго отвѣта на свои петиціи ¹⁾. Одни изъ этихъ *desiderata* комунеровъ продиктованы были воспоминаніемъ о недавнихъ обидахъ и злоупотребленіяхъ королевскихъ министровъ, другія—являлись результатомъ болѣе глубокаго анализа причинъ, обусловившихъ упадокъ народныхъ вольностей, и сознательнаго желанія устранить эти причины, поскольку онѣ заключались въ недостаткахъ организаціи народнаго представительства. Такимъ образомъ комунеры не только защищали свои старинныя вольности, но желали также внести извѣстныя поправки въ парламентарный строй Кастиліи въ интересахъ сохраненія этихъ вольностей въ будущемъ. Но тотъ методъ дѣйствія, которому слѣдовала кастильская демократія для осуществленія своихъ стремленій, ясно свидѣтельствовала, что она не въ состояніи была справиться, сама по себѣ, съ поставленными задачами. Въмѣсто того, чтобы вос-

¹⁾ *Capitulus de lo que ordenaban de pedir los de la junta. Colec. de documentos ineditos para la historia de Espana, t. I., pp. 271—273.*

пользоваться преимуществами положенія и обезпечить будущность своего дѣла обладаніемъ важнѣйшими стратегическими пунктами въ странѣ, Хуанъ де Падилья въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ предавался пагубному бездѣйствію, а „святая хунта“, какъ бы не довѣряя своимъ силамъ и правотѣ своего дѣла, отправила въ Германію къ Карлу своихъ делегатовъ съ просьбой удовлетворить тѣ петиціи, которыя онъ уже отвергъ въ кортесахъ 1520 г. Одинъ изъ пословъ былъ посаженъ, по приказу Карла V, въ Вормскую тюрьму, другой, не выполнивъ порученія, долженъ былъ бѣжать изъ опасенія быть повѣшеннымъ. Признавая движеніе серьезнымъ и опаснымъ для своей власти, Карлъ V счелъ необходимымъ привлечь на свою сторону дворянство, продолжавшее сохранять нейтралитетъ, и предложилъ двумъ вліятельнѣйшимъ представителямъ кастильской аристократіи, коннетаблю Иньиго де Веласка и адмиралу Фадрике Энрикесъ, раздѣлить съ Адріаномъ заботы по управленію королевствомъ и усмиренію возстанія. Предложеніе было принято, и вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство вышло изъ нейтральнаго положенія, рѣшивъ слѣдовать за своими вождами. Вся Кастилія тогда раздѣлилась на двѣ партіи, народную и аристократическую, девизомъ одной было „Santiago y libertad“, девизомъ другой—„Santa Maria y Carlos“. каждая, по существу, стремилась спасти свои старинныя вольности, но, не соединившись другъ съ другомъ, обѣ проиграли свое дѣло, одна раньше, другая позже. Первая очередь была за народной, которая имѣла много храбрыхъ солдатъ, но ни одного выдающагося вождя. Рѣшительная битва между комунерами и императорскими войсками произошла при Вильяларѣ 23 апрѣля 1521 г. и окончилась полнымъ пораженіемъ первыхъ. Хуанъ де Падилья, Хуанъ де Браво и Мальдонадо, стоявшіе во главѣ комунеровъ и взятые въ плѣнъ, были преданы казни, послѣ чего всѣ города постепенно приведены въ прежнее подчиненіе королю. Только Толедо, благодаря героизму вдовы Хуана де Падильи,—Маріи Пачеко, въ состояніи было оказывать сопротивленіе императорскимъ войскамъ въ теченіе 9 мѣсяцевъ. Послѣ сдачи Толедо (25 октября 1521 г.) возстаніе комунеровъ окончательно было подавлено, а важнѣйшіе руководители его были казнены послѣ возвращенія Карла въ Испанію въ іюлѣ 1522 г.

Такъ закончилось возстаніе 1520—1521 гг. Оно вызвано было случайными причинами, и послѣдствія его стояли въ полномъ противорѣчій съ тѣмъ, къ чему стремились комунеры: они хотѣли

возродить вольности кастильскаго народа, но своей неудачей лишь ускорили ихъ паденіе. Карлъ V не уничтожилъ кортесовъ, да и не было основательныхъ причинъ для уничтоженія ихъ: послѣ пораженія комунеровъ при Вильяларъ, національное собраніе утратило способность сдерживать произволъ королевской власти. Карлъ ограничился лишь одной мѣрой, лишившей кортесы навсегда характера сословно-представительнаго собранія, именно, издалъ въ 1538 г. указъ о томъ, чтобы впредь члены аристократіи не появлялись на собраніяхъ кортесовъ. Съ такимъ характеромъ кортесы просуществовали до 1789 г., когда въ послѣдній разъ созваны были въ Мадридѣ въ своей старинной формѣ.

КАСТИЛЬСКІЕ КОРТЕСЫ

въ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени.

ЧАСТЬ I.

ОРГАНИЗАЦІЯ КОРТЕСОВЪ.

ГЛАВА I.

СОСТАВЪ КОРТЕСОВЪ.

I. Король и три государственныхъ чина въ кортесахъ.—II. Король и его приближенные.—III. Дворянство.—IV. Духовенство.—V. Общины.

I. Король и три государственныхъ чина (*estados*¹⁾ въ кортесахъ.

Слово «кортесы» замѣняетъ слово «соборы» (*consilia*) для обозначенія національных собраній древнихъ королевствъ Леона и Кастилии приблизительно съ того времени, когда духовенство утрачиваетъ въ нихъ свое преобладаніе, и окончательно входитъ въ употребленіе, когда, кромѣ членовъ духовной и свѣтской аристократіи, короли стали приглашать къ своему двору на совѣщанія и представителей третьяго сословія. Первое положительное извѣстіе объ участіи въ національномъ собраніи представителей этого сословія относится къ послѣдней четверти XII в. Это собраніе «*cum omnibus episcopis, magnatibus et cum electis civibus regni sui*» имѣло мѣсто въ Леонѣ въ 1188 г. и въ отличіе отъ многихъ предшествующихъ

¹⁾ Ни въ одномъ изъ памятниковъ эпохи средневѣковыхъ кортесовъ мы не встрѣчали термина „*bragos*“ для обозначенія сословій, составлявшихъ кастильскіе кортесы, и не понимаемъ, почему многіе современные изслѣдователи смѣшиваютъ терминологию кастильскаго и арагонскаго права.

названо было латинскимъ словомъ *curia*¹⁾. Со времени Бенавентскихъ кортесовъ 1202 г.²⁾ участіе представителей третьяго сословія становится постояннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и употребленіе слова *curia*, въ латинской или испанской транскрипціи его (*corte*, или во множеств. числѣ: *cortes*), для обозначенія этого рода собраній.

Въ 1230 г. два сосѣднихъ и родственныхъ королевства Леонъ и Кастилія приобрѣтаютъ общаго главу въ лицѣ кастильскаго короля и навсегда сливаются другъ съ другомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ кортесы, независимо существовавшіе въ каждомъ изъ этихъ государствъ, становятся общими для соединенныхъ королевствъ, начиная съ 1250 г. Такимъ образомъ въ 1-й половинѣ XIII в. составъ кортесовъ вполне опредѣлился. Это было собраніе трехъ чиновъ двухъ слившихся при Фердинандѣ св. III въ одно государство, древнихъ королевствъ Леона и Кастиліи. По мѣрѣ расширенія границъ кастильскаго государства составъ кортесовъ измѣнялся лишь въ количественномъ отношеніи, такъ какъ области, завоеванныя у мавровъ, получали въ нихъ свое представительство. Тѣмъ не менѣе воспоминанія объ особомъ и самостоятельномъ историческомъ существованіи составныхъ частей кастильской короны не скоро изгладились и были причиной того, что наряду съ кортесами, общими для Леона и Кастиліи, по временамъ созывались частныя для каждой области, особенно въ эпохи смутъ и борьбы между различными магнатами, оспаривавшими другъ у друга честь руководить правленіемъ страны въ періоды малолѣтства королей. Такіе частныя кортесы имѣли мѣсто въ эпоху несовершеннолѣтія Фердинанда IV и Альфонса XI, когда каждая область поддерживала своего кандидата на званіе регента страны и королевскаго опекуна³⁾.

¹⁾ Cortes de los antiguos reinos de Leon y de Castilla, t. I, p. 39. Название это встрѣчается еще раньше, напр., въ примѣненіи къ Бургосскому собранію 1169 г., но неизвѣстно, кто участвовалъ въ немъ. (См. Donacion del Rey D. Alonso a la Iglesia de Burgos... Facta cartha Burgis in Era 1207 (1169 г.) 13 kalendas Decemb. tunc temporis quo serenitissimus Rex Aldephonsus ibi primo curiam celebravit Regnante in Toletto, Castiella, Naxara et Extremadura. Текстъ—въ приложеніи къ Relaciones genealogicas Suarez de Alarcon'a, p. 10, escrit XIX). Сообщение „Cronica General“ объ участіи въ этомъ собраніи и депутатовъ общинъ лишено основанія, какъ это показалъ М. Colmeiro (De la constitucion y del gobierno de Leon y Castilla, t. I, p. 305 и слѣд. п. 1).

²⁾ C. de L. y C., t. I, p. 43.

³⁾ Memorias del rey D. Fernando IV, t. I, pp. 5, 99, 125; Cronica del rey D. Alfonso XI, pp. 177—178.

Идея общенациональных интересов съ большимъ трудомъ утверждалась въ общественномъ сознаниіи и брала перевѣсъ надъ областнымъ сепаратизмомъ. Въ Бургосскихъ кортесахъ 1301 г., куда были призваны лишь депутаты отъ кастильскихъ общинъ, послѣдніе просили короля, чтобы впредь созывались только общіе кортесы, съ участіемъ депутатовъ и отъ леонскихъ и эстремадурскихъ общинъ¹⁾. Но и послѣ этой петиціи еще долго созывались, наряду съ общими кортесами, областные. Такъ, въ 1313 г., во время спора между инфантами Д. Педро и Д. Хуаномъ изъ за опеки надъ малолѣтнимъ королемъ Альфонсомъ XI съ одной стороны, а съ другой—между Д. Маріей де Молина—бабкой и Д. Констансой—матерью короля, кортесы созывались нѣсколько разъ, причемъ въ большинствѣ случаевъ имѣли областной характеръ²⁾. Въ 1318 г. эстремадурскія и леонскія общины отказались участвовать въ кортесахъ вмѣстѣ съ кастильскими, въ виду оскорбленій, нанесенныхъ имъ депутатами послѣднихъ въ Карріонскихъ кортесахъ. Вслѣдствіе этого пришлось созвать кортесы сперва въ Вальядолидѣ для кастильскихъ общинъ, а затѣмъ въ Медина дель Кампо—для леонскихъ и эстремадурскихъ³⁾. Созывъ частныхъ кортесовъ, особенно въ царствованіе Альфонса XI, обуславливался не только областнымъ антагонизмомъ составныхъ частей короны, но и стремленіемъ королей раздѣлить силы оппозиціи для болѣе легкаго полученія необходимыхъ субсидій. Такъ, въ 1342 г. Альфонсъ XI послѣдовательно созываетъ кортесы въ Бургосѣ, Леонѣ, Саморѣ и Авилѣ для полученія средствъ на веденіе войны съ маврами⁴⁾. Въ 1345 г. созываются имъ для этой же цѣли кортесы въ Бургосѣ⁵⁾, Леонѣ⁶⁾ и Алькала де Энаресѣ⁷⁾. Но уже со второй половины XIV в. (послѣ 1351 г.) областные кортесы исчезаютъ, созываются лишь общіе кортесы (*cortes generales*) для всѣхъ частей королевства, представители третьяго сословія по-

¹⁾ C. de L. y C., t. I, pp 149—150, § 23.

²⁾ Cron. del rey D. Alf. XI, pp. 177—178: Perez, Historia del Real Monesterio de Sahagun, p. 166

³⁾ Cron. del rey D. Alf. XI, p. 182.

⁴⁾ Cron. del rey D. Alf. XI, pp. 335—338.

⁵⁾ C. de L. y C., t. I, p. 483.

⁶⁾ Carta de D. Alfonso XI dada en Madrid á 28 diciembre de Era 1383 (*Año 1345*) con relacion á las *Cortes de Leon*. Ms. de la Biblioteca Nacional de Madrid= Coleccion del P. Burriel=Dd. 119, fol. 145—146.

⁷⁾ C. de L. y C., t. I, p. 477.

лучаютъ въ актахъ кортесовъ общее названіе «procuradores de las ciudades e villas e lugares de nuestros rregnos», безъ практиковавшагося раньше обозначенія тѣхъ областей, которыя представлялись ими. Съ этой эпохи уже не бываетъ общихъ или частныхъ кортесовъ, а только полные или не полные, въ зависимости отъ того, присутствовали въ нихъ всѣ три сословія, или одно только среднее, или отъ того, всѣ ли общины были представлены, или только нѣкоторыя изъ нихъ. Въ зависимости отъ большей или меньшей полноты національнаго собранія получаютъ названія cortes или ayuntamiento (собрание); но иногда оба названія вмѣстѣ употребляются для обозначенія одного и того же собранія⁴⁾, такъ что нельзя сказать, чтобы въ употребленіи этихъ терминовъ соблюдалась правильность, и чтобы всегда они означали одно и то же. Въ XIII, XIV и первой половинѣ XV в. большая или меньшая полнота кортесовъ зависѣла отъ чисто случайныхъ причинъ: внутренніе раздоры партій, войны, эпидеміи, отсутствіе безопасности, а иногда и желаніе избѣгнуть издержекъ, съ которыми связано было путешествіе и присутствіе въ кортесахъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда трактовавшіеся въ кортесахъ вопросы не затрогивали непосредственно интересовъ извѣстныхъ сословій или извѣстной части ихъ, были причинами того, что далеко не всѣ приглашаемые королемъ къ участію въ кортесахъ пользовались своимъ правомъ. Къ тому же не существовало карательныхъ мѣръ для неявившихся на королевскій зовъ, и страхъ наказанія потому не могъ служить стимуломъ для тѣхъ, у кого не хватало доброй воли для исполненія долга и вмѣстѣ съ тѣмъ осуществленія своего права, въ смыслѣ участія въ кортесахъ по королевскому зову. Эта неправильность участія сословій въ кортесахъ, вызывавшаяся въ началѣ случайными причинами, постепенно увеличиваясь, образовала въ половинѣ XV вѣка серьезную брешь въ организаціи кортесовъ, такъ какъ, начиная съ этой эпохи, кортесы являются уже почти исключительно собраніемъ представителей третьяго сословія и притомъ не отъ всѣхъ общинъ, а только нѣкоторыхъ привилегированныхъ. Неправильность участія въ кортесахъ двухъ высшихъ сословій шла рядомъ съ неправильностью участія общинъ; королевская политика пользовалась этимъ обстоятельствомъ въ собственныхъ ин-

---

⁴⁾ C. de L. y C., t III, p. 835; en las cortes e ayuntamiento que yo agora hize en esta puebla...

тересахъ и достигла того, что въ началѣ XVI в. кортесы лишились самостоятельнаго политическаго значенія. Выраженіе «неправильность участія» сословій въ кортесахъ невольно вызываетъ вопросъ, какія же правила существовали на этотъ счетъ? Особаго кодекса постановленій относительно состава кортесовъ и правилъ объ участіи сословій въ нихъ нѣтъ. Сохранились лишь нѣкоторые тексты въ актахъ кортесовъ XIV и XV в. и свидѣтельства хроникъ той же эпохи, позволяющія судить о томъ, какова была существовавшая практика въ кортесахъ, сложившаяся подъ вліяніемъ обычая, и какихъ воззрѣній держалось общество относительно состава кортесовъ, какъ должнаго. Въ 1295 г. Толедскій архіепископъ торжественно протестовалъ отъ собственнаго имени и отъ имени нѣкоторыхъ прелатовъ и магнатовъ противъ постановленій Вальядолидскихъ кортесовъ, сдѣланныхъ безъ ихъ участія. Въ своемъ протестѣ, для обозначенія Вальядолидскаго собранія, изъ котораго онъ выѣстъ съ прелатами и знатію былъ насильственно удаленъ, Толед. арх. избѣгаетъ слова кортесы и употребляетъ описательное выраженіе «въ то время, когда собраны были тамъ общины Кастиліи и Леона»¹⁾. Въ одной изъ петицій Мадридскихъ кортесовъ 1393 г. мы читаемъ, что король не долженъ назначать новыхъ налоговъ «прежде чѣмъ не будутъ созваны и не соберутся три чина, которые должны являться въ кортесы»²⁾. Въ 19-й петиціи Мадридскихъ кортесовъ 1419 г. депутаты, ссылаясь на обычай кастильскихъ королей созывать кортесы съ участіемъ трехъ чиновъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда предстояло сдѣлать постановленія по вопросамъ общаго интереса или особой важности, просили Хуана II-го не отступать отъ этого похвальнаго обыкновенія³⁾. Замѣчательная ремонстрація бургосскихъ депутатовъ въ Авилахъ кортесахъ 1420 г., созданныхъ для признанія Тордесильскаго дворцоваго переворота, даетъ еще болѣе ясное понятіе о томъ, кто долженъ былъ принимать участіе въ кортесахъ для того, чтобы постановленія ихъ имѣли авторитетъ и общеобязательную силу. Пред-

¹⁾ Хроника Фердинанда IV (*Mem. del Rey D. Fer. IV, t. I, p. 9*) ошибочно объясняетъ устраненіе Толед. архіепископа и прелатовъ изъ Вальядолидскихъ кортесовъ, какъ результатъ добровольнаго соглашенія ихъ съ королевой Маріей де Молина. Текстъ протеста напечатанъ въ *Mem. del Rey D. Fer. IV, t. II, p. 40*.

²⁾ A menos de ser primeramente llamados e áyuntados los tres estados que deben venir á las cortes. *C. de L. y C., t. II, p. 527*.

³⁾ *C. de L. y C., t. III, p. 21*

ставители г. Бургоса отказались признать Авильское собраніе 1420 г. кортесами на томъ основаніи, что къ участию въ немъ не были приглашены «главные члены кортесовъ, которые необходимо должны присутствовать въ нихъ ¹⁾». Этими главными членами, неприглашенными въ кортесы, были, по словамъ депутатовъ, сеньоръ де Лара, имѣвшій первый голосъ въ кортесахъ, какъ представитель всего сословія гidalго, адмиралъ и большинство другихъ великихъ должностныхъ лицъ (*los oficiales mayores del Rey*), какъ главный канцлеръ, главный судья, главный майордомъ, губернаторы Кастиліи и Галисіи (*Adelantado Mayor*), главный королевскій знаменосецъ (*Alferez*), королевскіе маршалы, главный камергеръ (*Repostero Mayor*); большинство прелатовъ и много другихъ лицъ, достойныхъ приглашенія въ кортесы ²⁾. Идея о кортесахъ, какъ о собраніи трехъ государственныхъ чиновъ (*tres estados*), созываемыхъ королемъ къ своему двору, продолжала жить въ сознаніи общества и въ ту эпоху, когда на практикѣ они становились все чаще собраніемъ представителей общинъ; и носителемъ этой идеи было не одно какое-нибудь сословіе, а всѣ три. Такъ 28 сентября 1464 года, среди всеобщей анархіи, въ какую повергла страну неспособность къ правленію Генриха IV, духовенство и дворянство обратилось къ королю съ требованіемъ созвать на кортесы представителей и членовъ всѣхъ трехъ сословій для упорядоченія дѣлъ государства ³⁾. Такимъ образомъ обычай и общественное мнѣніе требовали, чтобы кортесы состояли изъ короля и трехъ чиновъ. Случаи нарушенія этого обычая имѣли мѣсто, начиная еще съ половины XIII в.; но, какъ вредное нововведеніе, оно стало разсматриваться не раньше первой половины XV в. Въ послѣдній разъ всѣ три чина созваны были въ Толедскихъ кортесахъ 1538 г. Съ тѣхъ поръ кортесы становятся исключительнымъ собраніемъ одного средняго сословія ⁴⁾.

¹⁾ Los miembros principales que en Córtes de necesidad conviene de estar.

²⁾ Cron. del rey D. Juan II, p. 386.

³⁾ .....é mande llamar los procuradores de las cibdades é villas de vuestros reynos que sean por ellos elegidos en libertad....é los perlados é ricos—homes, é quiera tener cortes generales con todos ellos. Representacion dirigida al rey don Enrique IV. Документъ этотъ помѣщенъ у Tapia, Historia de la civilizacion española, t. II, Apen. 3, p. 315.

⁴⁾ D. Manuel Fernandez Martin, Derecho parlamentario español, t. I, pp. 77—80.

II. Король и его приближенные.

Присутствіе короля въ кортесахъ было необходимо. Онъ составлялъ настолько органическій элементъ ихъ, что собраніе это безъ его присутствія юридически считалось невозможнымъ. Самая этимологія слова «кортесы» указывала на то, что государственные чины, собиравшіеся на зовъ короля, составляли какъ бы дворъ его. Если болѣзнь мѣшала королю лично присутствовать въ кортесахъ, его замѣняли, по его распоряженію, одинъ изъ членовъ королевской фамиліи¹⁾. То же самое имѣло мѣсто и въ случаяхъ несовершеннолѣтія короля, когда его замѣняли въ кортесахъ опекуны. Собранія, созывавшіеся безъ предписанія короля или лицъ, замѣшавшихъ его на законномъ основаніи, имѣли нелегальный характеръ, назывались хунтами или *ayuntamientos*, и постановленія ихъ не могли имѣть обязательной силы ни для кого. Такой характеръ имѣла хунта 1282 г., созванная инфантомъ Д. Санчо, сыномъ короля Альфонса X, съ цѣлью низложенія послѣдняго съ престола, въ которой принимали участіе добровольно или по принужденію члены всѣхъ трехъ сословій. Бургосскій и Паленсійскій епископы, насильно привлеченные къ участію въ этой хунтѣ, составили потомъ формальный протестъ противъ постановленій ея, объявивъ ихъ нелегальными²⁾. Послѣ смерти короля Санчо Храбраго въ 1295 г., завѣщавшаго опеку надъ малолѣтнимъ Фердинандомъ IV матери его Маріи де Молина, инфантъ Генрихъ—дядя короля, претендовавшій на опеку надъ нимъ,—созывалъ въ различныхъ областяхъ королевства хунты для привлеченія на свою сторону населенія. Однако чувство лояльности заставляло сословія покинуть эти хунты и явиться въ кортесы, какъ только они были созваны Маріей де Молина, на что она одна имѣла право, какъ законная опекунша короля³⁾. На протяженіи всей исторіи кастильскихъ кортесовъ до начала XVI в. короли неуклонно присутствуютъ въ кортесахъ и предсѣдательствуютъ въ нихъ, за исключеніемъ приведенныхъ выше случаевъ. Но въ началѣ XVI в. болѣзнь королевы Іоанны Безумной, малолѣтство Карла V и смерть

---

¹⁾ Напр., когда въ 1406 г. Генрихъ III заболѣлъ, его замѣняли въ кортесахъ инф. Фердинандъ, братъ короля. *Cron. del rey D. Enrique*, p. 259.

²⁾ *Memorial Historico Espanol*, t. II, pp. 59—33.

³⁾ *Mem. del rey D. Fern. IV*, t. I, pp. 5—6.

регента королевства Фердинанда Католика даютъ начало новому порядку вещей: образуется особая магистратура *президентства кортесовъ*, которая поручается уже не членамъ королевской фамилии, а членамъ духовнаго сословія. Такимъ президентомъ являлся Бургосскій епископъ въ Вальядолидскихъ кортесахъ въ 1515 г.¹⁾ и Бадахосскій епископъ въ кортесахъ 1520 г. въ Сантіаго-Корунья²⁾. Короля или лицъ, заступающихъ его мѣсто, обыкновенно сопровождали королева, инфантъ—наслѣдникъ и другіе члены королевской фамилии. Присутствіе послѣднихъ было обыкновеннымъ, но, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда имъ принадлежала опека надъ малолѣтнимъ королемъ, оно не было необходимымъ, какъ это можно заключить изъ ряда актовъ кортесовъ XIII, XIV, XV и начала XVI в., гдѣ, кромѣ царствующихъ лицъ, не упоминаются другіе члены королевской фамилии. Кромѣ того короля обыкновенно сопровождали въ кортесахъ высшіе придворные сановники и высшія должностныя лица, составлявшіе какъ бы правительственный совѣтъ короля. Въ первой четверти XV в. присутствіе этой группы лицъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «los oficiales mayores del Rey», считалось необходимымъ, какъ видно изъ цитированной уже ремонстраціи Бургосскихъ депутатовъ 1420 г. Эта группа придворныхъ и административныхъ сановниковъ, немногочисленная въ XIII в., постепенно увеличиваясь, по мѣрѣ усложненія придворнаго этикета и государственнаго механизма, въ половинѣ XV в. состояла уже изъ коннетабля Кастиліи, великаго канцлера, адмирала, верховнаго судьи, главнаго знаменосца, великихъ майордомовъ, камергеровъ, маршаловъ, начальниковъ гвардіи (*guardas mayores*), казначесвъ. Затѣмъ сюда же входили правители или губернаторы (*Adelantados Mayores*) пограничныхъ областей Кастиліи, Леона, Андалузій и др.³⁾. Почетъ и выгода, связанные съ замѣщеніемъ этихъ должностей, заставляли домогаться ихъ не только представителей духовной и свѣтской знати, но и принцевъ крови. Быть при дворѣ, получившемъ ослѣпительный блескъ еще при Хуанѣ II, участвовать въ дѣлахъ правленія и пользоваться милостями короля—такова была цѣль честолюбивыхъ стремленій кастильской аристократіи XV в., на встрѣчу которымъ шла и

¹⁾ C. de L. y C., t. IV, p. 246.

²⁾ C. de L. y C., t. IV, p. 290.

³⁾ C. de L. y C., tt. I—IV passim.

сама королевская власть, понимая, что гордый и своевольный вассалъ, опасный для ея интересовъ пока остается на свободѣ, становится послушнымъ ея орудіемъ подъ вліяніемъ разслабляющей атмосферы придворной жизни. Въ то же время приливъ членовъ свѣтской и духовной аристократіи ко двору и утрата ею своей сословной независимости имѣли послѣдствіемъ то, что ряды двухъ высшихъ чиновъ въ кортесахъ постепенно рѣдѣли, и значеніе національнаго собранія, вслѣдствіе этого, уменьшалось.

Начиная со второй половины XIV в., составъ кортесовъ усложняется образованіемъ въ нихъ новаго элемента, тѣсно примыкающаго къ особѣ короля. Этимъ новымъ элементомъ были легисты. Впервые они появляются въ кортесахъ Торо 1371 г. подъ названіемъ «*nuestros aydores*¹⁾», какъ члены Королевской Аудіенціи, обязанные принимать петиціи, представляемыя на имя короля различными лицами. Со времени же образованія въ 1385 г. постоянного королевскаго Совѣта²⁾, они входятъ въ составъ его и получаютъ названіе также «*doctores* или «*letrados del mi consejo*», или просто «*los del consejo del Rey*»³⁾. Разъ вступивъ въ кортесы, они уже не оставляютъ ихъ, напротивъ значеніе ихъ тамъ постепенно увеличивается.

Эта группа разночинцевъ, обязанныхъ своимъ возвышеніемъ милости короля и своимъ познаніямъ въ области римскаго и каноническаго права, изученіе котораго въ то время было очень распространено въ испанскихъ университетахъ, по характеру своихъ тенденцій была враждебна принципамъ сословной монархіи и представительныхъ собраній. Легисты составляли въ кортесахъ нейтральный элементъ и служили какъ бы посредниками между королемъ и отдѣльными сословіями, интересы которыхъ часто были противоположны. Сословный антагонизмъ давалъ имъ тысячи поводовъ для вымѣстательства въ дѣятельность кортесовъ. Они старались соблюдать равновѣсіе между борющимися сторонами, присоединяясь то къ той, то къ другой изъ нихъ⁴⁾; они повсюду распространяли свое ни-

¹⁾ С. de L. y C., т. II, р. 189. Впрочемъ, еще раньше въ актахъ кортесовъ 1338 и 1367 г. (ib, т. I, р. 444. т. II, р. 156) встрѣчаются неопредѣленные выраженія «*los ortos del nuestro consejo*», подъ которыми, можетъ быть, и разумѣется зарождающееся сословіе легистовъ.

²⁾ Conde de Torrealanaz, Los concejos del rey durante la Edad Media, т. II, р. 136.

³⁾ С. de L. y C., т. II, р. 286, т. III, р. 10, et passim.

⁴⁾ Одинъ изъ характерныхъ примѣровъ этой стороны дѣятельности легистовъ находимъ въ Cron. del rey D. Juan I, р. 138.

великующее влияние, работая въ пользу установленія государственной централизаціи; они, наконецъ, являлись самыми вѣрными служителями монархической идеи.

Значеніе ихъ особенно увеличивается въ теченіе второй половины XV в. Въ началѣ XVI-го, когда образуется цѣлая система магистратуры кортесовъ, въ видѣ президента, секретарей, дѣлопроизводителей, юрисконсультовъ кортесовъ, — всѣ эти должности переходятъ въ руки легистовъ, которыми бывали одинаково, какъ свѣтскія, такъ и духовныя лица¹⁾.

III. Дворянство (*Estado militar*).

Въ Кастиліи дворянство, а не духовенство составляло первый чинъ въ кортесахъ въ отношеніи порядка подачи голосовъ. Присутствіе членовъ этого сословія въ кортесахъ вытекало изъ свойствъ феодальныхъ отношеній эпохи и составляло продолженіе того участія, которое принимали они, въ качествѣ придворныхъ чиновъ или правителей областей, въ соборахъ предшествующаго періода. Изъ терминологіи актовъ соборовъ XI и XII в.в. видно, что въ нихъ принимали участіе только высшіе члены свѣтской аристократіи²⁾. По-видимому, то же имѣло мѣсто и въ кортесахъ 1188, 1202 и 1208 г.г.³⁾ Отъ 1217 до 1250 г. не сохранилось свѣдѣній о кортесахъ, созывавшихся въ этотъ періодъ, если только дѣйствительно они созывались. Въ 1250 г. дворяне, участвующіе въ Севильскихъ кортесахъ, обозначаются испанскими терминами «ricos homes et caualleros»⁴⁾, которые, по-видимому, соотвѣствуютъ латинскимъ «barones et optimates nostrae curiae» Толедскихъ кортесовъ 1255 г.⁵⁾ Къ этимъ двумъ обозначеніямъ членовъ кастильской знати, принимавшихъ участіе въ

¹⁾ C. de L. y C., t. IV, p. 222 (los escrivanos de Cortes, secretario de las dichas Cortes), pp. 246—290 (presidente de las Cortes, letrados asistentes de las dichas Cortes).

²⁾ Optimates 1020 и 1050 гг. (C. de L. y C., t. I, pp. 1, 21); principes, 1115 г. (ib. p. 30); comites et principes et terrarum potestates, 1129 г. (ib., p. 36, n. I); regni sui illustrium ac nobilium virorum conventus, 1176 г. (Salazar y Castro, Historia genealogica de la casa de Lara, t. III, p. 17).

³⁾ Magnates, 1188 г. (C. de L. y C., t. I, p. 39); vassali mei, 1202 (ib. p. 43); totius regni primatum et baronum gloriosum collegium, 1208 (ib. pp. 46—47).

⁴⁾ Colmenares, Historia de Segovia, p. 205.

⁵⁾ Рукопись Парижск. Націон. Библиотеки, Esp. 338, f° 50 (см. приложение).

кортесахъ, въ 1269 г. прибавляются «*infanzones*» и «*fijosdaldo*» ¹⁾, а въ 1317—«*escuderos*» ²⁾). Есть-ли основаніе предполагать, что каждый изъ вышеприведенныхъ терминовъ служилъ обозначеніемъ различныхъ группъ дворянства, послѣдовательно завоевывавшихъ себѣ мѣсто въ кортесахъ? Акты послѣднихъ не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ, и для разъясненія его приходится обращаться къ другимъ законодательнымъ памятникамъ эпохи. Законы «*Siete partidas*» опредѣляютъ *rico home*, какъ человѣка знатнаго происхожденія, обладающаго нравственною доблестью. «*Ricos omes*, по этимъ законамъ, должны совѣтовать королю въ важныхъ случаяхъ и служить украшеніемъ его двора и королевства». Далѣе: «Въ Испаніи *ricos omes* называются тѣ, которыхъ величаютъ въ другихъ странахъ графами и баронами» ³⁾. Такимъ образомъ, въ XIII в. подъ *ricos homes*, или *ricos ombres* разумѣлись высшіе члены свѣтской аристократіи, которые въ другихъ странахъ извѣстны были подъ именемъ графовъ или бароновъ. Исслѣдователь испанскихъ муниципальных фуэросовъ Munoz у Romero въ своемъ трудѣ о состояніи лицъ въ Астуріи и Леонѣ въ первые вѣка «*Reconquista*», различаетъ для этой эпохи двѣ категоріи знатныхъ лицъ: одну (*principes, potestates terrae, magnates, richi homines*) составляли крупные поземельные собственники, обладавшіе огромными богатствами, другую (*primates, magnates togae palatii, optimates aulae regis, comites*)—знатныя лица, которымъ король поручалъ командованіе войскомъ, отправленіе правосудія, сборъ податей ⁴⁾. Изъ приведенныхъ терминовъ языкъ актовъ XIII в. сохранилъ лишь одинъ—*richi homines* или *ricos ombres*. Сопоставляя объясненіе этого слова у Munoz у Romero для эпохи первыхъ вѣковъ «*Reconquista*» (IX, X и XI) со значеніемъ его въ *Siete Partidas*, можно думать, что *ricos hombres* XIII в. соединили въ себѣ признаки двухъ отмѣченныхъ группъ высшей знати предшествующаго періода. Значеніе другихъ терминовъ, употребляемыхъ въ актахъ кортесовъ, узнаемъ изъ «*Fuero Viejo de Castilla*» этого знаменитаго кодекса привилегій и вольностей кастильской знати, дѣйствовавшаго отъ XI до XIV в.

¹⁾ C. de L. y C., t. I, p. 85.

²⁾ Ib., p. 300.

³⁾ Ley 6, tit. 9, Part. 2; Ley 10, tit. 25, Part. 4.

⁴⁾ Munoz у Romera, Del estado de los personas, p. 108.

«Если какой нибудь *ricos-ome*, читаемъ въ одномъ изъ постановленій этого *фуэро*: будучи вассаломъ короля, пожелаетъ оставить его и не быть больше его вассаломъ, онъ можетъ проститься съ нимъ черезъ посредство одного изъ своихъ вассаловъ—рыцаря или щитоносца, съ тѣмъ, чтобы посланный былъ дворянскаго происхожденія (*гидальго*¹⁾».

Изъ приведеннаго текста видно, во-первыхъ, что «*гидальго*» (*fijos dalgo*) было общимъ обозначеніемъ для рыцарей (*caballeros*) и щитоносцевъ (*escuderos*), во вторыхъ, что *ricos ombres* были непосредственные вассалы короля, а *caballeros* и *escuderos*—вассалы *ricos hombres*, и, наконецъ, что *caballeros* и *escuderos*, въ сословномъ отношеніи, могли быть и не *гидальго*.

Изъ другихъ текстовъ узнаемъ, что *caballeros* и *escuderos*, подобно *ricos hombres*, могли быть также и непосредственными вассалами короля.

Среднее мѣсто между *ricos hombres* и *гидальго* занимали *infanzones*. Законы *Fuero Viejo* за нападеніе на замокъ инфансона устанавливаютъ такой же штрафъ, какъ и за нападеніе на намѣстника барона (*Merino de Rico ome*), въ размѣрѣ 500 сольдовъ²⁾. Такое толкованіе слова «*infanzones*» подтверждается употребленіемъ его еще въ X в. для обозначенія сыновей и потомковъ высшей знати, какъ это заключаетъ *Munoz y Romero* на основаніи изученія грамотъ той эпохи³⁾. Такимъ образомъ пять вышеприведенныхъ терминовъ соотвѣтствовали тремъ главнымъ группамъ дворянства—*ricos hombres*, *infanzones* и *fijosdalgo*, причемъ послѣдняя группа подраздѣлялась на 2: на *caballeros* и *escuderos*. Всѣ эти группы дворянства были вполне представлены въ кортесахъ лишь 4 раза: въ 1351, 1369, 1371 и 1391 г.⁴⁾ Послѣ 1371 г. *infanzones* не появляются больше въ кортесахъ, можетъ быть потому, что одна часть ихъ слилась съ высшимъ дворянствомъ, другая—съ низшимъ. Но зато, среди высшей знати, *ricos hombres*, начиная съ этой эпохи, мало по малу выдѣляются отдѣльные титулованныя лица,

¹⁾ Esto es Fuero de Castilla: Que si algund Rico-ome, que es vasallo del Rey se quier espedir del e de non ser suo vasallo puedese espedir por un suo vasallo caballero o escudero, que sean Fijosdalgo. Ley III, tit. III, libro I.

²⁾ Ib., ley I, tit. VI, lib. I.

³⁾ Del estado de las personas, p. 109.

⁴⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 75, 164, 202, 485.

обозначаемыя въ актахъ кортесовъ XIV и XV в. именами маркизовъ, графовъ, герцоговъ, виконтовъ¹⁾. Титулы эти, по всей вѣроятности, были заимствованы у французской феодальной аристократіи, съ которой кастильская входила въ частыя соприкосновенія въ эту эпоху, подъ влияніемъ событій Столѣтней войны. Съ конца же XIV в. для обозначенія высшей, какъ свѣтской, такъ и духовной, знати вводится новый терминъ «grandes»²⁾.

Въ эту эпоху «caballeros» служить уже обозначеніемъ всего высшаго дворянства, а «escuderos» — низшаго³⁾.

Такимъ образомъ изъ анализа текстовъ видно, что въ кортесахъ принимало участіе какъ высшее, такъ и низшее дворянство. Важно опредѣлить теперь, насколько равномерно были представлены обѣ части дворянства въ различные эпохи и каковъ былъ способъ участія этого сословія въ кортесахъ. Насколько можно судить изъ актовъ XIV и XV вв., въ кортесы приглашались лишь непосредственные вассалы короля, которыми были члены какъ высшаго, такъ и той части низшаго дворянства, которая владѣла землями *realengo* (королевскаго домена)⁴⁾; тѣ же члены низшаго дворянства, которые владѣли землями *seporio* или *abadengo*, находясь въ вассальной зависимости отъ свѣтскихъ или духовныхъ сеньоровъ⁵⁾, не принимали участія въ кортесахъ, и интересы ихъ представлялись тамъ ихъ сеньорами⁶⁾. Дворяне, такъ же, какъ и члены духовнаго сословія, участ-

¹⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 132, 144, 202, 275, 361 et passim.

²⁾ C. de L. y C., t. II, p. 485: los grandes del reino asi duques como perlados (1391).

³⁾ Los caualleros deuen ser mucho onrrados por tres rrazones: la vna por la nobleza de su linage, la segunda por la su bondad, la tercera por le pro que dellos viene. Et por ende los rreyes los deuen mucho onrar... (Въ тождественныхъ почти выраженіяхъ Siete Partidas опредѣляютъ качества и „ricos hombres“). Et por que los caualleros deuen ser esmerados entre los escuderos en sus traeres, por ende ordenamos e mandamos que ningun escudero non traya panne de oro... C. de L. y C. t. II, p. 284, § 1.

⁴⁾ Это видно изъ того, что въ актахъ кортесовъ для обозначенія присутствовавшихъ въ нихъ дворянъ къ словамъ „caballeros, escuderos, fijosdalgo“ — постоянно прибавляется: „mis vasallos“, или „de la mi tierra“, или „del nuestro senorio“... C. de L. y C., t. I, pp. 248, 372, t. II, p. 144 et passim.

⁵⁾ Etodos los ome sbuenos e los rricos omes caualleros nuestros vasallos e caualleros vasallos de los otros. C. de L. y C., t. I, p. 453, § 30. См. также C. de L. y C., t. II, p. 266, § 18.

⁶⁾ Don Diego de Haro, senior de Vizcaya nuestro vasallo è nuestro alferez, pedionos merced que los privilegios è las cartas, è las franquezas... que los sus vasal-

вовали въ кортесахъ въ силу личнаго права и, если не могли лично присутствовать въ нихъ, посылали туда своихъ замѣстителей (*procuradores*), какъ кажется, изъ какого угодно сословія ¹⁾. Это обстоятельство указываетъ, что въ кастильскихъ кортесахъ имѣла значеніе не столько личность того или другого вассала, сколько представляемая имъ земля съ принадлежащими ему правами надъ нею. Но вся ли часть низшаго дворянства, стоявшаго въ непосредственной вассальной зависимости отъ короля, призывалась въ кортесы? Есть основаніе предполагать, что всѣ непосредственные вассалы короля имѣли личное право присутствовать въ кортесахъ. Такъ, въ 1391 г. Генрихъ III отправилъ свои призывныя грамоты ко всѣмъ грандамъ и гidalго королевства, разумѣя подъ послѣдними какъ рыцарей, такъ и щитоносцевъ ²⁾. Однако многочисленность этой группы дворянства, вѣроятно, служила поводомъ къ тому, что короли призывали въ кортесы не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ изъ его членовъ ³⁾. Не бесполезно отиѣтитъ тутъ также и то, что «рыцари и щитоносцы» или «гidalго» довольно часто выступаютъ въ кортесахъ, въ качествѣ депутатовъ отъ общинъ ⁴⁾. Послѣднее обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что извѣстная часть низшаго дворянства слилась съ населеніемъ общинъ и получила общее съ ними представительство въ кортесахъ. Самостоятельнаго же представительства низшее дворянство въ Кастиліи не выработало. Участіе высшаго дворянства въ кортесахъ было древнѣе, продолжительнѣе и постояннѣе, чѣмъ участіе низшаго. Низшее дворянство впервые выступаетъ въ кортесахъ въ 1250 г., но участвуетъ далеко не во всѣхъ кортесахъ, созывавшихся въ теченіе XIII и XIV в. ⁵⁾. Въ началѣ XV в. одинъ изъ элементовъ низшаго дворянства, «*escuderos*», навсегда ис-

---

los de la villa de Bermeo tienen de los reyes.... que les fuesen guardados. Mem. del rey D. Fer. IV, t. II, p. 567. E todo este ordenamiento que se entienda en los nuestros vasallos e en todos los vasallos de todos los otros. C. de L. y C. t. I, p. 452, § 27.

¹⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 293—294.

²⁾ C. de L. y C., t. II, p. 485.

³⁾ ... que y heran comigo e que yo mandé llamar á los dichas cortes. ib. p. 133.

⁴⁾ Et agora los caualleros ffijos dalgo e los ffijos dalgo e caualleros e los omes buenos procuradores de las cibdades e villas de todo el ssennorio del dicho sennor...., ib., t. I, p. 271 et passim.

⁵⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 55, 64, 135, 137, 140 и др.

чезаетъ изъ кортесовъ ¹⁾, а другой—caballeros сливается съ высшимъ дворянствомъ, судя по тому, что въ памятникахъ этой эпохи слово «caballeros» часто замѣняетъ слово «ricos ombres» ²⁾, или стоитъ впереди его, или же употребляется въ соединеніи со словами «del mi consejo» ³⁾.

Вторая половина XIV и весь XV в. для свѣтской, какъ и для духовной, аристократіи были временемъ постепеннаго упадка сословнаго представительства. Въ цѣломъ рядъ кортесовъ, созывавшихся въ теченіе второй половины XIV и въ XV в. дворянство или вовсе не присутствуетъ ⁴⁾, или присутствуютъ только «нѣкоторые» изъ его членовъ, случайно находившіеся при королевскомъ дворѣ ⁵⁾, или «извѣстные», именно тѣ немногіе, къ которымъ адресованы были королевскія призывныя грамоты ⁶⁾.

Въ концѣ XV в. въ кортесахъ обыкновенно присутствуютъ лишь нѣсколько грандовъ, скорѣе въ качествѣ придворныхъ и должностныхъ лицъ, чѣмъ представителей своего сословія. Въ началѣ XVI в. сословное представительство дворянства совершенно исчезаетъ. Причинами этого явленія были тѣ же обстоятельства, которыя вызвали паденіе духовенства, какъ особаго чина кортесовъ.

¹⁾ Последнее упоминаніе о присутствіи escuderos въ кортесахъ относится къ 1402 г. Акты кортесовъ 1402 г. мало извѣстны, хотя и были изданы въ XVII в. въ „Исторіи Генриха III“, написанной Davila (pp. 160—173). Текстъ актовъ этихъ кортесовъ, опубликованныхъ имъ, вполнѣ отвѣчаетъ оригиналу, хранящемуся въ Симаанскомъ архивѣ. (Patronato Real=Juramentos y pleitos homenages: 1) juramento quel reyno presto en toledo a la Jnfanta dona maria hija delrey don enrique ano 1402, Leg.^o I^o, fol. 2°; 2) El juramento que presto borgos a la Jnfanta dona maria hija del rey don enrique 3°. Ley.^o I.^o fol. 3°.)

²⁾ .... ayuntamiento de los grandes de sus Reynos, asi perlados como caballeros. Cronica del rey D. Enr. III, Приложение, p. 259, cap. I.

³⁾ Davila, Historia de la vida y hechos del rey D. Henrique III, p. 144; C. de L. y C., t. III, pp. 10, 51 et passim.

⁴⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 186, 538, t. III, pp. 4, 79—80, 98.

⁵⁾ .... algunos.... ricos omes de la nuestra tiena que eran y conosco. C. de L. y C., t. I, pp. 483, 593, 627; t. III, pp. 701, 813.

⁶⁾ Ciertos condes, ... ricos omes. C. de L. y C., t. III, pp. 116, 161, 251, 312, 368, 393, 496.

IV. Духовенство (*Estado eclesiastico*).

Духовенство составляло слѣдующій за дворянствомъ чинъ въ кортесахъ. Участіе его въ кортесахъ было естественнымъ продолженіемъ участія его въ соборахъ Вестготской эпохи и первыхъ вѣковъ „*Reconquista*“. Послѣ того, какъ національныя собранія съ ихъ сильной теократической окраской подверглись секуляризаци и въ составъ ихъ вошло третье сословіе, духовенство утратило свое преобладающее значеніе, какимъ пользовалось раньше¹⁾. Призваніе духовенства къ участію въ національныхъ собраніяхъ первоначально обуславливалось исключительно ихъ нравственнымъ авторитетомъ; но съ теченіемъ времени, когда, подъ влияніемъ феодализаци общественныхъ отношеній, члены духовенства приобрѣли извѣстную юрисдикцію надъ своими вассалами и сами обратились въ королевскихъ вассаловъ, участіе ихъ въ *curia regis* или кортесахъ являлось одною изъ ихъ вассальныхъ обязанностей²⁾. Участвуя въ кортесахъ въ качествѣ королевскихъ вассаловъ, духовенство въ то же время сохранило за собою право собираться на свои синоды для обсужденія вопросовъ исключительно церковнаго характера. Духовенство раздѣлялось на высшее и низшее. Въ половинѣ XIII в. первое составляли архіепископы Сантіагскій, Толедскій и Севильскій, епископы, аббаты и пріоры монастырей. Сюда же относились магистры орденовъ Сантіаго, Алькантары, Калатравы, Уклеса, Тамилеровъ и пріоръ Іоаннитовъ. Къ низшему относились клирики капитуловъ, члены различныхъ духовныхъ конгрегацій и приходское духовенство. Члены высшаго духовенства и магистры орденовъ участвовали въ кортесахъ въ силу личнаго права, тогда какъ низшее, по своей многочисленности,

¹⁾ Еще на Паленсійскомъ соборѣ 1129 г. духовенство пользуется тѣмъ же преобладающимъ значеніемъ, какое имѣло въ эпоху Толедскихъ соборовъ. Въ актахъ этого собора имя Толедскаго архіепископа и другихъ епископовъ поставлено впереди имени короля (*ego Raymundus Toletanae sedis archiepiscopus et primas ac S. R. E. legatus, una cum Pontificibus, quorum inferius nomina scripta esse videntur, et imperatore nostro Adelfonso praesente atque foverite, . . . duximus*) и постановленія, касающіяся церкви, предшествуютъ постановленіямъ по вопросамъ общегосударственнымъ. *C. de L. y C., t. I, p. 36* и слѣд.

²⁾ Протестъ Толедскаго архіепископа 1285 г. (*Mem. del rey D. Fern. IV, t. II, p. 40*): *otrossi porque entendimos que semeiables privilegios fueron otorgados a los nuestros vasallos et a los concejos de los nuestras villas et de la Iglesia de Toledo protestamos que non fuemos a esto llamados nin presentes nin consentimos en ello nin consentimos.*

должно было посылать туда своихъ выборныхъ представителей. Впрочемъ первые могли освобождаться отъ личнаго присутствія въ кортесахъ, посылая туда своихъ замѣстителей. Не всѣ элементы духовенства одинаково полно представлены были въ кортесахъ въ различныя эпохи ихъ исторіи и не всѣ они одновременно получаютъ доступъ въ кортесы.

Въ Леонскихъ кортесахъ 1188 г., которые мы беремъ исходнымъ пунктомъ нашего изслѣдованія, присутствуютъ Сантіагскій архіепископъ и всѣ епископы¹⁾. Съ 1250 г. въ составъ второго чина кортесовъ входятъ магистры орденовъ Калатравы, Уклеса и Тамплиеровъ и великій Командоръ Госпиталя св. Іоанна²⁾. Съ 1255 г. число архіепископовъ, участвующихъ въ кортесахъ, возрастаетъ, такъ какъ, кромѣ раньше существовавшихъ Сантіагскаго и Толедскаго архіепископовъ, прибавляется третій—Севильскій³⁾. Аббаты и пріоры, непремѣнные члены предшествующей эпохи, появляются въ кортесахъ лишь въ 1271 г.⁴⁾. Въ 1295 г.—представители капитуловъ и низшаго клира⁵⁾. Разновременное появленіе въ кортесахъ различныхъ элементовъ духовенства объясняется съ одной стороны тѣмъ, что церковныя каѳедры и духовно-рыцарскіе ордена образовывались не одновременно, а съ другой тѣмъ, что одни члены этого сословія имѣли возможность начать присутствовать въ кортесахъ раньше, другіе—позже. Полнѣе всего духовное сословіе было представлено въ Вальядолидскихъ кортесахъ 1325 г. Здѣсь были архіепископы, епископы, аббаты и пріоры монастырей, магистры духовно-рыцарскихъ орденовъ, пріоръ Іоаннитовъ, депутаты отъ церквей и монастырей всего королевства и представители тѣхъ прелатовъ и магистровъ орденовъ, которые лично не могли присутствовать въ кортесахъ⁶⁾. Участіе высшаго ду-

¹⁾ C. de L. y C., t. I, p. 39.

²⁾ Colmenares, Historia de la Insigna ciudad de Segovia, p. 204.

³⁾ Toleti fratres nostros, episcopos, et archiepiscopos, barones et optimates nostrae Curiae, ciuitatum, castrorum et villarum procuratores ad hoc á suis communitatibus destinatos convenire fecimus. Ms. de la Bibliothèque National de Paris, Esp. 338: Serment fait par les subjects du Roy Alphonse de Castille de recevoir Madame Berengaire sa fille au Royaume au cas qu'il n'y eust enfans masles (1255 г.), f. 50. Этотъ документъ, до сихъ поръ остававшійся неизвѣстнымъ, помѣщаемъ въ приложеніи.

⁴⁾ Cronica del rey D. Alf. X, p. 23.

⁵⁾ C. de L. y C., t. I, p. 133.

⁶⁾ C. de L. y C., t. I, p. 389: ordenamiento otorgado á petición de los prelados, § 35.

ховенства вообще было гораздо постояннѣе низшаго. Последнее представлено было лишь въ кортесахъ 1295, 1315, 1325, 1366 и 1371 г. ¹⁾. Такимъ образомъ, получивъ доступъ туда въ концѣ XIII в., оно въ теченіе XIV-го в. участвуетъ въ кортесахъ лишь четыре раза и затѣмъ навсегда исчезаетъ изъ состава ихъ, предоставивъ высшему духовенству представительство своихъ сословныхъ интересовъ. Среди высшего духовенства участіе одной его группы въ кортесахъ было постояннѣе другой. Первые свѣдѣнія о присутствіи въ нихъ членовъ монастырскаго духовенства относятся къ 1271 г. ²⁾. Затѣмъ они участвуютъ въ кортесахъ 1274 ³⁾, 1296 г. ⁴⁾ и шесть разъ въ кортесахъ XIV в. ⁵⁾. Въ XV в. они присутствуютъ только одинъ разъ: въ кортесахъ 1480 г. ⁶⁾. Во всѣхъ названныхъ случаяхъ члены монастырскаго духовенства, лично-ли участвовали они тамъ, или замѣщались своими представителями,—обозначаются въ актахъ кортесовъ и хроникахъ именемъ аббатовъ, пріоровъ или просто монаховъ (*religiosos*).

Что касается архіепископовъ, епископовъ и магистровъ духовно-рицарскихъ орденовъ, то участіе ихъ въ кортесахъ XIII, XIV и первой половины XV в. болѣе или менѣе постоянно, но число присутствовавшихъ въ нихъ подвергалось большимъ колебаніямъ. Такъ, въ однихъ кортесахъ (1339, 1420, 1447 г.г.) присутствуетъ только приматъ Испанской церкви—Толедскій архіепископъ ⁷⁾; въ другихъ (1269, 1298, 1338, 1451, 1455 ⁸⁾)—отдѣльные епископы или только

¹⁾ 1295: los procuradores de los cabildos e de la clerizia de todos mios rregnos, ib., p. 133. Духовенство участвовало не во всѣхъ сессіяхъ этихъ кортесовъ, какъ видно изъ цитир. протеста Толед. архіеп. 1315: clerigos, C. de L. y C., t. I, p. 293; 1325: procuradores.... por todas las iglesias e ordenes e monesterios de todos los mios rregnos (loco cit.); 1367: procuradores .... de cabildos. C. de L. y C., t. II, p. 145; 1371: procuradores de las iglesias e monesterios de nuestros rregnos, ib. p. 241.

²⁾ Cronica del rey D. Alfonso X, p. 28.

³⁾ C. de L. y C., t. I, p. 87.

⁴⁾ Ib., p. 183.

⁵⁾ 1305, 1315, 1322, 1325, 1371, 1383, ib., t. I, p. 178; pp. 293—294; p. 370; p. 389; t. II, p. 241; p. 530.

⁶⁾ Ib., t. IV, p. 163, § 86. М. Colmeiro (Introduccion, I, pp. 15—19) ошибается, утверждая, что аббаты и пріоры присутствовали лишь въ кортесахъ 1315 г. и то въ видѣ исключенія.

⁷⁾ Присутствіе Толедскаго архіепископа было самымъ обычнымъ, такъ какъ онъ исполнялъ обыкновенно должность Великаго Канцлера. C. de L. y C., t. I, p. 456. Cron. del rey D. Juan II, p. 387. C. de L. y C., t. III, p. 496.

⁸⁾ C. de L. y C., t. I, p. 85; p. 444; p. 137; t. III, p. 576, p. 675.

магистры орденовъ, въ остальныхъ случаяхъ духовенство присутствовало въ болѣе или менѣе многочисленномъ составѣ. Со второй же половины XV в. обыкновенно присутствуютъ въ кортесахъ лишь тѣ прелаты и магистры орденовъ, которые случайно или въ силу занимаемыхъ должностей находились при королевскомъ дворѣ, и выраженія «нѣкоторые изъ прелатовъ, находившіеся съ нами» или «известные прелаты и магистры» становятся обычными формулами актовъ кортесовъ этого періода ¹⁾. Въ то же время число случаевъ полного отсутствія членовъ этого сословія постепенно возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ концу XV в. ²⁾. Въ XV вѣкѣ почти всего духовенство было представлено въ Толедскихъ кортесахъ 1480 г., но въ нихъ участвовали только «главные прелаты» и «нѣкоторые монахи» ³⁾. Въ началѣ XVI в. представительство духовнаго сословія окончательно приходитъ въ упадокъ. Если нѣкоторые духовныя лица и присутствуютъ въ кортесахъ, то не въ качествѣ сословныхъ представителей, а въ качествѣ королевскихъ делегатовъ или членовъ королевскаго совѣта ⁴⁾. Въ то же время магистры духовно-рыцарскихъ орденовъ также исчезаютъ изъ кортесовъ, послѣ того какъ званіе ихъ принялъ на себя Фердинандъ Католикъ ⁵⁾. Главными причинами упадка представительства духовенства въ кортесахъ было, во-первыхъ, отсутствіе какой бы то ни было регламентаціи какъ относительно того, кто именно изъ духовенства долженъ быть приглашаемъ въ кортесы, такъ и того, какимъ карательнымъ мѣрамъ должны подлежать лица, не явившіяся на зовъ короля; во вторыхъ, свойство королевскихъ грамотъ, призывавшихъ въ кортесы лишь тѣхъ или иныхъ лицъ; въ третьихъ, свойство вопросовъ, трактовавшихся въ кортесахъ и часто не затрогивавшихъ непосредственно интересовъ духовенства, и, наконецъ, переходъ центра тяжести политическаго значенія съ кортесовъ на королевскую власть, вслѣдствіе чего духовенство стало искать вліянія на управленіе скорѣе въ качествѣ

¹⁾ C. de L. y C., t. III, p. 116, p. 161, p. 186, p. 251, p. 701, p. 749, p. 813 et passim.

²⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 256—257, 538, t. III, p. 4, pp. 79—80, 98, 766. Сюда же можно отнести всѣ случаи, гдѣ присутствуетъ одинъ только Толедскій архіепископъ, въ качествѣ канцлера.

³⁾ C. de L. y C., t. IV, p. 168, § 86.

⁴⁾ C. de L. y C., t. IV, p. 245, p. 260, p. 290.

M. Colmeiro, De la constitucion y del gobierno de Leon y Castilla, t. II, p. 139.

приближенныхъ короля, чѣмъ членовъ кортесовъ, гдѣ преобладаніе общинъ, получившихъ въ Кастиліи безпримѣрное развитіе, заставило два высшихъ чина играть второстепенную роль.

У. Общины (*Estado llano*).

Выступленіе общинъ въ качествѣ особаго чина въ кортесахъ датируется для Леона 1188 годомъ, а для Кастиліи—началомъ XIII в. Оно было подготовлено предшествующимъ ростомъ средняго сословія, приобрѣтшаго огромное политическое значеніе благодаря своимъ фюзеросамъ, которые служили основаніемъ широкой муниципальной автономіи, и благодаря германдадамъ, этимъ могущественнымъ союзамъ городовъ, служившимъ прочнымъ оплотомъ для слабыхъ социальныхъ элементовъ противъ сильныхъ. Ни одно изъ сословій въ Кастиліи не выработало такой могущественной социальной организаціи, какъ общины, и этимъ единственно объясняется тотъ перевѣсъ, который имѣло среднее сословіе въ кортесахъ надъ двумя высшими. Королевская власть сама помогла общинамъ возвыситься до такого значенія, видя въ нихъ союзниковъ противъ сильной и беспокойной знати. Но этотъ союзъ короля съ общинами продолжался лишь до тѣхъ поръ, пока свѣтская и духовная аристократія не были достаточно ослаблены, и, какъ только королевская власть почувствовала себя безопасной съ этой стороны, она оставляетъ прежнихъ союзниковъ и старается при помощи собственной партіи сломить могущество и городовъ, чтобы установить должное равновѣсіе между различными элементами общества. Этотъ переломъ въ королевской политикѣ вполне ясно обозначается уже въ началѣ XV в., и съ этой эпохи городскія общины, а вмѣстѣ и значеніе ихъ въ кортесахъ постепенно приходятъ въ упадокъ.

Въ XII в. въ королевствѣ Леонѣ, до соединенія его съ Кастиліей, участвовали въ кортесахъ всѣ городскія общины¹⁾. Въ XIII в., послѣ соединенія Леона съ Кастиліей, кромѣ городскихъ общинъ, въ составъ кортесовъ входятъ и депутаты отъ бурговъ и сельскихъ

---

¹⁾ .... et cum electis civibus ex singulis civitatibus, 1188 (C. de L. y C., t. I, p. 39); et cum electis civibus regni sui, 1189 (ib., p. 52); et multis de qualibet villa regni mei in plena curia, 1202 (ib., p. 43); civium multitudine destinatorum a singulis civitatibus considente, 1208 (ib., p. 47).

общинъ¹⁾. Такимъ образомъ размѣры участія средняго сословія въ кортесахъ постепенно расширялись, и самое учрежденіе демократизировалось. Въ XIII и XIV в.в. всѣ города, мѣстечки и села, имѣвшіе самостоятельную муниципальную организацію и юрисдикцію надъ извѣстной территоріей—понятіе, выражаемое въ памятникахъ эпохи словомъ *concejos*—пользовались правомъ голоса въ кортесахъ²⁾. Лишь въ этомъ смыслѣ можно понимать выраженія, употребляемые нашими источниками: «всѣ мѣстечки», участвовавшія въ кортесахъ 1260 г.³⁾; «всѣ города и мѣстечки королевства», въ 1285 г.⁴⁾; «депутаты отъ каждого селенія», въ 1295⁵⁾; «всѣ общины всѣхъ королевствъ», въ 1298 г.⁶⁾; «депутаты отъ всѣхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ нашего государства», въ 1348 и 1351 г.г.⁷⁾. Въ другихъ случаяхъ акты не даютъ такихъ опредѣленныхъ указаній на то, всѣ или не всѣ общины были представлены въ различныхъ собраніяхъ кортесовъ, ограничиваясь простымъ констатированіемъ присутствія въ нихъ депутатовъ отъ общинъ всего королевства или отдѣльныхъ его частей.⁸⁾ Но ничто не даетъ основанія заключать, что въ XIII и XIV в.в. однѣ общины (*concejos*) имѣли право участвовать въ кортесахъ, а другія—нѣтъ. Напротивъ, все свидѣлствуетъ о томъ, что всѣ или не всѣ общины были представлены въ различныхъ засѣданіяхъ кортесовъ, право участія въ нихъ было общимъ для всѣхъ тѣхъ, которыя имѣли организацію *concejos*. Разъ городъ или селеніе не имѣли этой организаціи, или же община утрачивала свой *concejo*, подчиняясь юрисдикціи другой общины или сеньора, этимъ самымъ они лишались

¹⁾ .... civitatum castrorum et villarum procuratores ad hoc a suis communitatibus destinatis, 1255 (Ms. Царпж. Нац. Библ., Esp. 338, f° 50); omes bonos delas villas et delos lugares del rreyno de Leon que y fueron comigo, 1299 (C. de L. y C., t. I, p. 142).

²⁾ Этому же мнѣнію держится и авторитетный изслѣдователь исторіи кастильскихъ городовъ Sacristan y Martinez (Municipalidades de Castilla y Leon, p. 306).

³⁾ .... muchos omes buenos de todas las villas de nuestros regnos. Memorial Historico Espanol, t. I, p. 154.

⁴⁾ .... todas las ciudades y villas de los Reynos. Salazaz y Castro, Hist. de la casa de Lara, t. III, p. 127.

⁵⁾ .... personeros de cada lugar. Memorias del rey D. Fern. IV, t. I, p. 5.

⁶⁾ Memorias del rey D. Fern. IV, t. I, p. 63.

⁷⁾ . . . procuradores de todas las cibdades e villas e lugares de nuestro Sennorio. C. de L. y C., t. I, p. 593; t. II, p. 1.

⁸⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 164, 185, 202 et passim (los procuradores delas cibdades é villas é lugares).

права на самостоятельный голосъ въ кортесахъ. Такъ, извѣстно, что одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ королевства—Тоledo получилъ голосъ въ кортесахъ не раньше 1348 г., именно послѣ того какъ приобрѣлъ общинную организацію¹⁾. Далѣе извѣстно, что г. Можа пользовался правомъ голоса лишь до 1375 г., т. е. до того времени, пока не утратилъ своей муниципальной автономіи, сдѣлавшись собственностью графовъ этого имени²⁾.

Общую численность общинъ, участвовавшихъ въ кортесахъ XIII, XIV вв. и въ первую половину XV-го, невозможно опредѣлить, такъ какъ акты кортесовъ не называютъ тѣхъ общинъ, которыя представляемы были въ тѣхъ или иныхъ собраніяхъ ихъ. Только Бургосскіе кортесы 1315 г., въ которыхъ присутствовало 192 депутата отъ 101 общины и Мадридскіе 1391 г., въ которыхъ принимали участіе 125 депутатовъ отъ 49 общинъ, представляютъ исключенія въ этомъ отношеніи³⁾. Но, очевидно, это не было полное число всѣхъ общинъ, участвовавшихъ обыкновенно въ кортесахъ, такъ какъ среди нихъ не были названы Сантіаго, Оренсе, Паленсуэла и другіе города, посылавшіе своихъ депутатовъ въ предшествующіе или послѣдующіе кортесы. Акты кортесовъ этого періода, избѣгая длиннаго перечисленія всѣхъ общинъ, участвовавшихъ въ нихъ, обыкновенно лишь обозначаютъ тѣ области, общины которыхъ принимали участіе въ тѣхъ или другихъ собраніяхъ. Этими областями были Кастилія, Леонъ, Галисія, Астурія, Тоledo (нынѣшняя новая Кастилія), Эстремадура, Андалузія и Мурсія. Въ однихъ кортесахъ были представлены общины всѣхъ этихъ областей, въ другихъ лишь общины нѣкоторыхъ изъ нихъ⁴⁾. Но со второй половины XIV в. языкъ актовъ становится еще менѣе опредѣленнымъ: не только не обозначаются общины, участвовавшія въ кортесахъ, но и тѣ области, которыя были представляемы въ нихъ. Послѣ 1351 г. для обозначенія представительства средняго сословія

¹⁾ Alcoier, Historia de Toledo, lib. I, Fº LXXXJ. Cap. LXXXIX.

È eso mesmo los que en la guarda de la cibdad fincaban quando enviaba sus cartas el Rey no se llamaba consejo, ca lo non eran, ca los Moros eran consejo é tenían la cibdad. Cron. del rey D. Pedro, p. 420. Но въ призывной грамотѣ 1394 г., адресованной Генрихомъ III городу Тоledo, уже читаемъ: al consejo, e Alcañes etc. dela muy noble cibdat de Toledo. Рукопись Мадридской Національной Библіотеки: Coleccion del P. Barriel, Dd. 124, f.º 194.

²⁾ Pinal y Monroy, Retrato del buen vasallo, p. 218.

³⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 263—269, t. II, pp. 483—485.

⁴⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 161, 233, 372; t. II, p. 48 и др.

въ кортесахъ устанавливается общее выраженіе: „депутаты отъ городовъ и мѣстечекъ“ (а иногда и „селъ“) нашихъ королевствъ“. Можно предположить, что эта неопредѣленность терминологіи соответствовала неправильности, существовавшей въ самой системѣ представительства средняго сословія, такъ какъ уже въ XV в. оказываются цѣлыя области, какъ Галисія и Астурія, лишенными самостоятельнаго голоса въ кортесахъ¹⁾, и право участія въ нихъ становится привилегіей ограниченного числа городовъ.

Первыя указанія на ограниченіе представительства средняго сословія въ кортесахъ относятся къ концу XIV в.²⁾ Въ Бургосскихъ кортесахъ 1377 г. участвуютъ только „депутаты отъ городовъ“³⁾; въ кортесы S. Estevan 1394 г. были приглашены „извѣстные депутаты отъ нѣкоторыхъ городовъ и мѣстечекъ“⁴⁾. Случаи ограниченія количества общинъ, принимавшихъ участіе въ кортесахъ, и присвоенія права нѣкоторыми общинами представлять интересы всѣхъ постепенно увеличиваются въ теченіе первой половины XV в. Селенія (*lugares*) все рѣже посылаютъ своихъ депутатовъ въ кортесы и въ послѣдній разъ о нихъ встрѣчается упоминаніе въ Вальядолидскихъ кортесахъ 1440 г.⁵⁾ Выраженіе „депутаты отъ нѣкоторыхъ городовъ и мѣстечекъ“⁶⁾ или равнозначащее ему: „депутаты отъ городовъ и мѣстечекъ, явившіеся сюда по моему приказу“ становятся обычными для обозначенія тѣхъ общинъ, которыя представлены были въ рядѣ кор-

¹⁾ Въ послѣдній разъ упоминаніе объ участіи Астуріи въ кортесахъ относится къ 1391 г., а Галисіи—къ 1432 г. (*C. de L. y C.*, t. II, p. 485) *Cron. del rey D. Juan II*, p. 503—504.

²⁾ Выраженіе „*procuradores de algunas cibdades e villas e logares*“ въ примѣненіи къ кортесамъ 1345 и 1369 гг. (*C. de L. y C.*, t. I. p. 483; t. II, p. 164) не можетъ служить указаніемъ на сокращеніе представительства средняго сословія въ ту эпоху, такъ какъ въ 1345 г. послѣдовательно созданы были частныя кортесы въ Алькала де Эварестъ, Бургосъ и Леонъ по одному и тому же поводу и „*algunas*“ означаетъ только то, что общины представлены были не всѣ за разъ, а по частямъ; въ 1369 г. не всѣ общины приняли участіе въ кортесахъ, потому только, что не всѣ они признали тогда королевствъ Генриха, графа Трастамара.

³⁾ *C. de L. y C.*, t. II, p. 276.

⁴⁾ „... fue mi merced á mandar llamar ciertos procuradores de algunas cibdades é villas delos mis Regnos. Рукodисъ Мадрид. Нац. Библ.=Coleccion del P. Buriel, Dd. 124, f. 194.

⁵⁾ *C. de L. y C.*, t. III, p. 368.

⁶⁾ *Sepades que ciertos procuradores de algunas de las ciudades é villas que vinieron á mi al ayuntamiento que yo mandé facer este ano me dieron una peticion en nombre de todos vosotros. C. de L. y C.*, t. III, p. 23.

тесовъ отъ 1420 до 1465 г.¹⁾. Въ Вальядолидскіе кортесы 1425 г. Хуанъ II пригласилъ депутатовъ лишь отъ 12 городовъ: Бургоса, Толедо, Леона, Севильи, Кордовы, Мурсіи, Хаэна, Саморы, Сеговіи, Авила, Саламанки и Куэнки²⁾. Въ Мадридскихъ кортесахъ 1435 г. присутствовали депутаты отъ 17 городовъ: Бургоса, Леона, Саморы, Торо, Саламанки, Сеговіи, Авила, Вальядолида, Сорін, Толедо, Кордовы, Мурсіи, Хаэна, Куэнки, Мадрида, Гвадалахары и Севильи³⁾. Въ Толедскихъ кортесахъ 1462 г. участвовали депутаты отъ тѣхъ же 17 городовъ⁴⁾. Въ 1464 г. Генрихъ IV призываетъ къ участию въ кортесахъ всѣ тѣ города и мѣстечки, которые *обыкновенно* посылаютъ своихъ депутатовъ въ кортесы⁵⁾. Въ 29 петиціи кортесовъ 1469 г. въ Ованьѣ уже заключается ссыла на какіе-то законы, въ силу которыхъ король не долженъ предпринимать ничего важнаго безъ совѣщанія съ главными городами и мѣстечками королевства⁶⁾. Только эти главные города и мѣстечки, привыкшіе посылать депутатовъ въ кортесы, были представлены въ Толедскихъ кортесахъ 1480 г. Въ предисловіи къ актамъ послѣднихъ „католическіе короли“ заявляютъ, что они отправили свои призывныя грамоты „ко всѣмъ тѣмъ городамъ и мѣстечкамъ, которые имѣютъ обыкновеніе посылать своихъ депутатовъ въ кортесы отъ имени всѣхъ нашихъ королевствъ“⁷⁾. Современный хроникеръ Пульгаръ, говоря объ этихъ кортесахъ, перечисляетъ 17 выше названныхъ городовъ, представленныхъ въ нихъ.

¹⁾ C. de L. y C., t. III, pp. 51, 80, 98, 185, 393, 496, 576, 642, 675, 749.

²⁾ Cronica del rey D. Juan II, p. 429.

³⁾ Рукопись Симанк. Архива (Cortes de Castilla, leg^o I: Condiciones con que los procuradores concedieron 55 cuentos de servicio), изъ которой черпаемъ эти данныя, дополняетъ акты кортесовъ 1435 г., опубликованные Мадридской Академіей Исторіи въ неполномъ видѣ. Неопредѣленное выраженіе „los procuradores delas cibdades с villas de mis reynos que yo mandé llamar“ актовъ этихъ кортесовъ получаетъ вполне точное значеніе, такъ какъ становится яснымъ, какіе именно города призывались королемъ въ кортесы.

⁴⁾ Рукопись Симанк. Архива (Cortes de Castilla, leg^o I: Esto es traslado del repartimiento que los procuradores deputados hicieron por donde les fueron librados los salarios).

⁵⁾ Todas las cibdades é villas de los dichos mis reynos et senorios de que suelen venir procuradores. Marina, Teoria de las cortes, t. III, p. II, p. 50.

⁶⁾ C. de L. y C., t. III, p. 809.

⁷⁾ .... acordamos de enviar mandar á las cibdades é villas de nuestros reynos que suelen enviar procuradores de cortes en nombre de todos nuestros reynos, que enviasen los dichos procuradores de Cortes C. de L. y C., t. IV, p. 111.

и заявляютъ при этомъ, что лишь эти 17 городовъ привыкли посылать постоянно своихъ депутатовъ въ кортесы“¹⁾.

Въ 1492 г. число городовъ, съ голосомъ въ кортесахъ, увеличивается однимъ, Гранадою, такъ какъ она послѣ присоединенія къ Кастиліи получила это право. Впервые депутаты отъ этого города появляются въ кортесахъ 1498 и 1499 г.г., какъ это можно заключить на основаніи депутатскихъ полномочій, оригиналы которыхъ хранятся въ Симанскомъ архивѣ²⁾. Въ Вальядолидскихъ кортесахъ 1506 г. и въ Бургосскихъ 1515 г. присутствуютъ депутаты отъ всѣхъ названныхъ 18 городовъ, и это число остается постояннымъ до конца первой четверти XVII в., когда въ немъ произошли нѣкоторыя измѣненія, но вопросъ о нихъ выходитъ за хронологическіе предѣлы этого изслѣдованія³⁾.

Такимъ образомъ въ исторіи представительства средняго сословія въ Кастильскихъ кортесахъ можно установить два періода: время до конца XIV в. было эпохой постепеннаго возрастанія и расцвѣта представительства общинъ, а время отъ начала XV—эпохой постепеннаго сокращенія числа общинъ съ правомъ участія въ кортесахъ.

¹⁾ Cronica de los senores Reyes católicos, parte II, cap. XCV, p. 352.

²⁾ Muy altos e muy poderosos senores. Vuestros umilldes vasallos y servidores el concejo, coregidor e ayuntamiento dela su muy nonbrada e grand cibdad de Granada con muy umill rreverencia besamos las reales manos de Vuestas Altezas alas quales plega saber que obedeciendo e cumpliendo la carta e mandamiento de Vuestras Reales Magestades por la qual nos fue enbiado a mandar que enbiasemos procuradores conpoder bostante para las cortes que por mandado de Vuestras Altezas se an de hazer en la villa de ocana, nosotros en concordia elegimos e nonbramos por procuradores desta dicha cibdad e su tierra e Reyno de Granada a Pedro de Rojas e a Diego de Padilla anbos Regidores desta dicha cibdad. Рукопись Симанк. Архива: Patronato Real Juramentos y peditos homenages. Leg^o. 1°. Ano de 1498.

³⁾ Это число 18 городовъ съ правомъ голоса въ кортесахъ оставалось неизмѣннымъ до 1616 г., какъ можно судить на основаніи неизданной рукописи Парижской Національной Библіотеки подъ заглавіемъ „Relacion de las cosas mas notables de la corte de Espana hecha en el ano de 1616“. (Esp. 384). Въ одной изъ главъ этого трактата—„Cortes generales de Castilla“ (ff. 160—179) перечисляются 18 извѣстныхъ уже намъ городовъ съ правомъ голоса въ кортесахъ. Изъ этого числа 8 городовъ являлись столицами бывшихъ королевствъ (Бургось, Леонъ, Гранада, Севилья, Кордова, Мурсія, Хаэнъ и Толедо), а 10—столицами отдѣльных провинцій (Самора, Торо, Сорія, Вальядолидъ, Саламанка, Сеговія, Мадридъ, Авила, Гвадалахара и Куэнка). Весьма любопытнымъ въ этой рукописи является детальное перечисленіе тѣхъ городовъ и мѣстечекъ, голоса которыхъ въ кортесахъ присвоены были 18 привилегированнымъ городамъ и которые раньше, быть можетъ, имѣли самостоятельный голосъ въ кортесахъ.

Уже въ 1435 г. опредѣлилось 17 городовъ, которые присвоили себѣ исключительное право голоса въ кортесахъ; въ концѣ XV в. къ нимъ присоединяется 18-й—Гранада, и съ тѣхъ поръ надолго представительство всего средняго сословія въ кортесахъ кристаллизуется въ 18 привилегированныхъ городахъ. Параллельно сокращенію представительства средняго сословія въ кортесахъ, въ сознаніи общества устанавливалось воззрѣніе на право участія въ кортесахъ, какъ на почетную привилегію, и чѣмъ меньше было городовъ съ голосомъ въ кортесахъ, тѣмъ болѣе цѣнилась эта привилегія. Характернымъ памятникомъ въ этомъ отношеніи служить петиція, представленная въ 1467 г. астурийскими депутатами брату Генриха IV—Альфонсу, провозглашенному его сторонниками королемъ. Въ этой петиціи они просили Альфонса уступить Астурийскому княжеству право голоса въ кортесахъ, указывая, что въ этомъ случаѣ королевское патримоніальное владѣніе Астурія будетъ поставлено на должную высоту и приобрѣтетъ болѣе почетъ¹⁾. Но согласіе на эту петицію, какъ и всѣ распоряженія этого эфемернаго короля, не могло имѣть никакихъ послѣдствій²⁾.

Главная причина сокращенія числа общинъ съ правомъ голоса въ кортесахъ заключалась въ томъ, что со второй половины XIV в., со времени вступленія на престолъ династіи Трастамара, корона стала отчуждать безъ всякой мѣры свои домены въ пользу церкви и дворянства. Вмѣстѣ съ тѣмъ много общинъ, находившихся раньше въ непосредственной зависимости отъ короны и составлявшихъ часть т. наз. *realengo*, обратилось во владѣнія т. наз. *abadengo* и *senorio* и подпало подъ юрисдикцію духовныхъ и свѣтскихъ сеньоровъ, которые одни послѣ этого могли представлять интересы ихъ въ кортесахъ³⁾. Напрасно въ рядѣ петицій депутаты отъ общинъ жалова-

¹⁾.... porque la dicha tierra é principado de Asturias de aqui adelante sea mas honrada é estimada, como principado é patrimonio mio. Provision del principe D. Alfonso sobre diferentes peticiones del principado de Asturias. Marina, Teoria de las Cortes, t. III. Apendices, parte II, p. 77.

²⁾ Страннымъ является утвержденіе М. Colmeiro, что съ этой эпохи Астурія приобрѣтаетъ самостоятельное представительство въ кортесахъ, утраченное ею раньше. Въ эту эпоху существуетъ лишь 17 привилегированныхъ городовъ, въ числѣ которыхъ нѣтъ ни одного астурийскаго.

³⁾ М. Colmeiro (Introduccion, I, p. 27) совершенно упускаетъ изъ виду это обстоятельство, объясняя сокращеніе представительства городовъ исключительно ихъ антагонизмомъ и пренебреженіемъ къ собственному праву.

лись на отчужденіе коронныхъ земель въ пользу церкви и дворянства, находя послѣдствія такой политики одинаково вредными какъ для короны, такъ и для народа; напрасно они требовали, чтобы города, мѣстечки и села, принадлежавшіе коронѣ, сохранялись за нею¹⁾: королевская власть не знала предѣловъ своей щедрости, и въ концѣ XV в. сама оказалась въ крайне затруднительномъ положеніи, не имѣя даже необходимыхъ средствъ для содержанія собственнаго двора²⁾. Только при помощи своего генія и брака съ Фердинандомъ Арагонскимъ Изабелла Католическая могла выйти изъ того отчаяннаго положенія, въ которое поставлена была неразсчетливостью своихъ предшественниковъ.

Всѣ 17, а затѣмъ 18 городовъ, пользовавшихся въ XV и XVI в.в. исключительнымъ правомъ голоса въ кортесахъ, были *realengo*, т. е. находились въ непосредственной зависимости отъ королевской власти, какъ это видно изъ одной петиціи Бургосскихъ кортесовъ 1512 г.³⁾ Наоборотъ, всѣ общины, входившія въ составъ сеньориальныхъ или церковныхъ владѣній не имѣли права голоса въ кортесахъ. Но нельзя думать, чтобы семнадцатью или восемнадцатью городами исчерпывалось все число городовъ *realengo*. Изъ вышеприведенной петиціи астурийскихъ депутатовъ въ 1467 г. видно, что астурийскіе города составляли патримоніальное владѣніе короны, и тѣмъ не менѣе пользовались въ эту эпоху правомъ голоса въ кортесахъ. Такъ какъ раньше они несомнѣнно обладали этимъ правомъ и посылали своихъ депутатовъ въ кортесы 1301, 1305, 1313, 1315, 1351 и 1391 г.г.⁴⁾, то очевидно, что право это было утрачено ими въ теченіе времени послѣ 1391 г. Тоже, вѣроятно, произошло и съ другими городами участвовавшими въ кортесахъ XIII и XIV в.в. и утратившими самостоятельное представительство въ нихъ въ XV в.⁵⁾.

¹⁾ C. de L. y C., t. II, p. 262, § 13; p. 288, § 7 et passim.

²⁾ Pulgar, Cronica de los sres Reyes Catolicos, p. 352.

³⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 151, 173, 234, 273; t. II, pp. 102, 484.

⁴⁾ ...que no manden aposentar en todas las cibdades e villas que tienen voto de Cortes, pues todas son *realengas* y exentas de libertades. C. de L. y C., t. IV, p. 239, § 10.

⁵⁾ Такъ, извѣстно, что галисійскіе города еще были представлены въ кортесахъ 1432 г., но затѣмъ не участвуютъ больше въ кортесахъ, и сдѣланная ими въ 1520 г. попытка возратить утраченное право голоса не привела ни къ какимъ результатамъ. Sempere, Historia del derecho espanol, p. 411.

Возникаетъ вопросъ, почему среди городовъ *realengo* не всѣ участвовали въ кортесахъ, хотя обладали всѣми необходимыми условіями для этого, вытекающими изъ непосредственной зависимости отъ короны? Причины этого явленія заключаются во-первыхъ, въ томъ, что правомъ посылать депутатовъ въ кортесы многія общины стали тяготиться, считая его слишкомъ дорогимъ для себя въ виду связанныхъ съ нимъ расходовъ и незначительности извлекаемыхъ изъ него практическихъ результатовъ въ ту эпоху, когда кортесы стали утрачивать свое политическое значеніе¹⁾; во-вторыхъ, въ томъ, что королевскія призывныя грамоты были адресуемы не ко всѣмъ городамъ, а только къ нѣкоторымъ, въ зависимости отъ случайныхъ обстоятельствъ или по расчету; въ-третьихъ, въ томъ, что нѣкоторые города, сознавъ выгоды участія въ кортесахъ, особенно послѣ того, какъ депутаты стали получать жалованье отъ правительства, старались монополизировать это право и сдѣлать его недоступнымъ для всѣхъ остальныхъ. Послѣдняя тенденція была вполне ясно выражена въ одной изъ петицій Вальядолидскихъ кортесовъ 1506 г., гдѣ укоренившемуся злоупотребленію преувеличенно хотѣли придать санкцію стародавняго обычая и даже закона. „Нѣкоторыми законами, читаемъ въ этой петиціи, и древнимъ обычаемъ установлено, что только 18 городовъ и мѣстечекъ этихъ королевствъ имѣютъ право голоса въ кортесахъ черезъ своихъ представителей, но не больше; и такъ какъ теперь слышно, что нѣкоторые города и мѣстечки хлопочутъ о предоставленіи имъ этой милости участія въ кортесахъ, то просимъ Ваши Величества не допускать возрастанія числа городовъ съ правомъ голоса въ кортесахъ, ибо отъ этого произошелъ бы великій вредъ для тѣхъ, которые уже обладаютъ имъ, и къ тому же это запрещено законами“. На эту петицію послѣдовало согласіе²⁾. Та же петиція съ не меньшею настойчивостью была повторена и въ Бургосскихъ кортесахъ 1512 г., на что послѣдовалъ отвѣтъ: „древній обычай, установленный въ этомъ отношеніи, очень хорошъ, и Е. В. не намѣрено нарушать его“³⁾.

Рядомъ съ количественными измѣненіями въ представительствѣ общинъ происходили и качественныя. Съ половины XIV в., отчасти

¹⁾ C. de L. y C., t. II, p. 305, § 10.

²⁾ C. de L. y C., t. IV, p. 233, § 33.

³⁾ C. de L. y C., t. IV, p. 242, § 19.

благодаря реформамъ, произведеннымъ Альфонсомъ XI въ муниципальной организаціи общинъ, отчасти благодаря внутреннимъ перемѣнамъ въ составѣ населенія ихъ, депутаты избирались уже не всѣмъ народомъ, какъ раньше, а лишь членами городскихъ совѣтовъ, и при томъ не изъ всего населенія, а изъ ихъ собственной среды. Народъ, вслѣдствіе этого, могъ оказывать лишь посредственное вліяніе на выборы своихъ представителей въ кортесахъ, постолько, поскольку избиралъ членовъ городского совѣта, являвшихся непосредственными избирателями депутатовъ въ кортесы. Но измѣненія въ муниципальномъ строѣ на этомъ не остановились. Общины все болѣе утрачивали свою старинную демократическую форму, и муниципальныя должности мало-по-малу становились исключительнымъ достояніемъ дворянства или извѣстныхъ привилегированныхъ фамилій¹⁾. Внутреннія смуты, происходившія въ жизни отдѣльныхъ общинъ, благодаря сословному антагонизму и различію интересовъ буржуазіи и поселившагося рядомъ съ нею дворянства, давали королевской власти поводъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла общинъ и постепенно подчинять ихъ своему непосредственному вліянію. Это вмѣшательство короля во внутреннюю жизнь общинъ выразилось прежде всего въ томъ, что рядомъ съ выборными или наслѣственными членами общиннаго самоуправления появляются назначаемые королемъ правители, такъ наз. *corregidores*, присвоившіе себѣ судебныя и административныя атрибуты муниципальных властей²⁾. При помощи своихъ делегатовъ королевская власть могла вліять на выборы депутатовъ въ кортесы, указывая на опредѣленные личности, присутствіе которыхъ въ кортесахъ было для нея желательнымъ и для избранія которыхъ *corregidores* обращались по мѣрѣ надобности къ подкупу и къ тѣмъ средствамъ давленія, которыми обладали въ силу занимаемой должности. Противъ этихъ злоупотребленій, получившихъ особенно сильное развитіе въ царствованіе Хуана II, благодаря дѣятельности великаго коннетабля Альваро де Луна, стремившагося создать въ Кастиліи абсолютную королевскую власть и уничтожить оппозиціонные элементы¹⁾, нерѣдко раздавались протесты въ кортесахъ, депутаты тре-

¹⁾ M. Fernandez Martin, *Derecho parlamentario español*, t. I, p. 13. Eduardo de Hinojosa, *El origen del Regimen municipal en Leon y Castilla*, p. 23.

²⁾ E. de Hinojosa, *ib.*, p. 24.

³⁾ Rizzo y Ramirez, *Juicio critico y significacion politica de D. Alvaro de Luna*, pp. 238—239.

бовали предоставленія общинамъ права свободно избирать своихъ представителей¹⁾, но напрасно: зло укоренилось, и королевская власть дошла до того, что по именамъ стала указывать тѣхъ лицъ, которыя должны были быть избраны въ кортесы. Въ половинѣ XV в. депутаты начинаютъ получать жалованье отъ правительства, и благодаря этому обстоятельству, такъ же какъ и условіямъ избранія, совершенно утрачиваютъ свой независимый характеръ, являясь скорѣе въ роли чиновниковъ, чѣмъ истинныхъ представителей націи, заботящихся объ ея интересахъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе XV в. представительство среднего сословія, такъ же какъ и другихъ двухъ сословій, постепенно приходило въ упадокъ, хотя и въ силу другихъ причинъ и не въ одинаковой степени. Въ то время, какъ духовенство и дворянство все болѣе устраниются отъ участія въ кортесахъ, въ качествѣ самостоятельнаго чина, общины, хотя и въ ограниченномъ числѣ, неуклонно продолжаютъ участвовать въ кортесахъ при посредствѣ своихъ представителей. Начиная со второй половины XIV в. нерѣдко кортесы состоятъ изъ однихъ лишь представителей среднего сословія, при полномъ отсутствіи членовъ двухъ другихъ чиновъ. Такъ, въ кортесахъ 1370, 1373, 1407, 1411, 1420, 1425, 1430, 1431, 1469, 1505 и 1512 г.г., кромѣ короля, его ближайшихъ совѣтниковъ и городскихъ депутатовъ, мы не находимъ членовъ другихъ сословій²⁾. Рядъ подобныхъ прецедентовъ, вѣроятно, и былъ основаніемъ для заявленія депутатовъ кортесовъ 1469 г., что „согласно законамъ королевства, короли не должны предпринимать ничего важнаго безъ совѣта главныхъ городовъ и мѣстечекъ государства“, заявленія, въ которомъ очень характернымъ является отсутствіе упоминанія двухъ высшихъ чиновъ кортесовъ³⁾.

¹⁾ C. de L. y C., t. III, p. 85, § 13; p. 683, § 9.

²⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 185, 256—257; t. III, pp. 1, 4, 23, 79, 80, 98, 765—766; t. IV, pp. 217, 235.

³⁾ C. de L. y C., t. III, p. 809, § 29.

ГЛАВА II.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ОБЩИНЪ ВЪ КОРТЕСАХЪ.

I. Избраніе депутатовъ въ кортесы.—II. Депутатскія полномочія.—III. Вознагражденіе и привилегіи депутатовъ.

Каждая община (*concejo*) представляла извѣстную политическую единицу, обнимавшую главный городъ (*ciudad, villa*) и принадлежавшія ему селенія и хутора (*aldeas, lugares*), обладала муниципальною автономіей, т. е. избирала собственныхъ правителей и судей, содержала милицію и управлялась своими *фуэросами*. До половины XIV вѣка вліяніе короля на внутреннее управленіе общинъ было незначительно: обыкновенно ему принадлежала тамъ лишь верховная судебная власть, заключающаяся въ правѣ принимать апелляціи на рѣшенія муниципальныхъ судей и право на извѣстныя повинности (*moneda forera, fonsadera, yantar*)¹⁾, размѣры которыхъ опредѣлялись мѣстными *фуэросами*. Безъ согласія общинъ король не имѣлъ права требовать отъ нихъ большаго, чѣмъ полагалось по *фуэросамъ*. Если король нуждался въ чрезвычайныхъ субсидіяхъ или предстояло разрѣшить вопросы общенациональнаго интереса, король созывалъ кортесы посредствомъ пригласительныхъ писемъ (*cartas convocatorias*), адресуемыхъ отдѣльнымъ лицамъ и общинамъ.

Всякій разъ какъ община получала отъ короля приглашеніе послать депутатовъ въ кортесы, члены общиннаго управленія созы-

¹⁾ Estas quatro cosas son naturales al senorio del Rey, que non las deve dar a ningund omne, nin las partir de si, ca pertenescen a el por razon del senorio natural: Justicia, Moneda, Fonsadera, é suos yantares. Fuero Viejo de Castiella, libro I, tit. 1, ley I.

вали народное собраніе или совѣтъ для сообщенія о королевскомъ приглашеніи и для избранія своихъ представителей. Эти собранія созывались посредствомъ трубы глашатая или колокольнаго звона на главной площади, или въ церкви, или въ зданіи общиннаго управленія. Способъ избранія и количество депутатовъ отъ каждой общины, насколько можно судить по тѣмъ скуднымъ свѣдѣніямъ, которыя сохранились по этому вопросу, варіировались въ различныхъ мѣстностяхъ и въ различныя эпохи. Разъ депутаты были избраны, имъ давались извѣстныя полномочія, въ видѣ довѣрительныхъ грамотъ за подписью секретаря общиннаго управленія и печатью общиннаго совѣта, предоставлявшихъ имъ право отъ имени всей общины вступать въ соглашенія съ королемъ и другими членами кортесовъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ, на тѣхъ или иныхъ условіяхъ. Характеръ депутатскихъ полномочій также измѣнялся въ зависимости отъ политическихъ условій эпохи, суживавшихъ или расширявшихъ свободу дѣйствій представителей общинъ. Пока извѣстное лицо было снабжено этими полномочіями, оно пользовалось извѣстными привилегіями и большими или меньшими гарантіями неприкосновенности. На путевыя издержки и на расходы по содержанію во время сессіи кортесовъ депутаты получали вознагражденіе отъ общинъ, но въ XV вѣкѣ стали получать также и субсидіи изъ королевскаго казначейства, что служило краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ вырожденія независимаго представительства общинъ.

І. Избраніе депутатовъ въ кортесы.

Депутаты отъ средняго сословія впервые появляются въ кортесахъ подъ именемъ „*electi cives ex singulis civitatibus*“ (1188 г.). Другими обозначеніями для нихъ служили термины „*homines bonos*“ (1250 г.), „*homines buenos*“ (1252 г.), „*alcaldes*“ (1274 г.), „*mercadores*“ (1263 г.), „*caualleros*“ (1293, 1298 г.), „*los de la tierra*“ (1300 г.) и т. д. Въ 1255 г. вводится новый терминъ „*procuratores*“, и со второй четверти XIV в. онъ становится обычнымъ для обозначенія представителей общинъ, хотя рядомъ съ нимъ встрѣчаются иногда и другіе, равнозначашіе термины: *personeros* (1301, 1302), *mensageros* (1370), *mandaderos* (1371), „*Procuratores*“ или „*procuradores*“ значить „депутаты“; этотъ общій терминъ указываетъ на выборное начало представительства общинъ въ кортесахъ; другіе термины, безъ присоеди-

ненія слова „electi“, не указывая на это начало, указывают только на тѣ элементы населенія общинъ, которые представляли ихъ въ кортесахъ: горожане, алькальды (мэры), рыцари, купцы. Los de la tierra указываетъ одинаково, какъ на городское, такъ и сельское население, члены котораго также могли участвовать въ кортесахъ. Такъ, въ 1268 г. въ Хересскихъ кортесахъ участвовали рыцари гор. Бургоса и крестьяне селеній, находившихся въ его юрисдикціи¹⁾. Постоянное употребленіе въ актахъ кортесовъ XIII и XIV в.в. выражений „omes buenos“ или „procuradores delas cibdades, é villas, é lugares“ свидѣтельствуетъ и о постоянномъ участіи въ кортесахъ представителей крестьянскаго населенія, рядомъ съ представителями городского. То же, вѣроятно, имѣло мѣсто и въ первую половину XV в., какъ это можно заключить изъ петиціи депутатовъ Паленсійскихъ кортесовъ 1431 г. Они просили короля не допускать къ избранію въ кортесы крестьянъ (labradores e seuzmeros) и вообще лицъ, принадлежавшихъ къ тягловому сословію (pechegos), на томъ основаніи, что послѣдніе не могутъ поддерживать чести и достоинства своихъ избирателей, ни вести надлежащимъ образомъ переговоры съ другими депутатами во время засѣданій кортесовъ²⁾. Однако, петиція эта не имѣла послѣдствій, такъ какъ въ слѣдующемъ году въ Саморскихъ кортесахъ депутаты жаловались, что „несмотря на запрещеніе, нѣкоторые крестьяне и другіе люди „derequenna manega“, противъ желанія городовъ и мѣстечекъ, алькальдовъ, альгвазиловъ и правителей ихъ (regidores), добиваются избранія въ кортесы. Въ виду этого, говорили они: просимъ Ваше Величество отправить свои грамоты съ предписаніемъ, которое имѣло бы силу закона, о томъ, чтобы депутатами могли быть лишь тѣ, которыхъ изберутъ города и мѣстечки, правители и должностныя лица ихъ, но отнюдь не лица низшаго сословія (de requenna manega)“. Король отвѣчалъ согласіемъ на эту петицію³⁾ и съ этой поры можно считать участіе крестьянскаго сословія въ кортесахъ прекратившимся, такъ какъ нигдѣ не встрѣчается больше жалобъ на ихъ стремленіе вернуть себѣ то, что принадлежало раньше имъ по праву и что отняла у нихъ аристократи-

¹⁾ *Caalleros de nuestra villa, omes bonos delos pueblos*. Ms. de la Biblioteca Santa Cruz en Valladolid, № 35, t. IV: Peticiones dadas por los procuradores de Burgos y respondidas por el Rey en Xerez. 1268.

²⁾ *C. de L. y C.*, t. III, p. 101, § 9.

³⁾ *Ib.* p. 135, § 19.

зація муниципальной жизни. Кругъ лицъ, имѣвшихъ право на избраніе въ кортесы, сѣзился такимъ образомъ до извѣстной привилегированной части населенія общинъ, и виной этого ограниченія является столько же эгоизмъ высшей части населенія, сколько и интересы королевской политики.

Способы избранія депутатовъ въ кортесы, вѣроятно, различались въ разныхъ общинахъ, въ зависимости отъ той конституціи и тѣхъ фуэросовъ, которые управляли ими. Самыя раннія свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ для разясненія этого вопроса, относятся къ началу XV в. Такъ, изъ довѣрительной грамоты, данной депутатами города С. Себастьяна въ 1401 г., видно, что избирателями были городской совѣтъ, алькальды, превотъ, гласные и обыватели (*omes buenos*), что избирательное собраніе имѣло мѣсто на площади, передъ домомъ de Fayet, согласно древнему обычаю, и избраннымъ оказался Доменѣон Дaguaга, превотъ пригорода С. Себастьяна — Гетаріи¹⁾. Изъ довѣрительной грамоты общины С. Саагуна, видно, что тамъ избирателями были совѣтъ и населеніе общины, что избирательное собраніе имѣло мѣсто въ церкви св. Петра, и избраны были два жителя С. Саагуна²⁾. Изъ подобной же грамоты г. Картахены видно, что избирателями были городской совѣтъ, должностныя лица и горожане, что избирательное собраніе имѣло мѣсто у входа въ церковь св. Маріи и что избраны были два картахенскихъ обывателя³⁾. Приведенные примѣры свидѣтельствуютъ о томъ, что въ началѣ XV в. въ нѣкоторыхъ городахъ сохранялись еще старинные демократическіе порядки относительно способа избранія депутатовъ. Но въ болѣе

¹⁾ Ms. del Arch. de Sim.=Patronato Real=Juramentos y pleitos homenages=Leg.^o I.=Podéres para jurar por heredera de los Reynos de Castilla á la Infante D-a Maria primogenita del Senor Rey Don Enrique 3°. Anos de 1401 y 1402.

²⁾ Ms. del Arch. de Sim.=Patr.^o R-l.=Jur. y pl. homenages=Leg.^o 1: Poder de Sahagun=ano de 1402.

³⁾ Sepan quantos esta carta vieren como nos el concejo e escuderos e oficiales e omes buenos dela çibdat de Cartagena seyendo juntados a concejo general ala puerta dela yglesia de Santa Maria desta dicha çibdat por pregon fecho por Anton Llorençio pregonero publico desta çibdat endo abemos de vso e costunbre delo tener por rason que el rey nuestro senor... enbia mandar a nos el dicho concejo en mediado este mes de diciembre dela fecha desta carta enbiemos ala çibdat de Toledo dos omes buenos de entre nos con nuestro poder bastante para ellos en uno con los otros procuradores de todas las çibdades e villas e lugares delos rregnos del dicho senor Rey puedan faer pleito e omenage por esta çibdat ala infante dona Maria. Poder de Cartagena=Ano de 1402=Ms. del Arch. de Sim.=Patr.^o R-l.=Jur. y pl. homenages=Leg.^o 1.

значительныхъ центрахъ муниципальной жизни уже съ половины XIV в. кругъ избирателей, какъ и лицъ, подлежащихъ избранію, постепенно суживался, благодаря захвату общиннаго управленія привилегированными фамиліями и вмѣшательству королевскихъ агентовъ въ муниципальные выборы¹⁾. Въ половинѣ XV в. ясно обнаруживаются два противоположныя теченія по вопросу относительно свободы муниципальных выборовъ. Король и аристократическіе элементы населенія общинъ стараются предоставить право избранія въ депутаты лишь членамъ муниципальнаго управленія. Такъ, депутаты отъ Севильи въ Вальядолидскихъ кортесахъ 1451 г. просили, чтобы одинъ изъ депутатовъ этого города непременно избирался изъ числа гласныхъ его, указывая на подобный порядокъ, какъ на стародавній обычай²⁾. Этотъ обычай упрочился въ послѣдующее время, такъ какъ въ кортесахъ 1498, 1504 и 1511 гг., по свидѣтельству Суньиги, однимъ изъ депутатовъ отъ Севильи бывалъ гласный, а другимъ членъ „Совѣта 24“ этого города³⁾. Но и демократическая часть населенія общинъ настаивала на соблюденіи старинныхъ обычаевъ, требуя свободы выборовъ въ кортесы. Такъ, въ Вальядолидскихъ кортесахъ 1442 г. депутаты указывали на весь вредъ для интересовъ общинъ, происходящій оттого, что король, королева, инфантъ-наслѣдникъ и другія лица вмѣшиваются въ муниципальные выборы, и просили на будущее время воздерживаться отъ подобнаго образа дѣйствій⁴⁾. Подобныя же жалобы раздавались и въ кортесахъ 1447, 1455 и 1462 г.г.⁵⁾, но онѣ не приводили ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ король продолжалъ посредствомъ рекомендательныхъ писемъ или своихъ агентовъ вліять на избраніе депутатовъ въ желательномъ для себя смыслѣ, находя поддержку и сочувствіе въ извѣстной части самого населенія общинъ. Какъ далеко простиралось вмѣшательство короля въ выборы депутатовъ, видно изъ слѣдующаго письма, адресованнаго въ 1457 г. къ Севильѣ: „Для совѣщанія и переговоровъ по вопросамъ весьма угоднымъ Богу, служащимъ въ пользу намъ и къ добру всего государства, я велѣлъ созвать депутатовъ отъ общинъ, въ числѣ ихъ и отъ Севильи, какъ увидите изъ

1) Marina, Teoria de las Cortes, t. I, p. 197.

2) C. de L. y C., t. III, p. 608, § 23.

3) Zúñiga, An. de Sevilla, pp. 415, 419, 426.

4) C. de L. y C., t. III, p. 407 (§ 12).

5) Ib., pp. 569 (§ 60), 683 (§ 9), 729 (§ 37).

грамоты, которая будетъ представлена вамъ. И такъ какъ алькальды Гонсало де Сааведра, мой совѣтникъ и „членъ 24“, и Альваро Гомесъ—мой секретарь и эзекуторъ этого города—лица, которымъ я вполнѣ довѣряю, то угодно мнѣ, чтобы депутатами отъ этого города вы избрали и назначили ихъ, а не другихъ“¹⁾). Отсутствіе опредѣленныхъ правилъ относительно способа избранія депутатовъ въ кортесы было причиной безпорядковъ и смутъ, сопровождавшихъ выборы представителей общинъ въ XV в. Въ Толедскихъ кортесахъ 1480 г., насколько можно судить на основаніи рукописей Симанкского архива, изданъ былъ особый законъ относительно способа избранія депутатовъ, но въ чемъ состоялъ этотъ законъ неизвѣстно, такъ какъ сохранилась лишь неопредѣленная ссылка на него²⁾). Можно предполагать, что онъ только закрѣпилъ выработавшіеся на этотъ счетъ обычаи въ каждой общинѣ, не установивъ однообразія въ избирательной системѣ, такъ какъ изъ данныхъ, которыми мы располагаемъ для 1498 и 1499 гг. относительно четырехъ городовъ, Гранады, Гвадалахары, Хаэна и Куэнки, оказывается, что каждый изъ нихъ имѣлъ особую избирательную систему. Въ Гранадѣ избирателями являлись городской совѣтъ, коррехидоръ и собраніе гласныхъ (*ayuntamiento*); избранными оказались двое старшинъ города (*regidores*)³⁾. Въ Гвадалахарѣ избирателями были городской совѣтъ, альгвазилъ, старшины, рыцари, щитоносцы и горожане; мѣстомъ собранія была зала городского управленія, а избраны были два рыцаря, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ къ числу городскихъ старшинъ⁴⁾. Въ Хаэнѣ существовала система постоянного чередованія (*turno perpetuo*) среди

¹⁾ Этотъ документъ напечатанъ у Zuniga, An. de Sevilla, p. 347.

²⁾ Ronquillo alcalde de Segovia dióauto de remision á S. A. por haber habido diferencia entre los regidores para el nombramiento, conformandose con la ley hecha en las Cortes de Toledo sobre la eleccion de procuradores. Ms. del Arch. de Sim.= Cortes de Castilla=Leg.^o 2.

³⁾ Ms. del Arch. de Sim.=Patronato Real=Juramentos y pleitos homenages=Leg.^o 1, ano de 1498.

⁴⁾ Sepan quantos esta carta de poder vieren como nos el concejo allcaldes alguasil regidores e caualleros e escuderos oficiales e omes buenos dela çibdad de Guadalajara estando ayuntados en la camara de nuestro ayuntamiento .... segund quelo avemos de uso e de costunbre ... por razon que el Rey e la Reyna nuestros senores enbiaron a esta dicha çibdad una su carta .... damos e otorgamos todo nuestro poder conplido a vos .... los caualleros Gomes de Cibdad Real e Diego de Gusman regidor dela dicha çibdad de Guadalajara. Poder de Guadalajara para jurar al principe D. Miguel.= Ms. del Arch. de Sim.=Patr.^o R-l.=Jur. y pleitos homenages=Leg. 1°=Ano de 1499

членовъ городского управленія для участія въ кортесахъ въ качествѣ депутатовъ¹⁾. Въ Куэнкѣ депутаты избирались по жребію²⁾. Относительно системы выборовъ или назначенія депутатовъ, существовавшей въ остальныхъ 14 городахъ съ правомъ голоса въ кортесахъ, не сохранилось свѣдѣній, но можно думать, что система избранія по жребію пользовалась преобладаніемъ уже въ концѣ XV и началѣ XVI вѣковъ³⁾, являясь естественнымъ послѣдствіемъ замѣнотости общественныхъ должностей для массы населенія и средствомъ избѣгнуть борьбы страстей и волненій, неразлучныхъ съ системой избранія путемъ голосованія. Что касается числа депутатовъ, которыхъ посылала каждая община въ кортесы, то до половины XV в. въ этомъ отношеніи не соблюдалось никакой правильности. Въ 1250 г. въ привилегіи, данной г. Сеговіи, Фердинандъ III предписалъ, чтобы этотъ городъ не посылалъ въ кортесы больше 3 или 4 депутатовъ, если самъ онъ не потребуетъ присылки ихъ въ большемъ количествѣ⁴⁾; въ Хересскихъ кортесахъ 1268 г. участвовало отъ г. Бургоса 4 депутата⁵⁾; въ Вальядолидскихъ 1295 г. участвовало отъ каждаго селенія большее

1) Ordenanza hecha en Jaen para el nombramiento de los procuradores a Cortes, cuya confirmacion se habia de pedir en las de Salamanca. Establecese en ellas un turno perpetuo. Ms. de Arch. de Sim.=Cortes de Castilla=Leg.^o 2. Indice.

2) Testimonio de la eleccion de un procurador por Cuenca para jurar a la Reina de Portugal y a su marido el Rey por principes herederos de estos Reinos. La eleccion, segun dicho testimonio, se hacia por suerte. Refierese el modo de hacerlo: Ano de 1498, ib.

3) Сохранились свѣдѣнія относительно способа избранія депутатовъ въ кортесы въ 1611 г. Такъ какъ организація городского представительства въ своихъ существенныхъ чертахъ уже вполнѣ выработалась въ концѣ XV в., подвергаясь лишь незначительнымъ измѣненіямъ въ послѣдующее время, то данныя 1611 года могутъ служить указаніемъ, хотя и приблизительнымъ, на то, какіе способы избранія существовали въ 18 привилегированныхъ городахъ въ концѣ XV и началѣ XVI в. По цитир. уже рукописи Париж. Нац. Библ. (Esp. 384, ff. 161—174: Relacion de las cosas mas notables de la corte de Espana) оказывается, что въ 1611 г. 13 изъ 18 городовъ съ правомъ голоса избирали депутатовъ въ кортесы по жребію.

4) Colmenares, Hist. de Segovia, p. 206.

5) Sabedes de como vos (el concejo de Burgos) embie decir que enbiasedes cavalleros de vuestra villa omes bonos delos pueblos que viniesen ami, e que fuesen do quier que yo fuese por esta Navidad. E vos imbiasteme á Pedro Bonifat e a Fernant Garcia mios Alcaalles, e á Rodrigo Jbanez mio ome, e á Ramon Layues, fecasteslo muy bien en imbiarmelo e gradescovoslo mucho. Peticiones dadas por los procuradores de Burgos y respondidas por el Rey, en Xerez, 1268. Ms. de la Bibl. Santa Cruz въ Вальядолидѣ № 36, т. IV.

количество лицъ, чѣмъ обыкновенно¹⁾; въ 1305 г. въ кортесахъ Медина дель Кампо отъ г. Авилеса—2²⁾; въ Вальядолидскихъ 1308 г. отъ г. Севильи—3³⁾; Въ Бургосскихъ 1367 г. отъ г. Толедо—4⁴⁾; въ Мадридскихъ 1391 г. отъ Бургоса и Саламанки по 8,—отъ Толедо—6, отъ Леона—5, отъ Вальядолида, Саморы, Сорин, Торо—по 4; изъ остальныхъ 41 общины, представленныхъ въ этихъ кортесахъ, однѣ имѣли по 3, другія по 1 и большинство по 2 депутата⁵⁾; въ кортесахъ 1401—1402 г.г. отъ г. С. Себастьяна—1 депутатъ, а отъ Картахены и Саагуна—по 2⁶⁾. Больше или меньше количество депутатовъ отъ отдѣльныхъ общинъ не зависѣло отъ количества населенія или относительной важности ихъ, а отъ свойствъ призывныхъ королевскихъ грамотъ⁷⁾ или отъ усмотрѣнiя самихъ общинъ. Но начиная съ половины XV в., замѣчается стремленiе какъ со стороны городовъ, такъ и со стороны королевской власти урегулировать число депутатовъ, которыхъ должна была посылать каждая община въ кортесы. Такъ, въ Бургосскихъ кортесахъ 1430 г. королю представлена была петиція о томъ, чтобы отъ каждой общины отправлялось въ кортесы 2 депутата, но не больше⁸⁾. Очевидно, петиція эта обуславливалась дороговизной содержанiя большого количества депутатовъ, падавшей на населенiе и тяготившей его. Около того же времени депутаты стали получать субсидiи отъ короля, который и самъ, вѣроятно, счелъ нужнымъ установить извѣстный порядокъ въ числѣ депутатовъ отъ cadaго изъ 17 (позже 18) „привилегированныхъ городовъ“. Начиная съ первой половины XV в., каждая община посылаетъ въ кортесы обыкновенно не болѣе двухъ депутатовъ. Такъ,

¹⁾ Mem. del rey D. Fern. IV, t. I, p. 6.

²⁾ Vinieron ante nos Juhan Nicolas e Alfonsi Janez personeros del concejo de Avilles á estas cortes que agora fecimos en Medina del Campo. Ms. de la Ac. de la Hist. Est. 21, gr. 6-a, n.º III, f. 174.

³⁾ Mem. del rey D. Fern. IV, t. II, p. 197, n. 7.

⁴⁾ C. de L. y C., t. II, p. 156, § 1.

⁵⁾ Ib., t. II, pp. 483—485.

⁶⁾ См. цит. выше Mss. del Arch. de Sim.

⁷⁾ Такъ въ призыв. грамотѣ къ Мурци 1379 г. (Cascales, Disc. VIII, cap. I: Adiciones къ хроникѣ Хуана I, pp. 145—146) сказано неопредѣленно: os mando que envieis vuestros procuradores, безъ обозначенiя числа. Но въ грамотѣ 1385 г., адресов. къ тому же городу, велѣно уже выслать двухъ депутатовъ (Cascales, Disc. VIII, cap. 15; Adiciones, pp. 151—152); въ грамотѣ 1394 г. г. Толедо велѣно выслать одного депутата. (Marina, Teoria de los cortes, t. I, p. 173).

⁸⁾ C. de L. y C., t. III, p. 85, § 13.

въ Мадридскихъ кортесахъ 1435 г. присутствуютъ 33 депутата отъ 17 городовъ, причемъ каждый изъ нихъ, за исключеніемъ Севильи, пославшей одного депутата, представленъ былъ двумя депутатами¹⁾; въ Толедскіе кортесы 1480 г. отъ каждаго изъ 17 городовъ послано было по два депутата²⁾; въ Вальядолидскихъ кортесахъ 1506 г. изъ 18 представленныхъ въ нихъ городовъ, 4 послали по одному, а остальные по 2 депутата³⁾.

II. Депутатскія полномочія.

Полномочія депутатовъ такъ же, какъ и условія избранія ихъ, подвергались различнымъ измѣненіямъ въ теченіе времени и могли быть ограниченными или безусловными; депутатамъ предоставлялось право давать полное или неполное согласіе на всѣ или нѣкоторыя требованія короля, съ извѣстными условіями или безъ всякихъ условій. Кромѣ того, избиратели давали депутатамъ извѣстныя инструкціи относительно того, какого поведенія они должны были держаться въ кортесахъ, какихъ уступокъ должны были они требовать отъ короля въ формѣ петицій и въ видѣ вознагражденія за оказанныя услуги. Эти петиціи иногда редактировались самими совѣтами общинъ, какъ это, напримѣръ, имѣло мѣсто въ 1391 г. въ г. Есіја⁴⁾, большею же частью общимъ собраніемъ депутатовъ въ кортесахъ, согласно полученнымъ инструкціямъ. Если со стороны короля представлялись непредвидѣнными избирателями требованія, не означенныя въ призывныхъ грамотахъ, депутаты могли отказываться отъ подачи голоса до того времени, пока не узнаютъ мнѣнія своихъ избирателей или не получаютъ новыхъ полномочій, какъ это имѣло мѣсто, напр., въ кортесахъ 1425 г., когда рожденіе принца Генриха сдѣлало необходимымъ для депутатовъ просить своихъ избирателей дать имъ новыя полномочія, ибо въ силу прежнихъ они должны были принести присягу въ вѣрности инфантъ Леонорѣ, какъ наслѣдницѣ престола⁵⁾. Важно было, чтобы избиратели заранѣе могли знать, какого рода

¹⁾ Ms. del Arch. de Sim. = Cortes de Castilla = Leg. I, ano de 1435

²⁾ Pulgar, Cron. de los Sres Reyes Cat., p. 352.

³⁾ C. de L. y C., t. IV, p. 220.

⁴⁾ Текстъ этой петиціи у Marina, Teoria de las Cortes, t. I, p. 224.

⁵⁾ Cron. del rey D. Juan II, p. 429.

вопросы будутъ обсуждаться въ кортесахъ, чтобы соответственно этому дать своимъ депутатамъ тѣ или иныя полномочія. Королевскія призывныя грамоты обыкновенно заключали въ себѣ указанія на цѣль и поводъ собранія, но не всегда указанія эти отличались одинаково опредѣленнымъ характеромъ, и къ тому же въ концѣ XV и началѣ XVI в.в., рядомъ съ призывными грамотами, въ города стали посылаться и особыя инструкции относительно размѣра тѣхъ полномочій, которыми должны быть снабжены депутаты; противъ этого протестовали депутаты кортесовъ 1520 г. въ Коруньѣ и комунеры Тордесильской хунты того же года¹⁾. Интересъ общинъ требоваль, чтобы депутаты, прежде чѣмъ отправиться въ кортесы, клятвенно обязывались не отступать отъ полученныхъ инструкцій и не переходить предѣловъ принятыхъ полномочій. Когда въ 1390 г., въ кортесахъ, созданныхъ въ Гвадалахарѣ, Хуанъ I пригласилъ къ себѣ на секретное совѣщаніе нѣкоторыхъ депутатовъ, къ которымъ питалъ особенное довѣріе, и просилъ ихъ склонить своихъ коллегъ путемъ ловкихъ увѣщаній на разрѣшеніе необходимой субсидіи, приглашенные съ достоинствомъ отвѣчали королю: „Сеньоръ, мы присутствуемъ здѣсь въ качествѣ представителей нѣкоторыхъ общинъ и присягали имъ въ томъ, что будемъ вѣрно служить Вамъ и соблюдать интересы королевства и избравшихъ насъ общинъ. Если намъ придется вести переговоры съ другими депутатами, то мы будемъ вести ихъ такъ, чтобы имъ ясно было, что мы не отступаемъ отъ присяги, принесенной всѣми нами“²⁾. Что касается проверки полномочій депутатовъ, по прибытіи послѣднихъ въ кортесы, то на этотъ счетъ не сохранилось свѣдѣній для времени до второй половины XV в. Въ 1475 г. для этой цѣли назначались секретарь королевской канцеляріи и другія лица, вѣроятно, изъ числа членовъ королевскаго совѣта³⁾, а въ на-

¹⁾ Marina, ib., pp. 201—202.

²⁾ Cron. del rey D. Juan I, p. 132.

³⁾ ... en presencia de mi Alfonso de Avila secretario delos dichos Senores Rey e Reyno e notario publico por las abtoridades apostolical y real e delos testigos de yuso escriptos paresçieron y presentaron ante la dicha senora prinçesa los honrrados e discretos varones Garcia Nunez de Lezma alcalde mayor enla muy noble e muy leal cibdad de Burgos Cabeza de Castilla camara delos dichos senores Rey e Reyna, e el comendador Juan Nunez de Burgos regidor dela dicha çibdad y procuradores de cortes dela dicha cibdad de Burgos segund parece por el ynstrumento publico de procuracion fecho y otorgado por la dicha cibdad alos dichos procuradores en calorze dias del mes de marzo, ano del naçimiento de nuestro senor. I. X. de 1475 anos. Ms. del Arch. de Sim.=Patr.^o R-l.=Pleitos y omenages=Leg.^o I, Ano de 1476.

чалъ XVI в. провѣрка депутатскихъ полномочій поручалась президентомъ кортесовъ секретарямъ ихъ ¹⁾. Также не сохранилось извѣстій о формѣ сдачи депутатами своихъ полномочій, по возвращеніи домой, ни о томъ отчетѣ, который обязаны были они отдавать передъ избирателями въ исполненіи принятыхъ полномочій, хотя необходимость такого отчета вытекала сама собой изъ сущности полномочій, какъ это можно заключить изъ случая, имѣвшаго мѣсто въ г. Сеговіи въ 1520 г. Жители этого города, протавивъ по улицамъ своего депутата Антоніо де Тордесильяса при крикахъ негодованія, повѣсили его за то, что въ Корунскихъ кортесахъ этого года онъ предложилъ Карлу V требуемыя суммы въ видѣ добровольнаго дара, не имѣя на это никакихъ полномочій ²⁾. Довѣренности и полномочія давались депутатамъ въ видѣ особыхъ грамотъ за подписью секретаря и печатью общиннаго совѣта (*poderes, cartas de procuracion, cartas de personerios*). Въ XIV в., отъ котораго сохранились наиболѣе раннія свѣдѣнія по этому вопросу, акты полномочій имѣли вполне опредѣленный характеръ: они ограничены были правомъ давать отвѣты лишь на вопросы, указанные въ призывныхъ королевскихъ грамотахъ, причемъ воля избирателей при выдачѣ полномочій депутатамъ не испытывала давленія со стороны правительственной власти. Такъ, въ Паленсійскіе кортесы 1313 г. явились депутаты „съ полномочіями избрать опекуна“ для несовершеннолѣтняго короля Альфонса XI ³⁾. Въ кортесы 1386 г. призваны были депутаты, „которые выражали бы волю своихъ общинъ“ (*apercibidos delas voluntades*) по вопросу о способѣ и средствахъ веденія предстоявшей войны ⁴⁾; въ кортесы 1387 г. депутаты отправлены были съ „извѣстными полномочіями“ (*con poderes ciertos*) для рѣшенія вопросовъ, объявленныхъ въ королевскихъ призывныхъ грамотахъ ⁵⁾; то же имѣло мѣсто и въ кортесахъ 1394 г., куда приглашены были депутаты съ „извѣстными и достаточными полномочіями“ для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ ⁶⁾. Въ первую половину XV в., несмотря на измѣненія въ способахъ избранія депутатовъ и внимательство королевской власти

¹⁾ C. de L. y C., t. IV, pp. 246, 260.

²⁾ M. Colmeiro, De la constitucion, t. I, p. 336.

³⁾ Ib., t. I, p. 234.

⁴⁾ C. de L. y C., t. II, p. 357.

⁵⁾ Ib., t. II, pp. 399—400.

⁶⁾ Marina, Teoria de los cortes, t. I, p. 173.

во внутрєннїя дѣла общинъ, характеръ депутатскихъ полномочій, по-видимому, не подвергся существеннымъ измѣненіямъ. Такъ, въ 1402 г. С. Себастьянъ отправляетъ депутатовъ въ кортесы съ опредѣленнымъ полномочіемъ принести присягу въ вѣрности принцессѣ Маріи, какъ наслѣдницѣ трона. Но избиратели С. Саагуна въ томъ же году, кромѣ этихъ полномочій, даютъ имъ еще и другія, менѣе опредѣленныя, именно предоставляютъ имъ право дать свое согласіе „на все то, что служить въ пользу королю, къ чести и добру всей страны и ихъ самихъ, и на все то, что будетъ рѣшено и постановлено другими депутатами въ кортесахъ“¹⁾. Однако, послѣдній примѣръ стоитъ одиноко и не можетъ служить доказательствомъ измѣненія характера депутатскихъ полномочій вообще, такъ какъ въ кортесы позднѣйшаго времени, именно 1453 и 1465 гг., депутаты являются съ вполне опредѣленными и ограниченными полномочіями для разрѣшенія лишь тѣхъ вопросовъ, которые поставлены были въ призывныхъ грамотахъ²⁾. Свѣдѣній о депутатскихъ полномочіяхъ для періода отъ 1465 до 1502 г. не сохранилось, но можно думать, что въ теченіе этого времени они подверглись серьезнымъ измѣненіямъ, такъ какъ въ призывной грамотѣ къ г. Толедо 1502 г. уже требовалось, чтобы депутатамъ его даны были „безусловныя полномочія для переговоровъ и соглашенія въ кортесахъ отъ имени королевства на все то, что мы сочтемъ нужнымъ“³⁾. Такой же характеръ носятъ и депутатскія полномочія 1506 г. и послѣдующихъ годовъ⁴⁾ въ зависимости отъ требованій призывныхъ королевскихъ грамотъ и прилагаемыхъ при нихъ инструкцій для городскихъ правителей. Ясно, что чѣмъ менѣе опредѣленныя полномочія давали общины своимъ представителямъ, тѣмъ неограниченнѣе становился кругъ дѣйствій, въ которомъ свободно могли вращаться депутаты, тѣмъ легче могли они ускользать отъ воли избирателей и подчиняться желаніямъ короля, тѣмъ меньше было гарантій для соблюденія интересовъ общинъ. Однако, до 1520 г. незамѣтно было серьезной оппозиціи противъ этихъ, какъ и другихъ злоупотребленій королевской власти. Только въ періодъ всеобщаго раздраженія, вызваннаго анти-національной политикой Карла V и его министровъ,

¹⁾ См. выше цит. Ms del Arch. de Sim. 1401—1402 г.

²⁾ C. de L. y C., t. III, pp. 642, 749.

³⁾ Ms. de la Bib. Nac.=Col. del. P. Burriel=Dd. 134, f. 17.

⁴⁾ Ms. de la Bib. Nac.=Col. del. P. Burriel=Dd. 134, f. 41; C. de L. y C., t. IV, pp. 288—289.

наканунѣ возстанія комунеровъ, нѣкоторые города выступили со смѣлымъ протестомъ противъ нарушенія ихъ правъ. Въ 1520 г. Карлъ V рѣшилъ отправиться въ Германію для сонсканія императорской короны. Предпріятіе это требовало огромныхъ денежныхъ средствъ. собрать которыя онъ могъ лишь съ согласія кортесовъ. Въ намѣреніи испросить у нихъ субсидію въ размѣрѣ 300 милліоновъ мараведи¹⁾, король разослалъ призывныя грамоты по городамъ, требуя, чтобы они прислали своихъ депутатовъ въ Сантіаго на кортесы съ неограниченными полномочіями. Несмотря на упадокъ независимости общинъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранялся еще духъ древней свободы и не всѣ онѣ повиновались этому деспотическому предписанію. Городъ Толедо, гдѣ избранными въ депутаты оказались старшина Хуанъ де Сильва и гласный Алонсо де Агирре, слывшіе за ревностныхъ приверженцевъ правительства и потому не пользовавшіеся довѣріемъ общины, рѣшилъ дать имъ настолько ограниченныя полномочія, что ни на одно королевское предложеніе они не могли отвѣчать согласіемъ или отказомъ, не узнавши предварительно по каждому данному вопросу мнѣнія своихъ избирателей. На этихъ условіяхъ названныя лица не согласились принять на себя званія депутатовъ. Тогда избрали другихъ лицъ, двухъ старшинъ и двухъ гласныхъ, которымъ даны были инструкціи слѣдующаго рода: просить короля не уѣзжать, ибо страна не можетъ оставаться безъ короля и не привыкла управляться губернаторами,—не раздавать должностей иностранцамъ,—принять мѣры противъ отлива монеты за границу,—не требовать отъ этихъ кортесовъ субсидіи въ случаѣ твердаго намѣренія уѣхать въ Германію,—продлить и перенести засѣданія кортесовъ изъ Галисіи въ Кастилію; прекратить продажу должностей и упорядочить веденіе дѣлъ въ инквизиціонномъ трибуналѣ. Живившись въ кортесы и выслушавъ предложенія короля, толедскій депутатъ Педро Ласо де ла Вега представилъ королю на разсмотрѣніе эти инструкціи въ формѣ меморіала, съ просьбой удовлетворить желанія его вассаловъ. Министры Карла V употребляли всѣ усилія, чтобы склонить депутатовъ на уступку требуемой субсидіи, но саламанкскіе депутаты и Ласо де ла Вега упорно отказывались, ссылаясь на недостатокъ полномочій, причемъ послѣд-

¹⁾ По вычисленію Torreánaz'a (*Los concejos del rey durante la Edad Media*, t. I. p. 206) 100,000 мараведи 1497 г. равняются 2,080 современныхъ песеть.

ній заявилъ, что онъ скорѣе согласился бы на то, чтобы ему отрубили голову, чѣмъ переступить предѣлы данныхъ ему полномочій¹⁾.

III. Вознагражденіе и привилегіи депутатовъ.

Первоначально путевыя издержки и расходы по содержанію депутатовъ покрывались общинами, избиравшими ихъ. Размѣры содержанія зависѣли отъ степени состоятельности общинъ, равно какъ и отъ тѣхъ законовъ, которыми управлялись онѣ. Первая извѣстная попытка регламентировать вопросъ о содержаніи депутатовъ относится къ 1250 г., когда Фердинандъ III пожаловалъ г. Сеговіи привилегію съ предписаніемъ платить каждому депутату по полъ-мараведи въ сутки, если собраніе кортесовъ назначалось въ мѣстностяхъ на сѣверъ отъ Толедо, и по одному мараведи, если кортесы созывались въ одинъ изъ пунктовъ между Толедо и арабской границею²⁾. Но, очевидно, общины не особенно аккуратно исполняли эту статью своего бюджета, такъ какъ уже въ 1351 г. въ Вальядолидскихъ кортесахъ депутаты обращаются къ королю съ просьбой распорядиться о томъ, чтобы сдѣланные ими расходы на путешествіе и пребываніе въ кортесахъ покрыты были избравшими ихъ общинами, и кромѣ того, дать имъ что-нибудь на дорогу³⁾. Осуществленіе права представительства въ кортесахъ тяготило нѣкоторыя общины, въ виду связанныхъ съ нимъ расходовъ. Въ 1367 году г. Толедо просилъ короля черезъ своихъ представителей расширить владѣнія его, ссылаясь на бѣдность населенія и на трудность содержать депутатовъ въ кортесахъ, равно какъ и выполнять другія королевскія повинности⁴⁾. Въ 1371 г. депутаты указывали королю на неудобство продолжительнаго пребыванія ихъ при дворѣ въ виду связанныхъ съ этимъ расходовъ⁵⁾. Послѣдствіемъ дороговизны содержанія депутатовъ и обѣдненія многихъ общинъ было то, что въ XV в. многія изъ нихъ вовсе перестали посылать своихъ представителей въ кортесы, а представители другихъ, не удовлетворяясь получаемымъ содержаніемъ, стали обра-

¹⁾ Marina, Teoria de las Cortes, t. I, pp. 231—233.

²⁾ Colmenares, Hist. de Seg., p. 206.

³⁾ C. de L. y C., t. II, p. 140. § 22.

⁴⁾ Ib., p. 159, § 10.

⁵⁾ Ib., p. 211, § 21.

щаться въ содѣйствию королевской власти для удовлетворенія своихъ нуждъ. Такъ, депутаты Мадридскихъ кортесовъ 1435 г. уже получали свое содержаніе отъ королевскихъ казначеевъ изъ тѣхъ суммъ, которыя они же вотивовали по требованію короля¹⁾. Во второй половинѣ XV в. уплата содержанія депутатамъ изъ средствъ королевскаго казначейства была уже обычнымъ явленіемъ²⁾. Положеніе депутатовъ сдѣлалось столько же выгоднымъ, сколько зависимымъ, но на это не обращала вниманія кастильская демократія XV в., и многія общины, воздерживавшіяся отъ посылки депутатовъ въ кортесы для избѣжанія непосильныхъ расходовъ и утратившія потомъ право голоса, вслѣдствіе продолжительнаго непользованія имъ, теперь находили желательнымъ возстановленіе утраченнаго права, какъ это видно, напр., изъ петиціи астурийскихъ городовъ, представленной въ 1467 г. донъ Альфонсу³⁾. Званіе депутатовъ стало цѣниться по проистекавшимъ изъ него выгодамъ; лица, желавшія быть избранными, должны были покупать голоса въ свою пользу у избирателей, которыми обыкновенно были представители муниципальнаго управленія. Этотъ торгъ голосами велся настолько безцеремонно, что депутаты въ Толедскихъ кортесахъ 1436 г. нашли нужнымъ просить короля положить

¹⁾ Otrosi que v. s. mande que fagan juramento en forma deuyda los vuestros contadores mayores e sus lugares tenyentes que non libren maravedis algunos del dicho pedido e monedas en las personas que los recabdaren et touyeren en deposito salvo en quanto montare los derechos quelos oficiales ovieren de aver delo suso dicho et los maravedis que ganaren los arendadores quelos dichas monedas arendaren et los maravedis que v. s. mandare librar á nos los dichos procuradores por nos facer merced para nuestros montenymientos é ayuda de nuestras costas salvo en la dicha necesidad por la via e formas suso dichas. Ms. del Arch. de Sim.=Cortes de Castilla=Leg². I. Ano de 1435.

²⁾ Senores contadores mayores del Rey e de la Reyna nuestros senores: Andres de Ribera alcayde procurador dela muy noble cibdad de Burgos cabeça de Castilla y Giacinto Sunigo Velasques procurador dela noble villa de Valladolid e Pedro Nunnys de Godoy procurador dela noble cibdad de Cordoua y Luis Daliala procurador dela villa de Madrid nos encomendamos en vuestra merced y vos hacemos saber que en el ayuntamiento de los procuradores de Reyno que aqui estamos ayuntados en la corte de Rey e Reyna nuestros senores por mandado de sus Altezas .... nos fue dado y otorgado poder conplido para repartir los quatro cuentos de maravedis que los dichos sennores Reyes mandaron dar para su costa e mantenimiento delos dichos procuradores. Darbe сѣдуетъ перечисленіе долей, причитающихся на депутатовъ отъ каждаго изъ 17 городовъ изъ ассигнованной имъ суммы въ 4 милліона мараведи. Ms. del Arch. de Simancas=Cortes de Castilla=Leg². 1=Libranzas de los procuradores. Ano de 1480.

³⁾ Marina, Teoria de las Cortes, t. III, Apendices.

предѣлъ подобнымъ злоупотребленіямъ¹⁾. Но несмотря на благородные протесты, раздававшіеся по временамъ въ кортесахъ, представительство общинъ вырождалось, и званіе депутата становилось предметомъ выгодныхъ спекуляцій и коммерческихъ сдѣлокъ. Еще въ 1447 г. королю сдѣлано было донесеніе, что въ нѣкоторыхъ городахъ одни лица перепродаютъ другимъ приобрѣтенное ими право быть депутатомъ въ кортесахъ. Находя, что подобная торговля служитъ вреднымъ примѣромъ для другихъ, король постановилъ, что покупающій это право долженъ навсегда лишиться его, а продающій—занимаемой должности²⁾. Однако, постановленіе это осталось мертвой буквой. Торговля правомъ быть депутатомъ не прекращалась, и сохранился рядъ свѣдѣтельствъ, что въ началѣ XVI в. она получила огромное развитіе. Избиратели обыкновенно заключали формальныя условія съ избираемыми, обязывая послѣднихъ предоставить имъ опредѣленную часть тѣхъ выгодъ и доходовъ, которыми они будутъ пользоваться въ качествѣ депутатовъ, и эти обязательства были настолько стѣснительны для депутатовъ, что въ 1500³⁾, 1503⁴⁾ и 1506 гг.⁵⁾ изданъ былъ рядъ королевскихъ декретовъ, признававшихъ эти сдѣлки недействительными и предписывавшихъ выдавать депутатамъ полностью ихъ содержаніе, безъ вычета въ пользу лицъ, съ которыми заключены были контракты. Получая субсидіи отъ двора, депутаты въ то же время не хотѣли упускать изъ рукъ и того, что могли получить отъ избиравшихъ ихъ городовъ, въ качествѣ вознагражденія. Въ этомъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, представлены были ими петиціи въ кортесахъ 1515 и 1518 гг.⁶⁾ и въ этомъ смыслѣ Фердинандъ Католикъ въ 1515 г. адресовалъ г. Толедо указъ, предписывая уплатить двумъ его представителямъ за каждый день, проведенный въ кортесахъ и въ дорогѣ туда и обратно, суммы изъ городскихъ средствъ⁷⁾. Сознаніе вреда, происходящаго отъ

¹⁾ C. de L. y C., t. III, p. 270, § 13.

²⁾ Ib., t. III, p. 569, § 60.

³⁾ Tres cédulas originales dando por nulos los contratos que hayan hecho los procuradores con los ciudades y particulares para que los nombrasen, y mandado que las justicias no entiendan en los pleitos que se movieren sobre ellos. Ms. del Arch. de Sim. = Cortes de Castilla = Leg.^o 2. Año de 1500. Indice.

⁴⁾ Ms. del Archivo de Simancas = Patronato Real = Juramentos y Pleitos homénages = Leg.^o I. Año de 1503.

⁵⁾ Ms. de la Biblioteca Nacional de Madrid. = Collección del padre Burriel = Dd. 139, f. 41. Año de 1506.

⁶⁾ C. de L. y C., t. IV, pp 259 (§ 34), 280 (§ 76), 283 (§ 80).

⁷⁾ Текст указа у Marina, Teoría de las Cortes, t. I, pp. 211—212.

полученія депутатами субсидій и милостей со стороны двора, такъ же какъ и желаніе произвести въ представительствѣ общинъ реформы, сдѣлать положеніе представителей націи болѣе независимымъ, возбуждается только въ первой четверти XVI в. подъ вліяніемъ обидъ и оскорбленій національнаго самолюбія со стороны фламандскихъ министровъ Карла V, безцеремонно захватившихъ въ свои руки все управленіе страны. Въ кортесахъ, созванныхъ въ Корунь въ 1520 г., представлена была петиція о томъ, чтобы депутаты, пока продолжаютъ ихъ полномочія, не получали никакихъ милостей со стороны короля или его приближенныхъ, ни для себя лично, ни для своихъ родственниковъ. Та же петиція, съ нѣкоторыми добавленіями относительно размѣровъ содержанія депутатовъ, повторена была и въ знаменитой Тордесильской хунтѣ комунеровъ того же года¹⁾.

Вопреки закону „*Siete Partidas*“, гарантировавшему безопасность для всѣхъ лицъ, явившихся ко двору²⁾, пребываніе въ кортесахъ для депутатовъ не всегда являлось безопаснымъ, точно такъ же какъ и путешествіе туда и возвращеніе домой. Просьба о предоставленіи имъ безопасности въ теченіе всего этого времени повторяется въ рядѣ петицій кортесовъ, начиная съ 1302 г.³⁾ Въ 1313 г., когда предстояло избрать опекуна для Альфонса XI, въ Паленсійскихъ кортесахъ явились претенденты на это званіе съ вооруженной силой. При такихъ условіяхъ голосованіе депутатовъ общинъ не могло совершаться свободно, и по ихъ настоянію королева распорядилась объ удаленіи вооруженныхъ отрядовъ изъ города для предоставленія вотирующимъ безопасности и свободы отъ всякаго давленія⁴⁾. Въ 1328 г. Альфонсъ XI издаетъ законъ, обезпечивающій безопасность лицъ, явившихся въ кортесы⁵⁾. Однако, частое повтореніе петицій депутатовъ о предоставленіи имъ безопасности въ кортесахъ свидѣтельствуетъ о томъ, что гарантіи неприкосновенности не соблюдались. Въ Вальядолидскихъ кортесахъ 1351 г. представители общинъ жалуются на то, что въ теченіе сессіи кортесовъ многіе злоумышляютъ противъ нихъ, возбуждая процессы и стараясь лишить ихъ свободы. Въ виду этого они просили короля сдѣлать распоряженіе о

¹⁾ *Ib.*, t. I, p. 208—209.

²⁾ *Leyes II, IV, tit 16, Part. II.*

³⁾ *C. de L y C.*, t. I, pp 163 (§ 7), 171 (§ 6), 176 (§ 5), 180 (§ 2).

⁴⁾ *Cron. del rey D. Alf. XI.* pp. 175—176.

⁵⁾ *Marina, Teoria de las Cortes*, t. I, pp. 252—253.

томъ, чтобы дворцовые алькальды не принимали исковъ, представляемыхъ противъ нихъ, не заключали ихъ въ тюрьмы и вообще не стѣсняли ихъ свободы до тѣхъ поръ, пока каждый изъ нихъ не водворится на мѣстѣ жительства. На эту петицію король отвѣчалъ согласіемъ съ оговоркой, что исключенію изъ общаго правила подлежатъ лица, обвиняемая въ неисправномъ платежѣ королевскихъ повинностей или въ присвоеніи королевскихъ рентъ, въ преступленіяхъ, совершенныхъ во время пребыванія при дворѣ, или вообще обвиняемая въ уголовномъ порядкѣ¹⁾. Въ кортесахъ 1401 г. представлена была иная петиція о соблюденіи неприкосновенности личности и имущества депутата до тѣхъ поръ, пока онъ, вернувшись домой, не освободится отъ лежащихъ на немъ полномочій. На эту просьбу король отвѣчалъ согласіемъ, дѣлая исключеніе лишь для тѣхъ депутатовъ, которые являются неисправными должниками, и рекомендовалъ избирать въ депутаты тѣхъ лицъ, у которыхъ не было бы долговъ, за долги же избирателей депутаты признаны были неотвѣтственными²⁾. Но, несмотря на рядъ постановленій, охранявшихъ, хотя и съ извѣстными ограниченіями, неприкосновенность личности и собственности депутатовъ, послѣдніе въ Толед. кортесахъ 1462 г. указывали на то, что отсутствіе безопасности побуждаетъ депутатовъ иногда воздерживаться отъ появленія при дворѣ³⁾. Въ 1442 г. въ Вальядолидскихъ кортесахъ депутаты просили короля о томъ, чтобы въ случаѣ споровъ между ними, разборы несогласій принадлежали бы депутатамъ, но не королю, и не его судьямъ; но король не согласился на эту петицію, сохранивъ за собою право разрѣшать эти споры⁴⁾.

Приглашая депутатовъ въ кортесы посредствомъ призывныхъ грамотъ, король самъ долженъ былъ позаботиться о пріисканіи имъ подходящихъ помѣщеній въ мѣстѣ, назначенномъ для собранія. Такъ, созвавши кортесы въ 1260 г. въ г. Толедо, король обратился къ жителямъ его съ просьбой предоставить въ распоряженіе депутатовъ и другихъ членовъ кортесовъ возможно лучшія помѣщенія⁵⁾. Въ 1379 г. въ Бургосскихъ кортесахъ установлено было, по просьбѣ депутатовъ, что каждый разъ, когда должны быть созваны кортесы, король бу-

¹⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 62 (§ 26), 20 (§ 34).

²⁾ Ib., p. 541 (§ 8).

³⁾ C. de L. y C., t. III, p. 710 (§ 12).

⁴⁾ Ib., p. 408 (§ 12).

⁵⁾ Memorial Hist. Esp., t. I. pp. 154—155: Carta del Rey D. Alfonso.

детъ отводить для нихъ подходящія квартиры въ особомъ кварталѣ, распределеніе которыхъ между всѣми депутатами должно быть поручено тому изъ нихъ, кто раньше явится въ кортесы, все равно будетъ ли онъ изъ Кастиліи, Леона, Эстремадуры или Андалузіи¹⁾. Очевидно, эта петиція обуславливалась желаніемъ депутатовъ находиться вблизи другъ отъ друга для болѣе удобнаго веденія переговоровъ. Съ теченіемъ времени, когда общины утратили свой прежній демократическій характеръ, депутаты ихъ уже не довольствовались этими помѣщеніями вдали отъ королевскаго двора и старались быть ближе къ особѣ короля. Въ Вальядолидскихъ кортесахъ 1518 г. королю представлена была ими петиція о томъ, чтобы онъ пригласилъ ихъ во дворецъ въ качествѣ придворныхъ кавалеровъ, но просьба была отклонена на томъ основаніи, что еще не была установлена королевская резиденція въ Кастиліи.

---

¹⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 287—288 (§ 5).

²⁾ Ib., t. IV, p. 282 (§ 77).

ГЛАВА III.

СОЗВАНІЕ КОРТЕСОВЪ.

I. Пригласительныя письма. II. Время собранія. III. Мѣсто собранія.

I. Пригласительныя письма.

Созваніе кортесовъ было прерогативой королевской власти. Кортесы созывались посредствомъ призывныхъ королевскихъ грамотъ (*sag-tas convocatorias*), которыя адресовались отдѣльнымъ лицамъ и общинамъ и въ которыхъ указывалось на цѣль, мѣсто и время каждаго даннаго собранія. Вопросъ о необходимости созванія кортесовъ въ каждомъ данномъ случаѣ рѣшался королемъ въ зависимости или отъ установившагося обычая, или отъ его личнаго усмотрѣнія. Иногда король созывалъ кортесы по совѣту своихъ приближенныхъ или по просьбѣмъ отдѣльныхъ сословій¹⁾. Въ случаѣ же несовершеннолѣтія короля, право созывать кортесы принадлежало его опекунамъ и регентамъ государства²⁾. Иногда послѣднимъ вмѣнялось даже въ обязанность созывать кортесы періодически въ теченіе всего времени малолѣтства

¹⁾ Такъ въ 1307 г. Фердинандъ IV созвалъ кортесы по совѣту матери своей Маріи де Молина, дяди — инфанта Д. Хуана и нѣкоторыхъ членовъ знати. *Mem. de D. Fer. IV, t. I, pp. 93—95.* Въ 1271 г., когда Альфонсъ X сдѣлалъ извѣстныя постановленія, касавшіяся дворянства, члены послѣдняго просили его созвать кортесы и въ нихъ обнародовать сдѣланныя постановленія для приданія имъ большаго авторитета. *Chron. del Rey D. Alf. X., p. 21.*

²⁾ Такъ, въ 1298 г. кортесы созданы были по рѣшенію опекуновъ Фердинанда IV (*Mem. de D. Fer. IV, t. I, p. 63*). То же имѣло мѣсто и въ 1313 г., когда кортесы созданы были опекунами Альфонса XI (*Escalona, p. 166*), и во многихъ другихъ случаяхъ, въ періодъ несовершеннолѣтія королей Генриха III и Хуана II.

короля. Такъ, согласно постановленію Паленсійскихъ кортесовъ 1313 г., опекуны обязаны были созывать кортесы черезъ каждые два года; въ случаѣ несоблюденія этого постановленія имъ грозило лишеніе званія и правъ регентовъ, а кортесы должны были быть созваны прелатами и совѣтниками короля для избранія новыхъ опекуновъ¹⁾. Въ 1506 г., когда умеръ король Филиппъ I, королева Хуанна была больна, а отецъ ея Фердинандъ Католикъ былъ въ отсутствіи, члены королевскаго совѣта сочли нужнымъ созвать кортесы для предотвращенія возможныхъ смутъ и междоусобій и разослали призывныя грамоты, приглашая города отправить своихъ депутатовъ въ Бургось. Но лишь немногіе послѣдовали этому приглашенію, такъ какъ приглашительныя письма были разосланы безъ королевской подписи²⁾. Но это—единственные случаи, гдѣ встрѣчаемъ указанія на то, что кортесы могли быть созваны не королемъ и не регентами, и объясняются исключительными обстоятельствами эпохи. При созывѣ тѣхъ или другихъ лицъ и общинъ король руководствовался личнымъ усмотрѣніемъ, подчиняясь однако въ большей или меньшей степени сложившемуся обычаю на счетъ того, какія лица и какія общины должны непременно быть приглашены въ кортесы. Являться на зовъ короля было общей обязанностью всѣхъ, къ кому онъ обращался, но не всегда обязанность эта строго исполнялась, такъ какъ не существовало штрафовъ и наказаній для тѣхъ, кто не пожелалъ бы явиться на королевское приглашеніе³⁾. Такъ, въ 1302 году Фердинандъ IV созвалъ кортесы въ Медина дель Кампо; общины Галисіи, Леона и Эстремадуры, недовольныя дружбой короля съ непопулярнымъ инфантомъ Д. Хуаномъ и Д. Хуаномъ Нуньесъ, хотѣли выразить свой протестъ отказомъ явиться на королевское приглашеніе, а г. Медина дель Кампо недопущеніемъ короля съ его спутниками въ предѣлы своихъ стѣнъ. Только увѣщанія матери короля Маріи де Молина, пользовавшейся общей любовью, помѣшали непокорнымъ общинамъ привести въ исполненіе свою угрозу⁴⁾. Въ 1394 г. Генрихъ III. отправ-

¹⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 236—237, § 11.

²⁾ Colmeiro, Introduccіón, I, pp. 45 и слѣд.

³⁾ Наказанія, установленныя въ памятникѣ законодательнаго творчества Альфонса X „Espesculo“ (lib. III, tit. I. „Que pena deve aver el que llamare el Rey para corte e para conseio si non quisiere venir“), не примѣнялись на практикѣ, такъ какъ названный кодексъ никогда не пользовался значеніемъ дѣйствующаго законодательства.

⁴⁾ Mem. de D. Fern. IV, t. I, pp. 93—95

для въ г. Толедо второе пригласительное письмо, такъ какъ по первому зову оттуда не были посланы депутаты въ кортесы, созванные въ S. Estevan de Gormaz, ограничивается лишь заявленіемъ, что онъ этимъ крайне удивленъ¹⁾. Призывая дворянъ на кортесы въ 1389 г., Хуанъ I ограничивается заявленіемъ, что если къ указанному сроку они не явятся, то поставленные вопросы не могутъ быть рѣшены такъ хорошо, какъ это было бы при ихъ участіи²⁾. Обращаясь съ приглашеніемъ къ прелатамъ и грандамъ, король просилъ ихъ или лично явиться въ кортесы, или, если не могутъ, сообщить свои мнѣнія (votos) по вопросамъ предстоящаго совѣщанія³⁾. Въ пригласительномъ письмѣ, адресованномъ г. Толедо въ 1499 г. Фердинандъ и Изабелла заявляютъ, что если городъ не вышлетъ своихъ представителей къ назначенному сроку, или же, пославши ихъ, не дастъ имъ необходимыхъ полномочій, то дѣла будутъ рѣшены и безъ ихъ участія, а необходимыя субсидіи будутъ вотированы другими депутатами въ томъ количествѣ, въ которомъ они будутъ присутствовать въ кортесахъ⁴⁾. Въ такомъ же духѣ разосланы были по городамъ, обладавшимъ правомъ голоса, призывныя грамоты Карла V въ 1520 г.⁵⁾. Магнаты, приглашаемые въ кортесы, обыкновенно являлись въ сопровожденіи своей свиты, болѣе или менѣе многочисленной, что дѣлало засѣданія кортесовъ далеко не безопасными. Въ виду этого, въ своихъ призывныхъ письмахъ, какъ, напр., въ 1389 г., короли просятъ дворянъ не приводить съ собой большой свиты, на томъ основаніи, что для послѣднихъ это связано съ непроизводительными расходами, для населенія же является лишнимъ бременемъ и не служитъ къ пользѣ короля⁶⁾.

II. Время собраній.

Созваніе кортесовъ, какъ выше было сказано, зависѣло отъ усмотрѣнія короля и отъ обстоятельствъ, требовавшихъ участія представителей націи въ обсужденіи извѣстныхъ вопросовъ, разрѣшить

¹⁾ . . . dello qual só mucho maravillado.—Segunda convocatoria á Cortes para S. Estevan de Gormaz.=Marina, Teoria de las Cortes, t. I, p. 173.

²⁾ La Convocatoria de Ricos hombres. Приложение къ Cron. del Rey D. Juan I.

³⁾ C. de L. y C., t. IV, p. 168.

⁴⁾ Marina, Teoria de las Cortes, t. III, p. I, Apend., pp. 176—177.

⁵⁾ C. de L. y C., t. IV, p. 287.

⁶⁾ La Convocatoria de Ricos hombres. Прилож. къ Cron. del Rey D. Juan I.

которые самолично король не могъ. Опреѣленныхъ постановленій относительно того, когда и гдѣ должны были собираться кортесы, не существовало. Постановление Паленсійскихъ кортесовъ 1313 г. о томъ, что кортесы должны созываться черезъ каждые два года, между праздниками св. Михаила и Всѣхъ Святыхъ, относилось лишь къ періоду несовершеннолѣтія Альфонса XI и не было постояннымъ закономъ¹⁾. Въ виду отсутствія опредѣленныхъ постановленій о времени созванія кортесовъ, въ однѣ эпохи они созывались чаще, въ другія—рѣже, въ зависимости отъ большей или меньшей слабости королевской власти, отъ большей или меньшей необходимости обращаться за помощью къ представителямъ націи для разрѣшенія текущихъ вопросовъ государственной жизни. Неизвѣстно, насколько часто созывались кортесы до половины XIII в., такъ какъ отъ этого времени сохранились скудныя свѣдѣнія для исторіи кортесовъ, но въ періодъ отъ царствованія Альфонса X до возстанія комунеровъ въ 1520 г., кортесы созывались болѣе или менѣе часто, хотя случаи созванія распределяются крайне неравномѣрно между отдѣльными годами: такъ, въ одни года кортесы созываются по нѣсколько разъ, по различнымъ поводамъ; въ другіе—вовсе не созываются. Самыми большими промежутками времени, въ теченіе которыхъ не созывались кортесы, были 9 лѣтъ въ царствованіи Альфонса XI (1329—1338), 7 лѣтъ въ царствованіи Петра Жестокаго (1355—1362) и 18 лѣтъ въ царствованіи „католическихъ королей“ (1480—1498); характерно, что эти промежутки выпадаютъ на царствованіе королей съ сильнымъ характеромъ, стремившихся къ созданію въ странѣ абсолютной монархіи. Въ остальныхъ случаяхъ кортесы созывались или черезъ годъ, или черезъ два, или черезъ три. Случаи четырехъ и большаго количества лѣтъ безъ созванія кортесовъ встрѣчаются сравнительно рѣже. Насколько можно судить по сохранившимся даннымъ, случаи созванія кортесовъ распределяются по отдѣльнымъ царствованіямъ слѣдующимъ образомъ. Въ 32-лѣтнее царствованіе Альфонса X (1252—1284) кортесы созывались около 16 разъ; въ 11-лѣтнее царствованіе Санчо IV (1284—1295)—пять разъ; въ 17-лѣтнее царствованіе Фердинанда IV (1295—1312)—16 разъ; въ 38-лѣтнее царствованіе Альфонса XI (1312—1350)—19 разъ; въ 19-лѣтнее царств. Петра I (1350—1369)—всего лишь разъ; въ 10-лѣтнее царств. Генриха II (1369—1379)—

¹⁾ C. de L. y C., t. I, p. 236, § 11, p. 234, § 1.

8 разъ; въ 11-лѣтнее царств. Хуана I (1379—1390)—10 разъ; въ 16-лѣтн. царств. Генриха III (1390—1406)—11 разъ; въ 48-лѣтнее царств. Хуана II (1406—1454)—38 разъ; въ 20-лѣтнее царствованіе Генриха IV (1454—1474)—14 разъ; въ 30-лѣтнее царств. Изабеллы I (1474—1504)—всего лишь 10 разъ; и 10 разъ въ періодъ отъ 1504 до возстанія комунеровъ въ 1520 г.¹⁾ Весьма возможно, что число случаевъ созванія кортесовъ въ отдѣльныя царствованія было нѣсколько больше упомянутыхъ, но не о всѣхъ сохранились свѣдѣнія. Можно также думать, что въ нѣкоторыя царствованія обстоятельства дѣлали необходимымъ созывать кортесы почти ежегодно, какъ это имѣло мѣсто въ царствованіе Фердинанда IV. Есть, кромѣ того, данныя, дающія нѣкоторое основаніе предполагать, что въ концѣ XIV в. кортесы созывались съ извѣстной періодичностью. Такъ, въ Паленсійскихъ кортесахъ 1388 г. депутаты разрѣшили королю субсидіи на два года съ условіемъ, чтобы по истеченіи этого срока кортесы созывались и впредь, согласно обычаю²⁾. Въ 1394 г. чины разрѣшили королю субсидію на два года, мотивируя это рѣшеніе тѣмъ, что являться ежегодно для этой цѣли на кортесы для нихъ обременительно въ виду связанныхъ съ этимъ расходовъ³⁾. Изъ этого можно заключить, что въ нѣкоторыя эпохи существовала тенденція къ установленію извѣстной періодичности въ срокахъ созванія кортесовъ, но чины не сумѣли воспользоваться этой тенденціей для обращенія ея въ положительный законъ. Напротивъ, сословія даже тяготились обязанностью ежегодно являться въ кортесы и не сознавали всей важности установленія извѣстной правильности въ срокахъ созванія кортесовъ и законодательной регламентаціи этого серьезнаго вопроса

---

¹⁾ Извѣстія о перечисленныхъ собраніяхъ кортесовъ частью находятся въ актахъ ихъ, опубликованныхъ Мадр. Академіей Исторіи, частью въ *Catalago de Cortes*, изд. тою же Академіей и заключающемъ указанія и на тѣ кортесы, акты которыхъ не сохранились, но упоминанія о которыхъ встрѣчаются въ другихъ источникахъ.

²⁾ Et esto vos otorguen por dos annos ... so protestacion que dende adelante llamedes á vuestras Cortes ... segund costumbre de vuestros rregnos. C. de L. y C., t. II, pp. 410—411.

³⁾ ... e porque se segnian grandes costas y danos alos dichos perlados y senores y caualleros e alas dichas ciudades e villas delos dichos mis rregnos en venyr e enbiar amy sus procuradores de cada ano sobre esta rrazon, e otorgaronme las dichas alcaualas e seys monedas por dos anos. Ms. del Arch. de Sim.=Estado de Castilla=Leg.^o I, f.º 142.

парламентской организаціи. Въ своемъ конституціонномъ развитіи до періода возстанія комунеровъ, кастильское общество не пошло дальше требованія созывать кортесы во всѣхъ важныхъ случаяхъ, освященныхъ практикой предшествующихъ вѣковъ. Это требованіе ясно было выражено депутатами кортесовъ 1419 г. въ Мадридѣ, просившими Хуана II не отступать отъ обычая его предковъ „созывать кортесы съ участіемъ въ нихъ трехъ чиновъ всякій разъ, когда намѣревались сдѣлать какія-нибудь общія и важныя нововведенія“¹⁾, и депутатами 1469 года, въ Оканьѣ, когда, протестуя по поводу заключенія королемъ союза съ Англіей противъ Франціи, безъ предварительнаго созванія кортесовъ для рѣшенія этого важнаго вопроса, они заявили: „согласно законамъ королевства, всякій разъ, когда король намѣренъ предпринять какое-нибудь дѣло великой важности, онъ не долженъ этого дѣлать безъ совѣта и вѣдома главнѣйшихъ общинъ королевства, чего не соблюдаетъ Ваше Величество“²⁾. Но требованія эти отличались слишкомъ общимъ и неопредѣленнымъ характеромъ; королю самому приходилось рѣшать вопросъ въ каждомъ данномъ случаѣ, настолько ли важны были предполагаемыя мѣропріятія или нововведенія, чтобы была необходимость созывать кортесы, и потому онъ произвольно могъ расширять кругъ своихъ дѣйствій и власти, иногда въ ущербъ интересамъ націи, представляемой въ кортесахъ.

Въ пригласительныхъ письмахъ указывался срокъ, къ которому должны были собраться въ назначенномъ мѣстѣ представители націи: между датой призывныхъ грамотъ и срокомъ собранія обыкновенно былъ промежутокъ времени отъ одного до двухъ мѣсяцевъ, промежутокъ вполне достаточный для того, чтобы приглашаемые лица изъ различныхъ частей королевства могли во время явиться въ назначенный пунктъ. Такъ, 29 августа 1385 г. кортесы созывались въ Вальядолидѣ на 1-е октября этого года; 10 ноября 1406 г. кортесы созывались въ Толедо на 30-е декабря; грамоты 1498 г. съ приглашеніемъ явиться на кортесы въ Толедо къ 14 апрѣля разосланы были 16 марта; 12 января 1520 г. Карлъ V разослалъ приглашенія

¹⁾ C. de L. у C., t. III, p. 21, § 19.

²⁾ Ib., pp. 89—810, § 29. Эти петиціи, рѣшенія королемъ въ положительномъ смыслѣ, приобрѣли значеніе закона и вошли въ составъ „Nueva Recopilacion“ — кодификаціоннаго труда времени Филиппа II (lib. IV, tit. VII, ley II).

явиться на кортесы въ Сантіаго къ 20 марта и т. д.¹⁾ Что касается дней, въ которые могли происходить засѣданія, то въ этомъ отношеніи, кажется, не существовало опредѣленныхъ правилъ, и собранія кортесовъ одинаково могли имѣть мѣсто какъ въ будніе, такъ и въ праздничные дни. Такъ, одно изъ засѣданій Толедскихъ кортесовъ 1402 г. назначено было на праздникъ Крещенія, другое, въ 1406 г., на праздникъ Рождества Христова²⁾.

III. Мѣсто собраній.

Кромѣ срока, въ призывныхъ грамотахъ указывалось и мѣсто, гдѣ должны были собраться кортесы. Указанія эти обыкновенно были опредѣленными. Но если самъ король заранѣе не могъ рѣшить, гдѣ въ назначенный срокъ онъ будетъ находиться, то въ призывныхъ грамотахъ требовалось, чтобы чины явились въ то мѣсто, гдѣ будетъ находиться король въ указанное время. Такъ, въ 1268 г., призывая бургосскихъ депутатовъ на кортесы, Альфонсъ X требовалъ отъ нихъ явиться въ то мѣсто, гдѣ онъ будетъ на рождественскихъ праздникахъ³⁾. Такою же неопредѣленностью въ указаніи мѣста собранія отличается пригласительное письмо Генриха III, адресованное въ 1394 г. къ г. Толедо⁴⁾, и пригласительная грамота Хуана II: въ 1431 г. онъ приглашалъ чины собраться на кортесы въ Медина дель Кампо или въ то мѣсто, гдѣ онъ будетъ находиться въ октябрѣ этого года⁵⁾. Въ этихъ случаяхъ, вѣроятно, необходимы были и вторыя пригласительныя письма съ точнымъ обозначеніемъ мѣстонахожденія короля, когда оно уже опредѣлялось въ данному времени⁶⁾. Иногда

¹⁾ Cron. del R. D. Alf. XI, pp. 175, 191; Cron. del Rey D. Enr. III, p. 212; Zuniga, An. de Sevilla, p. 415; Cascales, Disc. VIII, cap. 15 (прилож. къ Cron. del Rey D. Juan I, pp. 151—152); Marina, Teoria de las Cortes, t. III, parte I, p. 171 (Apendices); C. de L. y C., t. IV, p. 415; Davila, Hist. de Enr. III, p. 198.

²⁾ Cronica del Rey D. Enr. III, pp. 262—263; Davila, Hist. de Enr. III, p. 170.

³⁾ . . . e que fuesen do quier yo fuese por esta Navidad.—Peticiones dadas por los proc. de Burgos. 1268.—Ms. de la Bib. Santa Cruz en Valladolid, № 35, t. IV.

⁴⁾ Marina, Teoria de las Cortes, t. I, p. 173.

⁵⁾ Cron. del Rey D. Juan II, p. 500. То же имѣло мѣсто и въ другихъ случаяхъ, см. Marina, Teoria de las Cortes, t. III, parte II, pp. 65, 176 (Apend.); Davila, Hist. del rey D. Enr. III, p. 198.

⁶⁾ Такъ 26 іюня 1379 г. отправлено было второе пригласительное письмо городу Мурейи съ обозначеніемъ г. Бургоса, какъ мѣста собранія. Cascales, Disc. VIII, cap. I (прилож. къ Cron. del Rey D. Juan I, p. 146).

обстоятельность призывных грамот доходила до того, что король не только указывал мѣсто, гдѣ должны собраться кортесы, но и мотивировалъ, почему онъ избралъ тотъ, а не другой городъ для собранія чиновъ. 16 декабря 1389 г., напримѣръ, разосланы были приглашительныя письма съ предписаніемъ собраться въ половинѣ февраля слѣдующаго года на кортесы въ Гвадалахарѣ, на томъ основаніи, что городъ этотъ находится въ центральной части королевства и одинаково близокъ какъ для тѣхъ, кто живетъ на сѣверѣ отъ толедскихъ горъ, такъ и для тѣхъ, кто живетъ на югѣ отъ нихъ, и что, кромѣ того, тамъ не такъ холодно зимой, какъ въ другихъ частяхъ Кастиліи¹⁾. Кортесы непременно должны были собираться въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится король, даже въ случаѣ его несовершеннолѣтія, когда государствомъ управляли регенты²⁾; и такъ какъ до времени Филиппа II король не имѣлъ опредѣленной резиденціи и постоянно перемѣнялъ мѣстожительство, то и кортесы собирались въ различныхъ частяхъ полуострова, начиная отъ южной его части и кончая крайнимъ сѣверомъ. Они созывались въ Хересѣ, Севильѣ и Кордовѣ такъ же, какъ и въ Сантіаго и Коруньѣ. Но предпочтеніе обыкновенно отдавалось городамъ, расположеннымъ въ центральной части полуострова. Чаше всего собраніе кортесовъ назначалось въ Вальядолидѣ и Бургосѣ. Затѣмъ, относительно большее число случаевъ собранія кортесовъ выпадаетъ на города Толедо, Мадридъ, Сеговію, Медина дель Кампо, Паленсію и Самору. Кромѣ этихъ городовъ, акты кортесовъ упоминаютъ и о 23 другихъ городахъ, гдѣ созывались въ различныхъ случаяхъ кортесы. Иногда, засѣданія кортесовъ, начавшись въ одномъ городѣ, переносились въ другой, если по какимъ либо причинамъ король находилъ нужнымъ переѣхать изъ одного мѣста въ другое. Такъ, напр., въ 1308 г. засѣданія кортесовъ были перенесены изъ Вальядолида въ Бургосъ³⁾; въ 1406 г.—изъ Толедо съ Сеговію; въ 1440 г.—изъ Банильи въ Вальядолидъ; въ 1462 г.—изъ Мадрида въ Толедо; въ 1476 г.—изъ Мадригала въ Сеговію, въ 1498—1499 г.—изъ Ованьи въ Мадридъ⁴⁾; въ 1520 г.—изъ Сантіаго въ Корунью. Засѣданія кортесовъ происходили или въ королевскомъ дворцѣ, если та-

¹⁾ La convocatoria de Ricos hombres y caballeros. Прилож. къ Cron del Rey D. Juan I.

²⁾ C. de L. y C., t. I, p. 330, § 1.

³⁾ Mem. de D. Fern. IV, t. I, p. 206.

⁴⁾ Zúñiga, An. de Sev., p. 415; Garibay, p. 1397.

ковой имѣлся въ городѣ, куда призывались представители націи, или въ наиболѣе обширныхъ помѣщеніяхъ, какія можно было найти въ данномъ городѣ или селеніи, и которыми обыкновенно были церкви, монастыри и церковныя галлерей и дворы. Такъ, засѣданія Вальядолидскихъ кортесовъ 1307 г. происходили въ королевскомъ дворцѣ¹⁾, Паленсійскихъ кортесовъ 1313 г. происходили въ церкви св. Франциска, Бургосскихъ 1367 г. въ галлерей соборной церкви св. Маріи. Паленсійскихъ 1388 года—въ монастырѣ св. Павла, Мадридскихъ 1391 г.—въ зданіи, принадлежащемъ церкви Спасителя, Мадридскихъ 1393 г. и 1419 г.²⁾, Толедскихъ 1402 и 1406 г.³⁾ и Вальядолидскихъ 1506 года—въ залахъ королевскаго дворца⁴⁾; Сеговійскихъ 1407 г.—въ церкви св. Маріи⁵⁾; Севильскихъ 1499 г.—въ церкви Nuestra Senora de la Antigua⁶⁾; Бургосскихъ 1515 г.—въ домѣ коннетабля, гдѣ останавливался король; Сантіагскихъ 1520 г.—въ монастырѣ св. Франциска и т. д.

Такимъ образомъ для собраній кастильскихъ кортесовъ не существовало ни опредѣленныхъ сроковъ, ни опредѣленнаго мѣста засѣданія. Созвать или не созвать кортесы въ каждомъ данномъ случаѣ вполне зависѣло отъ усмотрѣнія короля.

¹⁾ Mem. de D. Fer. IV, t. I, p. 181.

²⁾ Cr. del Rey D. Juan II, p. 377.

³⁾ Ib., p. 259.

⁴⁾ C. de l. y C., t. IV, p. 223.

⁵⁾ Cr. del Rey D. Enr. III. p. 263.

⁶⁾ Zúñiga, p. 416.

ГЛАВА IV.

ПОРЯДОКЪ ЗАСѢДАНИЙ КОРТЕСОВЪ.

I. Открытіе и церемоніаль засѣданій. II. Совѣщанія чиновъ. III. Петиціи.
IV. Закрытіе засѣданій.

I. Открытіе и церемоніаль засѣданій.

Открытіе кортесовъ, руководство ходомъ засѣданій и закрытіе ихъ—были такою же прерогативой королевской власти, какъ и созваніе чиновъ, и составляли рядъ актовъ, общимъ обозначеніемъ для которыхъ служилъ терминъ „celebrar las cortes“¹⁾.

Кортесы открывались тронною рѣчью (proposición, rasonamiento), въ которой указывались мотивы, побудившіе короля въ данномъ случаѣ созвать кортесы, и которая обыкновенно заключала рядъ вопросовъ, предлагавшихся на обсужденіе или окончательное рѣшеніе чиновъ. Рѣчь произносилась лично королемъ, если случаи несовершеннолѣтія или болѣзни его не дѣлали необходимымъ чтенія королевскихъ „предложеній“ регентами или уполномоченными королемъ лицами. Такъ, въ 1295 г., по случаю несовершеннолѣтія Фердинанда IV, кортесы были открыты рѣчью королевы—регентши, просившей чины защитить правъ ея сына отъ различныхъ претендентовъ на престолъ²⁾. Въ 1391 г. въ кортесахъ, созванныхъ въ Мадридѣ, рѣчь къ

¹⁾ Иногда встрѣчаются другія равнозначашія выраженія: „tener“ или „hacer las cortes“. См. предисловія къ различнымъ актамъ кортесовъ и *Cron. del Rey D. Alf. XI*, p. 199.

²⁾ *Mem. de D. Fern IV*, t. I., pp. 9—11.

чинамъ отъ лица несовершеннолѣтняго Генриха III держалъ канцлеръ Хуанъ Мартинесъ¹⁾. Въ 1406 г. Генрихъ III, будучи боленъ, поручилъ открытіе и руководство дѣлами кортесовъ въ Толедо брату своему Фердинанду²⁾. Но начиная съ XV в., встрѣчаются случаи, когда короли или вовсе не произносятъ рѣчи въ кортесахъ, возлагая это на обязанность своихъ приближенныхъ, или же, что бывало еще чаще, ограничиваются лишь краткимъ объясненіемъ причинъ, побудившихъ ихъ созвать кортесы въ томъ или другомъ случаѣ, поручая болѣе подробное изложеніе требованій и вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію чиновъ, одному изъ своихъ приближенныхъ. Такъ, въ 1402 г. Генрихъ III открылъ засѣданія кортесовъ въ Толедо краткимъ заявленіемъ о томъ, что онъ созвалъ ихъ съ троякою цѣлью: для принесенія присяги въ вѣрности дочери его Маріи, какъ наслѣдницѣ престола, для организаціи ея двора и бюджета и для рѣшенія вопросовъ, относящихся къ войнѣ съ Португаліей; а болѣе обстоятельное изложеніе вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію чиновъ, поручилъ Толедскому архіепископу³⁾. Подобнымъ же образомъ, Хуанъ II, открывая сессію кортесовъ въ Авилѣ въ 1420 г., произнесъ лишь слѣдующія слова: „Прелаты, рыцари и депутаты, присутствующіе здѣсь, я призвалъ васъ сюда по причинамъ, которыя подробно изложитъ вамъ отъ моего имени Гвадалахарскій архидіаконъ, и повелѣваю ему сообщить вамъ въ моемъ присутствіи то, что онъ скажетъ“. Вслѣдъ за тѣмъ на кафедрѣ (púlpito) взошелъ архидіаконъ, извѣстный знатокъ законовъ, и произнесъ витіеватую рѣчь на латинскомъ языкѣ, стараясь доказать при помощи различныхъ авторитетовъ и ссылокъ на отцовъ церкви, на каноническое и гражданское право, что дворцовый переворотъ въ Тордесильясъ произведенъ былъ согласно королевскимъ интересамъ и долженъ быть признанъ чинами⁴⁾. Въ кортесахъ 1425 г. Хуанъ II поручилъ Фернандо Алонсо де Робресъ изложить передъ чинами существовавшія въ то время недоразумѣнія между Кастиліей и Арагономъ, чтобы узнать мнѣніе сословій относительно того, какого образа дѣйствій долженъ держаться онъ въ отношеніяхъ съ Арагонскимъ королемъ. Въ другомъ засѣданіи тѣхъ

¹⁾ C. de L. y C., t. II, p. 507.

²⁾ Cron. del Rey D. Enr. III, p. 259.

³⁾ Davila, Hist del Rey D. Henr. III, p. 170.

⁴⁾ Cron. del Rey D. Juan II, p. 387.

же кортесовъ отъ имени короля говорилъ епископъ Альваро де Осорно ¹⁾).

Устраненіе отъ непосредственнаго общенія съ представителями націи и порученіе другимъ лицамъ говорить съ ними отъ королевскаго имени, вызывавшееся сначала случайными причинами, постепенно становится намѣреннымъ и систематическимъ и, хотя не исключало необходимости личнаго присутствія короля въ національныхъ собраніяхъ, однако свидѣтельствовало, вмѣстѣ съ другими обстоятельствами, объ общемъ стремленіи королей XV в. окружить себя извѣстнымъ ореоломъ величія и недосягаемости и вмѣстѣ съ тѣмъ лишить кортесы того значенія, какимъ пользовались они раньше. Стремленіе это вполнѣ завершилось въ началѣ XVI в. созданіемъ новыхъ обычаевъ, освобождавшихъ почти совершенно королей отъ активнаго участія въ кортесахъ, такъ какъ провѣрка депутатскихъ полномочій, произнесеніе рѣчи отъ королевскаго имени, разсмотрѣніе петицій, словомъ не только дѣлопроизводство кортесовъ, но и руководство ими, принадлежать уже президентамъ кортесовъ и особой комиссіи, состоявшей изъ юрисконсультовъ, назначаемыхъ, какъ и президенты, королевскою властью. Такъ, въ кортесахъ 1506 г., созданныхъ въ Вальядолидѣ, предсѣдательствовалъ Д. Гарсія Ласо де ла Вега, великій командоръ Леона; въ Мадридскихъ кортесахъ 1510 г.—Д. Фернандо де ла Вега, великій командоръ Кастиліи; въ Бургосскихъ 1512 и 1515 г.г. президентами были Бургосскій епископъ Хуанъ де Фонсека и Д. Фернандо де ла Вега; въ Вальядолидскихъ 1518 г. и Сантіагскихъ 1520 г.—Бадахосскій епископъ. Въ каждомъ изъ перечисленныхъ случаевъ дѣлопроизводство засѣданій поручалось лисенсіатамъ, ассистентамъ и секретарямъ кортесовъ, составлявшимъ вмѣстѣ съ президентами особую группу лицъ, служившихъ посредниками между королемъ и представителями націи ²⁾).

Каждая сессія кортесовъ обыкновенно состояла изъ нѣсколькихъ засѣданій чиновъ (*asentamientos*), и кромѣ рѣчи, произносимой при открытіи кортесовъ, королевскія „предложенія“ могли имѣть мѣсто и въ другихъ засѣданіяхъ ³⁾. Такъ, въ 1390 г. въ сессію кор-

¹⁾ Cron. del Rey D. Juan II, pp. 429—430.

²⁾ C. de L. y C., t. IV, p. 223 и Ms. del Arch. de Sim.=Cortes de Cast.=Leg.^o. 2=ind., ano de 1510.

³⁾ . . . . el otro dia del segundo asentamiento que fecimos en las muestras cortes vos dejimos que nos habiamos otra vegada asentar en ellas para hablar con

тесовъ, созванныхъ въ Гвадалахарѣ. Хуанъ I произнесъ нѣсколько рѣчей въ различныхъ засѣданіяхъ и по различнымъ поводамъ¹⁾. Содержаніе тронной рѣчи или королевскихъ предложеній было такъ же разнообразно, какъ и мотивы созванія кортесовъ, какъ и тѣ вопросы, которые подлежали ихъ компетенціи. Особенною обстоятельностью отличались рѣчи, которыя произносилъ Хуанъ I. Памятниками парламентскаго краснорѣчія послѣдніаго служатъ рѣчи, произнесенныя имъ въ различныхъ засѣданіяхъ кортесовъ 1385, 1386, 1387 и 1390 г.г.: въ одной изъ нихъ онъ объяснялъ мотивы, побудившіе его дать новую организацію королевскому совѣту, въ другой защищалъ свои права на престолъ отъ притязаній герцога Ланкастерскаго и жены его Констансы, дочери Петра Жестокаго; въ третьей—указывалъ на необходимость военныхъ приготовленій для борьбы съ герцогомъ Ланкастерскимъ и просилъ чины разрѣшить необходимыя субсидіи; въ четвертой—опровергалъ циркулировавшіе въ народѣ слухи о томъ, будто онъ подозрѣваетъ нѣкоторыхъ изъ своихъ подданныхъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ герцогомъ Ланкастерскимъ и т. д.²⁾

Начиная съ послѣдней четверти XIV в., редакція тронной рѣчи и королевскихъ предложеній подвергается сильному вліянію легистовъ или членовъ Королевскаго Совѣта, съ которыми король совѣщается относительно вопросовъ, подлежащихъ вниманію кортесовъ. Такъ, передъ открытіемъ Гвадалахарскихъ кортесовъ 1390 г. Хуанъ I секретно совѣщался съ членами Совѣта по вопросу относительно раздѣла королевства между нимъ и сыномъ его Генрихомъ, какъ средствъ удержать за собой Португалію, не желавшую соединяться съ Кастиліей иначе, какъ на началахъ полнаго равенства. Но Совѣтъ нашелъ подобную комбинацію несомѣстной съ интересами государства и король отказался отъ дальнѣйшаго движенія сочиненнаго имъ проэкта³⁾. Обычай и этикетъ требовали, чтобы на тронную рѣчь или королевскія предложенія сословія давали свой отвѣтъ непосредственно

vusco algunas cosas. C. de L. y C., t. II, p. 329. Asentamiento—собственно техническій терминъ, указывающій на занятіе королемъ трона при началѣ каждаго засѣданія: Luego otro dia el Rey fizo asentamiento en las cortes. Cron. del Rey D. Juan I, p. 132.

¹⁾ Cron. del Rey D. Juan I, pp. 129, 130.

²⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 329, 336—350, 357; Cron. del Rey D. Juan I, pp. 132—133.

³⁾ Cron. del Rey D. Juan I, p. 125.

вслѣдъ за нею, въ тотъ же день; но въ зависимости отъ свойства королевскихъ предложеній, чины выражали свои мнѣнія или въ окончательной формѣ или же, если предложенія требовали зрѣлаго обсужденія, просили короля или лицъ, представлявшихъ его особу въ кортесахъ, дать имъ время для совѣщанія между собой и для составленія обстоятельнаго отвѣта на поставленные вопросы¹⁾.

Право первого голоса въ кортесахъ еще съ конца XII в. принадлежало графамъ изъ рода де Лара, говорившимъ отъ имени всего дворянскаго сословія. Гарибай, ученый XVI в., въ своемъ сводѣ древнихъ хроникъ, объясняетъ происхожденіе этого обычая слѣдующимъ образомъ. Въ 1177 г. король Альфонсъ VIII занятъ былъ осадой г. Куэнки, находившейся во власти мавровъ, и испытывалъ сильный недостатокъ въ денежныхъ средствахъ для уплаты жалованья войскамъ. Для удовлетворенія текущихъ нуждъ и желая имѣть наготовѣ средства и для будущихъ военныхъ расходовъ, король рѣшилъ, по совѣту Д. Діега Лопеса де Гаро, сеньора Бискайи, взимать налоги не только съ лицъ средняго сословія, но и съ гидальго. Для этой цѣли онъ созвалъ кортесы въ Бургосъ и предложилъ, чтобы каждый гидальго платилъ королю по 5 золотыхъ мараведи въ годъ. Предложеніе это встрѣтило энергическую оппозицію со стороны гидальго и они съ графомъ Д. Педро де Лара во главѣ, рѣшили силою оружія защищать свои права. Король принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, а гидальго, благодарные своему вождю, сеньору де Лара, мужественно защищавшему ихъ интересы, рѣшили давать ему и его потомкамъ по одному янтару въ годъ. Съ этихъ поръ, по словамъ Гарибая, за родомъ де Лара упрочилось право первого голоса въ кортесахъ²⁾. Въ этомъ разсказѣ два обстоятельства заставляютъ сомнѣваться въ его полной достовѣрности: выступленіе Д. Діега Лопеса де Гаро противъ интересовъ своего сословія и приписываемое сословію гидальго право распоряжаться янтаромъ, составлявшимъ одну изъ важнѣйшихъ королевскихъ рентъ и служившимъ признакомъ королевскаго суверенитета. Если нѣкоторые гидальго и пользовались иногда янтаромъ, то лишь въ видѣ временной узурпаціи. Однако, другихъ данныхъ для объясненія этого преимущества рода де Лара не со-

¹⁾ Такая просьба напр., была представлена въ Мадридскихъ кортесахъ 1393 г. *Cron. del Rey D. Enr. III*, p. 214.

²⁾ Garibay, *Comp. Hist.*, p. 706. Этотъ разсказъ повторяетъ поаже и Salazar de Mendoza. *Monarquía de España*, p. 145.

хранилось. Своимъ преимуществомъ представители этого рода пользовались каждый разъ, когда присутствовали въ кортесахъ. Но въ случаѣ ихъ отсутствія, за дворянство говорилъ одинъ изъ другихъ членовъ знати: въ 1407 г., напр., въ кортесахъ, созванныхъ въ Сеговіи, отъ имени дворянства отвѣчалъ на королевское предложеніе графъ де Трастамара ¹⁾, въ 1515 г. въ Бургосскихъ кортесахъ—герцогъ де Альба ²⁾ и т. д.

Слѣдующій голосъ въ кортесахъ принадлежалъ духовенству, отъ имени котораго говорилъ Толедскій архіепископъ, примасъ испанской церкви, или тотъ изъ епископовъ, который временно управлялъ Толедской каедрой, если она была вакантной. Въ Гвадалахарскихъ кортесахъ 1408 г. первымъ отвѣчалъ на королевское предложеніе сеньоръ де Лара, а вслѣдъ за нимъ Толедскій архіепископъ ³⁾. Но иногда случалось, что прелатъ, управлявшій Толедской каедрой, давалъ общій отвѣтъ за всѣ три сословія, а затѣмъ каждое изъ нихъ особо отвѣчало на тронную рѣчь черезъ своихъ представителей. Такъ, въ 1406 г., когда отъ имени Генриха III братъ его—Фернандо сообщилъ чинамъ о намѣреніи короля объявить войну гранадскимъ маврамъ и спрашивалъ ихъ мнѣнія на этотъ счетъ, Сигуэнскій епископъ, временно замѣщавшій Толедскую каедру, заявилъ, что сословія, прежде чѣмъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, должны имѣть совѣщанія между собой, и просилъ инфанта Фернандо высказать раньше свое мнѣніе, ибо ему, какъ сеньору де Лара, принадлежало право перваго голоса въ кортесахъ. Тогда инфантъ за себя и за сословіе гидальго подалъ голосъ въ пользу войны; вслѣдъ за тѣмъ подалъ голосъ Сигуэнскій епископъ, но уже только за Толедскую церковь и за всѣхъ прелатовъ, и наконецъ послѣ всѣхъ отвѣчали депутаты общины ⁴⁾. Послѣ смерти Генриха III, въ 1407 г., въ Сеговійскихъ кортесахъ, тотъ же Сигуэнскій епископъ отъ лица всѣхъ сословій просилъ королеву—мать и инфанта Д. Фернандо принять регентство и опеку надъ малолѣтнимъ Хуаномъ II, согласно завѣщанію покойнаго короля, которое передъ тѣмъ прочтено было канцлеромъ Хуаномъ Мартинесомъ, и принести присягу въ соблюденіи вольностей

¹⁾ Cron. del Rey D. Enr. III, p. 282

²⁾ C. de L. y C., t. IV, p. 249.

³⁾ Cron. del Rey D. Juan II, p. 304.

⁴⁾ Cron. del Rey D. Enr. III, pp. 239 -260.

страны¹⁾. Въ 1419 г., въ кортесахъ, созванныхъ въ Мадридѣ для врученія управленія государствомъ Хуану II по случаю наступившаго совершеннолѣтія его, рѣчь примаса испанской церкви не только предшествовала рѣчи представителей другихъ сословій, но даже какъ бы замѣняла собою тронную рѣчь. Въ то время, какъ король торжественно возсѣдалъ на тронѣ, а чины занимали свои обычные мѣста, Толедскій архіепископъ поднялся со своего кресла и отъ имени всѣхъ сословій заявилъ, что по случаю достиженія королемъ 14—лѣтняго возраста, признаваемого законами срокомъ совершеннолѣтія, чины вручаютъ ему бразды правленія, и указавъ въ пространной рѣчи на важнѣйшія событія въ государствѣ въ теченіе всего періода малолѣтства Хуана II, напомнилъ ему о главныхъ обязанностяхъ короля по отношенію къ подданнымъ—„быть милостивымъ и соблюдать правосудіе“. Вслѣдъ за архіепископомъ говорилъ отъ имени дворянства и общинъ адмиралъ Алонсо Энригесъ; онъ выразилъ удовольствіе страны по поводу наступленія совершеннолѣтія короля, заявилъ, что чины вручаютъ ему бразды правленія и просилъ слѣдовать совѣтамъ предшествоващаго оратора. По выслушаніи привѣтствій со стороны представителей сословій, Хуанъ II сухо и кратко отвѣчалъ; что онъ благодаритъ Бога за данную ему возможность самостоятельно царствовать и обѣщаль управлять страной угоднымъ Богу образомъ²⁾.

Послѣ двухъ высшихъ сословій на королевскія предложенія отвѣчало среднее. Среди представителей общинъ правомъ перваго голоса пользовались депутаты отъ Бургоса, какъ главнаго города старой Кастиліи. Депутаты другихъ городовъ обыкновенно поручали имъ отвѣчать отъ общаго ихъ имени на тронную рѣчь, и этимъ преимуществомъ г. Бургосъ спокойно пользовался до 1348 г., когда въ кортесахъ, созванныхъ въ Алькала де Энаресъ, впервые приняли участіе и депутаты отъ г. Толедо. Гордость послѣднихъ, помнившихъ, что Толедо древнѣе Бургоса и нѣкогда былъ столицей Вестготской монархіи, не позволяла имъ примириться со второстепенной ролью въ кортесахъ, и они вступили въ споръ изъ-за первенства съ бургосскими депутатами, не желавшими съ своей стороны отказываться отъ преимуществъ, освященныхъ временемъ и связанныхъ съ первенствующимъ значеніемъ ихъ города въ Кастиліи. Споръ принялъ ог-

¹⁾ Ib., pp. 264—270.

²⁾ Cron. del Rey D. Juan II, pp. 377—378.

ромные размѣры, такъ какъ въ немъ приняли участіе также и всѣ члены знати, присутствовавшіе въ названныхъ кортесахъ, причемъ одни, какъ Д. Хуанъ Нуньесъ де Лара, сеньоръ Бискайи, поддерживали права Бургоса, а другіе, какъ Д. Хуанъ, сынъ инфанта Д. Мануэля, стояли на сторонѣ Толедо. Альфонсъ XI счелъ нужнымъ лично вмѣшаться въ поднявшійся споръ и заявилъ: „Толедскіе депутаты сдѣлають то, что я прикажу имъ. Итакъ, я говорю за нихъ. Теперь пусть говоритъ Бургосъ“. Рѣшеніе короля удовлетворило всѣхъ и должный порядокъ былъ водворенъ. Такой же споръ изъ за права перваго голоса имѣлъ мѣсто въ Вальядолидскихъ кортесахъ 1351 г., гдѣ несогласія происходили не только между Толедо и Бургосомъ, но и другими городами, оспаривавшими другъ у друга честь старшинства. Споръ этотъ Петръ I разрѣшилъ такимъ же способомъ, какъ и отецъ его въ 1348 г.¹⁾ Однако рѣшенія какъ Альфонса XI, такъ и Петра I имѣли лишь временную силу и не привели къ установленію опредѣленныхъ правилъ относительно того порядка, въ которомъ должны были засѣдать и говорить въ кортесахъ депутаты отдѣльныхъ общинъ. Споры изъ за преимуществъ голоса и мѣста возобновлялись почти въ каждомъ собраніи кортесовъ. Въ 1391 г. въ засѣданіи Мадридскихъ кортесовъ депутаты просили короля сохранить въ неизмѣнномъ видѣ за каждымъ городомъ тѣ преимущества въ отношеніи представительства, какія установлены были практикой предшествующаго времени²⁾. Но сама практика отличалась слишкомъ неопредѣленнымъ характеромъ и, основываясь на ней, невозможно было установить извѣстнаго порядка, не нарушая дѣйствительныхъ или воображаемыхъ правъ каждого города. Споры изъ за первенства голоса между депутатами общинъ устранялись иногда путемъ подачи мнѣній ихъ въ письменной формѣ, какъ это имѣло мѣсто въ Мадридскихъ кортесахъ 1393 г. и въ другихъ случаяхъ;³⁾ но споры изъ за мѣстъ было еще труднѣе улаживать, и иногда они принимали крайне рѣзкую форму. Составленный нотаріальнымъ порядкомъ актъ о спорахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Толедскихъ кортесахъ 1402 г. между бургосскими и толедскими депутатами, и о королевскомъ рѣшеніи въ пользу первыхъ, даетъ живое представленіе о пар-

¹⁾ Cron. del Rey D. Pedro, p. 419.

²⁾ C. de L. y C., t. II, p. 511.

³⁾ Cron. del Rey D. Enr. III, p. 215.

ламентскихъ обычаяхъ Кастиліи въ началѣ XV в. Окруженный свѣдѣтелями и нотаріусами, Генрихъ III возсѣдалъ на тронѣ, принимая отъ чиновъ присягу въ вѣрности дочери его, инфантъ Маріи. Бургосскіе депутаты, алькальдъ Перо Гарсія и рехидоръ Мартинесъ де Игрисалена, заявили королю, что, согласно обычаю, они должны занимать мѣста по правую сторону отъ короля, имѣть первый голосъ и раньше другихъ присягать инфантъ; что слѣдующіа за ними мѣста, согласно обычаю, должны занимать по правую сторону леонскіе, а по лѣвую толедскіе депутаты, и что, вопреки обычаю, толедскіе депутаты, Хуанъ Рамиресъ де Гусманъ, Гарсія Фернандесъ де Кордова, Хуанъ Альфонсъ Корсеа и Альваръ Родригесъ, уже заняли мѣста, принадлежащія бургосскимъ депутатамъ. Въ виду этого послѣдніе просили короля сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы толедскіе депутаты уступили имъ занятые мѣста, угрожая въ противномъ случаѣ оставить залу засѣданія и не соглашаться ни на одно изъ королевскихъ предложеній, а наоборотъ всячески противиться имъ. Выслушавши заявленіе бургосскихъ депутатовъ, король поручилъ своему коннетаблю Д. Руи Лопесу де Довалось примирить спорящія стороны. Но на предложенную коннетаблемъ комбинацію, чтобы первое мѣсто занялъ одинъ изъ бургосскихъ депутатовъ, слѣдующее—одинъ изъ толедскихъ, затѣмъ снова бургосскій и т. д., Перо Гарсія отвѣчалъ, что онъ ни за что не согласится сидѣть отдѣльно отъ своихъ товарищей. Король попробовалъ убѣдить толедскихъ депутатовъ уступить занимаемая ими мѣста бургосскимъ, но тѣ возразили, что ни за что ни сдѣлаютъ этого на томъ основаніи, что Толедо—древнѣйшій городъ и бывшая столица имперіи. Тогда король велѣлъ призвать старѣйшихъ членовъ своего совѣта и спросилъ ихъ, какова была практика на этотъ счетъ въ прежнія времена. Тѣ отвѣчали, что первый голосъ и мѣсто въ кортесахъ всегда принадлежали Бургосу, какъ столицѣ Кастиліи. Показаніе членовъ совѣта, кромѣ того, клятвенно подтвердилъ и канцлеръ Хуанъ Мартинесъ. Убѣжденный въ правотѣ притязаній представителей г. Бургоса, король сошелъ съ трона и собственноручно заставилъ толедскихъ депутатовъ очистить занимаемая ими мѣста. Тотъ же споръ повторился и во время принесенія присяги, причемъ побѣда снова оказалась на сторонѣ Бургоса, представители котораго, по окончаніи церемоніи, потребовали у нотаріусовъ составленія акта о всемъ происшедшемъ, въ надеждѣ этимъ

путемъ закрѣпить свои примущества ¹⁾. Особенно бурнымъ характеромъ отличались споры эти въ 1406 г., когда ходомъ засѣданій кортесовъ, созванныхъ въ Толедо, руководилъ инфантъ Д. Фернандо, по случаю болѣзни брата его—короля Генриха III. Оспаривали другъ у друга первенство голоса депутаты Бургоса и Толедо, Леона и Севильи и др. городовъ. Каждый изъ депутатовъ не хотѣлъ уронить чести родного города и говорили всѣ одновременно, заглушая другъ друга. Не зная, какъ поступить въ данномъ случаѣ, чтобы водворить порядковъ засѣданія безъ ущерба для правъ каждой изъ спорящихъ сторонъ, инфантъ обратился къ канцлеру за справкой на счетъ сложившейся практики въ предшествующихъ собраніяхъ кортесовъ царствованія Хуана I и Генриха III. Отвѣтъ канцлера былъ подтвержденъ присутствовавшими членами Королевскаго Совѣта, но вызвалъ протестъ со стороны недовольныхъ имъ депутатовъ. Тогда инфантъ заявилъ, что не считаетъ себя въ правѣ рѣшать то, что оставили нерѣшеннымъ его отецъ и братъ, и предложилъ избрать комиссію изъ депутатовъ отъ 4 главныхъ городовъ для составленія письменнаго отвѣта, прочтеніе котораго поручено было севильскому депутату доктору Педро Сангесу отъ имени всѣхъ представителей средняго сословія ²⁾. Въ Сеговійскихъ кортесахъ 1407 г. споръ изъ за мѣстничества происходилъ между депутатами г.г. Леона и Толедо ³⁾. Въ Гвадалахарскихъ кортесахъ 1408 г. депутаты избѣгли пререканій между собой, поручивъ отвѣчать на рѣчь регентовъ Петру Суаресу—брату Картагенскаго епископа ⁴⁾. Въ кортесахъ 1419 г., созванныхъ въ Мадридѣ, также не было споровъ между депутатами, такъ какъ отвѣтную рѣчь за нихъ, какъ и за дворянское сословіе, держалъ адмиралъ Алонсо Энрикесъ ⁵⁾. Но въ 1425 г. споры эти возобновляются. При открытіи сессіи кортесовъ этого года въ Вальядолидѣ, по выслушаніи тронной рѣчи, одновременно встали со своихъ мѣстъ и начали говорить три депутата, отъ Бургоса, Толедо и Леона, оспаривая другъ у друга первенство, пока порядокъ не былъ водворенъ заявленіемъ короля: „я говорю за Толедо, а затѣмъ пусть

¹⁾ Актъ этотъ опубликовалъ Davila въ своей Hist. de la vida y hechos del Rey D. Henr. III.

²⁾ Cron. del Rey D. Enr. III, p. 260

³⁾ Ib., pp. 280—281; C. de L. y C., t. III, p. 2.

⁴⁾ Cron. del Rey D. Juan II, p. 304.

⁵⁾ Ib., pp. 377—378.

говорить Бургось" ¹⁾). Споры эти продолжались и въ послѣдующее время. Такъ, когда въ 1515 г. президенты кортесовъ, созванныхъ въ Бургось, извѣстили чины о присоединеніи Наварры къ Кастиліи и герцога Альба отъ имени дворянства призналъ законнымъ это пріобрѣтеніе, между бургосскими и толедскими депутатами начались обычные споры изъ за вопроса, кто первый долженъ отвѣчать на королевское предложеніе. Президенты прекратили споръ заявленіемъ, что Толедо долженъ сдѣлать то, что привлекаетъ Его Величество, и отъ королевскаго имени пригласили бургосскихъ депутатовъ говорить раньше толедскихъ ²⁾). Но по мѣрѣ упадка муниципальной независимости и политическаго значенія кортесовъ, соперничество между городами, честолюбіе и „мѣстничество“ ихъ представителей утрачивало свой жизненный смыслъ и обращалось въ одну изъ бессмысленныхъ принадлежностей церемоніала парламентскихъ засѣданій.

Не сохранилось свѣдѣній о церемоніалѣ засѣданій кортесовъ для періода, предшествующаго царствованію Хуана II. Что касается національныхъ собраній, имѣвшихъ мѣсто въ это царствование, то нѣкоторыя изъ нихъ, именно тѣ, въ которыхъ признавалось совершеннолѣтіе короля или приносилась присяга въ вѣрности наслѣднику или наслѣдницѣ престола, отличались большою торжественностью. Такъ, въ 1419 г., въ одной изъ залъ королевскаго дворца чины расположились въ установленномъ обычаемъ порядкѣ. Въ концѣ залы возвышался королевскій тронъ, покрытый парчей, на которомъ возсѣдалъ король, и чины приносили ему поздравленія съ наступленіемъ совершеннолѣтія, заявляя, что вручаютъ ему бразды правленія ³⁾). Въ 1425 г. собраніе имѣло мѣсто въ одной изъ залъ монастыря св. Павла въ Вальядолидѣ, гдѣ чины должны были признать наслѣдникомъ престола инфанта Генриха. Великолѣпно украшенный тронъ возвышался въ глубинѣ залы, а возлѣ трона помѣщалась колыбель инфанта, которую окружали знатныя дамы. Король вошелъ въ залу въ сопровожденіи инфанта Д. Хуана, коннетабля Альваро де Луна, прелатовъ и рыцарей. Впереди короля шли сенъоръ Оропеса и губернаторъ Кастиліи; первый несъ королевскую шпагу, второй—золотой скипертъ. Приблизившись къ колыбели но-

¹⁾ Ib., p. 430

²⁾ C. de L. y C., t IV, p. 249.

³⁾ Cron del Rey D Juan II, pp 377, 422.

ворожденнаго, Хуанъ II взялъ этотъ скипертъ, положилъ его въ руки инфанта, признавая этимъ его своимъ наслѣдникомъ, и затѣмъ сѣлъ на тронъ. Остальные члены королевской свиты также заняли указанныя имъ мѣста. Инфантъ Д. Хуанъ первый подошелъ къ колыбели, поцѣловалъ руку Генриха и принесъ ему присягу въ вѣрности. Его примѣру послѣдовали прочіе члены дворянства и духовенства. Но когда наступила очередь депутатовъ общинъ приносить присягу, между ними поднялись обычные споры изъ за вопроса, кто долженъ раньше присягать, а затѣмъ кто долженъ занять наиболѣе почетное мѣсто. Вопросъ этотъ, по словамъ хроникъ, на этотъ разъ не былъ рѣшенъ и каждый сѣлъ на то мѣсто, какое удалось раньше занять. По окончаніи церемоніи, поднялся со своего мѣста епископъ Альваро де Осорно, чтобы произнести рѣчь, приличную случаю, на тему „*puer natus est nobis*“, но инфантъ Д. Хуанъ, какъ сеньоръ де Лара, заявилъ, что ему принадлежитъ первый голосъ въ кортесахъ. Однако, король прекратилъ начавшійся споръ, замѣтивъ, что епископъ будетъ говорить не отъ имени своего сословія, а по королевскому порученію ¹⁾.

Каковъ былъ порядокъ размѣщенія сословій въ залѣ засѣданій—неизвѣстно, но ученый начала нынѣшняго столѣтія Марина предполагаетъ, что въ этомъ отношеніи въ Кастиліи установилась практика, аналогичная той, какая существовала въ Арагонѣ, т. е. по обѣ стороны трона размѣщались члены королевской фамиліи, у подножія трона—члены Королевскаго Совѣта и канцеляріи, по правую сторону залы—прелаты, по лѣвую—дворяне, а въ центрѣ—депутаты общинъ ²⁾. Однако, какъ извѣстно, многія засѣданія кортесовъ въ теченіе XV в. происходили съ участіемъ одного средняго сословія, а начиная съ первой половины XVI в., кортесы становятся исключительнымъ собраніемъ представителей городовъ. Въ виду этого планъ размѣщенія депутатовъ въ засѣданіяхъ кортесовъ, составленный анонимнымъ писателемъ XVII в., можетъ до нѣкоторой степени заполнить отсутствіе данныхъ для предшествующаго времени, и потому считаемъ не лишнимъ воспроизвести его здѣсь (см. стр. 71) ³⁾.

¹⁾ Cron. del Rey D. Juan II, pp. 429—430

²⁾ Marina, Teoria de las Córtes, t. 1, p. 261.

³⁾ Описаніе это издалъ Marina, *ib*, t. I, p. 268.

Президентъ

Хаэнъ, Кордова, Гранада, Бургосъ, Члены Совѣта, Леонъ, Севилья, Мурсія.

(столицы древнихъ королевствъ)

Толедо

(мѣсто, занимаемое депутатами г. Толедо
по приказанію короля).

Вальядолидъ, Сорія, Сажора, Торо, Мадридъ
(главные города провинцій)

Секретари кортесовъ.

Авила, Саламанка, Видавагера, Сеговия, Куэнка
(главные города провинцій)

II. Совѣщанія чиновъ.

Каждое сословіе образовывало особый голосъ въ кортесахъ и совѣщалось отдѣльно отъ другихъ для составленія отвѣтовъ на королевскія предложенія, для обсужденія и редакцій своихъ петицій, а представители общинъ, кромѣ того, и для вотировки субсидій. Совѣщанія сословій происходили въ помѣщеніи, отдѣльномъ отъ мѣста общаго собранія кортесовъ: такъ, въ 1307 г., въ сессію кортесовъ въ Вальядолидѣ, общія засѣданія сословій имѣли мѣсто въ королевскомъ дворцѣ, а совѣщанія представителей общинъ въ часовнѣ св. Магдалины¹⁾. Обыкновенно руководство совѣщаніями въ средѣ дворянства принадлежало сеньору де Лара, въ средѣ духовенства—Толедскому архіепископу, и въ средѣ средняго сословія—одному изъ лицъ, избранныхъ депутатами общинъ. Въ кортесахъ 1408 г., въ отвѣтъ на королевское „предложеніе“, сеньоръ де Лара заявилъ: „я буду имѣть совѣщаніе съ ними (съ членами своего сословія); мы разсмотримъ способы для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ, угодные Богу и согласные королевскимъ интересамъ, и когда придемъ къ

¹⁾ Mem. de D. Fern. IV, t. I, p. 181.

соглашенію, дадимъ вамъ свой отвѣтъ“. Вслѣдъ за сеньоромъ де Лара, приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ, отвѣчали по очереди Толедскій архіепископъ отъ лица духовенства и братъ Картагенскаго епископа Педро Суаресъ—отъ лица представителей общинъ ¹⁾). Чтобы не было сомнѣній при толкованіи королевскихъ предложеній, чины обыкновенно просили короля или регентовъ выдавать имъ копии этихъ предложеній. Такая просьба имѣла мѣсто, напр., въ кортесахъ 1393, 1406, 1420 и др. годовъ. Образцомъ того, какъ велись совѣщанія отдѣльными сословіями по вопросамъ, предложеннымъ королемъ на ихъ обсужденіе, могутъ служить переговоры, которые, согласно хроникѣ Генриха III, вели между собою представители общинъ въ сессію Толедскихъ кортесовъ 1406 г. Депутаты должны были отвѣтить на два главные вопроса королевскаго „предложенія“: надо ли предпринимать войну съ Гранадой, и если надо, то въ какомъ количествѣ должно быть собрано войско. Первый вопросъ единогласно рѣшенъ былъ въ утвердительномъ смыслѣ, по второму же обнаружилось разногласіе: одни считали вопросъ о количествѣ войска, необходимаго для веденія этой войны, стоящимъ внѣ ихъ компетенціи, и предлагали предоставить рѣшеніе его инфанту Фердинанду и дворянамъ, какъ болѣе компетентнымъ лицамъ, другіе, напротивъ, предпочитали самостоятельно рѣшить этотъ вопросъ. Послѣ продолжительныхъ споровъ согласились, наконецъ, предоставить королю и инфанту опредѣленіе количества необходимаго войска, артиллеріи и военныхъ припасовъ, обѣщая съ своей стороны оказать королю возможное содѣйствіе въ этомъ предпріятіи. Узнавши объ этомъ рѣшеніи, король поручилъ инфанту составить списокъ всего того, что нужно для войны и, когда списокъ былъ готовъ, представилъ его на разсмотрѣніе депутатовъ. Депутаты въ новомъ своемъ засѣданіи вычислили стоимость предполагаемаго вооруженія, достигавшую 100.200.000 мараведи и, находя эту цифру чрезмѣрной, просили короля употребить на военные приготовленія часть королевскихъ доходовъ, соглашаясь покрыть недостающую сумму изъ средствъ страны ²⁾). Въ каждое изъ подобныхъ частныхъ совѣщательныхъ собраній допускались члены лишь даннаго сословія. Когда фламандцы, находившіеся при дворѣ Карла V, дерзнули проникнуть въ залу совѣщаній

¹⁾ Cron. del Rey D. Juan II, p. 304.

²⁾ Cron. del Rey D. Enr. III, p. 262.

депутатовъ Вальядолидскихъ кортесовъ 1518 г., бургосскій депутатъ—докторъ Сумель потребовалъ удаленія ихъ, заявляя, что присутствіе иностранцевъ при совѣщаніяхъ представителей націи несовмѣстимо съ вольностями страны, и протестъ былъ настолько энергиченъ, что Хевресь со своими сторонниками принуждены были удалиться оттуда ¹⁾. Совѣщанія сословій продолжались иногда нѣсколько дней, какъ это можно заключить на основаніи примѣра, имѣвшаго мѣсто въ 1408 г.: между депутатами происходили сильные споры по вопросу о субсидіи, потребованной регентами въ размѣрѣ 60 милліоновъ мараведи для войны съ Гранадою; кромѣ несогласій по вопросу о размѣрѣ субсидіи, которую многіе находили чрезмѣрной въ виду недавно вотиrowанныхъ съ той же цѣлью 45 милліоновъ, былъ поднятъ и принципиальный вопросъ: должны ли совѣщанія оставаться въ секретѣ, или же въ ходѣ преній могутъ быть посвящены и регенты королевства; одни доказывали, что, согласно принесенной присягѣ, совѣщанія должны оставаться въ безусловной тайнѣ, другіе, напротивъ, совѣтовали посвятить въ нихъ и регентовъ, надѣясь этимъ путемъ прійти къ скорѣйшему рѣшенію; и такъ какъ споры уже продолжались въ теченіе 8 дней и ни одна сторона не хотѣла уступить другой, то регенты, недовольные замедленіемъ, предложили депутатамъ письменно изложить свои мнѣнія, не подписывая подъ ними своихъ именъ, и предоставить имъ право согласовать противоположныя мнѣнія. Но депутаты не согласились на это предложеніе и сами согласовали свои мнѣнія, отвѣтивши письменно, что находятъ требуемую сумму чрезмѣрной и просятъ регентовъ употребить на военные расходы средства изъ королевскихъ доходовъ ²⁾. Въ вышеприведенныхъ случаяхъ, какъ и во многихъ другихъ, является въ высшей степени неяснымъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ постановлялись рѣшенія отдѣльными сословіями, если среди членовъ каждаго или какого-нибудь изъ нихъ обнаруживались разногласія въ мнѣніяхъ. Въ 1420 г. депутаты Вальядолидскихъ кортесовъ заявили Хуану II, что по поводу нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ, касавшихся столь же королевскихъ интересовъ, сколько и благосостоянія страны, они должны имѣть совѣщанія между собою, чтобы согласовать желанія всѣхъ общинъ, приславшихъ ихъ въ кортесы, и выработать одно общее рѣ-

¹⁾ Colmeiro, De la Constitucion, t. I, p. 353.

²⁾ Cron. del Rey D. Juan II, p. 304.

шеніе, и просили короля дать имъ время, необходимое для этихъ совѣщаній ¹⁾). Въ 1425 г. Хуанъ II спрашивалъ мнѣнія сословій по поводу политики, которой онъ долженъ былъ держаться въ отношеніяхъ къ своему дядѣ—Арагонскому королю Фердинанду, съ которымъ у него происходили недоразумѣнія. Въ собраніи депутатовъ высказано было 3 различныхъ мнѣнія и послѣ дебатовъ принято было то изъ нихъ, въ силу котораго король долженъ былъ не начинать войны раньше, чѣмъ не дастъ повода къ ней самъ Фердинандъ ²⁾). Но какимъ образомъ приходили къ тому или другому рѣшенію въ томъ или другомъ случаѣ остается неизвѣстнымъ. Имѣли ли рѣшающее значеніе при разногласіяхъ абсолютное или относительное большинство голосовъ, или же вліятельное меньшинство могло въ нѣкоторыхъ случаяхъ подчинять своей волѣ большинство, имѣла ли каждая община одинъ только голосъ въ кортесахъ или же столько голосовъ, сколько депутатовъ высылала туда, а количество это постоянно варіировалось до половины XV в.—все это вопросы, которые можно только ставить, но не разрѣшать, въ виду отсутствія необходимыхъ для этого данныхъ въ источникахъ. Но ничто не даетъ основанія думать, чтобы отдѣльные члены кастильскихъ кортесовъ, въ случаѣ несогласія съ остальными, могли налагать свое veto на рѣшенія остальныхъ, какъ это имѣло мѣсто въ представительныхъ учрежденіяхъ нѣкоторыхъ другихъ странъ ³⁾).

Сословія пользовались большею или меньшею независимостью и свободой отъ королевскаго вмѣшательства въ своихъ частныхъ совѣщаніяхъ при вотированіи королевскихъ предложеній въ зависимости отъ чисто случайныхъ обстоятельствъ, какъ напр. отъ личныхъ

¹⁾ ..... nos conviene haber nuestro acuerdo é deliberacion por conformar en uno las intenciones de todas las cibdades é villas que nos acá enviaron. Ib., pp. 388—389.

²⁾ Cron. del Rey D. Juan II, p. 304.

³⁾ Вопреки утверженію Glasson'a, основывавшагося на примѣрахъ Англіи и Франціи: „Ce serait ignorer complètement l'esprit des assemblées parlementaires du moyen âge que de croire à l'existence de résolutions prises à la majorité des voix“ (Hist. du droit et de inst. politiques, t. III, p. 136), думаемъ, что въ кастильскихъ кортесахъ рѣшенія отдѣльныхъ сословій постановлялись большинствомъ голосовъ. То же имѣло мѣсто и въ представительныхъ собраніяхъ нѣкоторыхъ германскихъ княжествъ, согласно мнѣнію Unger'a въ его Geschichte; der deutschen Landstände (въ концѣ 4-й книги: Die Zusammensetzung der Landständischen Versammlungen).

свойствъ характера короля, который могъ съ большей или меньшей силой импонировать на волю чиновъ. Въ XIII в., напр., въ царствованіе Санчо IV парламентарная свобода чиновъ настолько мало цѣнилась, что въ 1288 г. могъ имѣть мѣсто слѣдующій случай, сообщаемый хроникой этого короля. Въ этомъ году созваны были кортесы въ Гаро, куда явились между прочимъ и непокорные вассалы Д. Лопе и Д. Діего Лопесъ. Король предложилъ чинамъ разрѣшить вопросъ о союзѣ между Кастиліей съ одной стороны, Арагономъ и Франціей—съ другой. Выходя изъ залы засѣданія, король сказалъ: „оставайтесь вы здѣсь и совѣщайтесь, а я вернусь послѣ и вы сообщите мнѣ то, что порѣшите“. Пройдя затѣмъ по селенію, онъ убѣдился, что свита его гораздо сильнѣе отрядовъ, приведенныхъ знатно на кортесы, вернулся въ залу засѣданія и, остановившись у дверей, спросилъ: „что же, вы уже порѣшили?“ Графъ Лопе отвѣчалъ: „Да, войдите, сеньоръ, мы сообщимъ вамъ свое рѣшеніе“. Но король возразилъ: „на этотъ разъ вы быстро приняли рѣшеніе, но я имѣю свое: вы оба (Д. Діего Лопесъ и Лопе) не выйдете отсюда, пока не возвратите мнѣ моихъ замковъ“. Тогда графъ Лопе вскочилъ со своего мѣста и съ крикомъ: „Какъ, мы арестованы? Предательство! Эй, люди!“ обнажилъ кинжалъ и бросился на короля, но послѣдній, защищаемый своими сторонниками, отсѣвъ шпагой руку графа, которая упала съ кинжаломъ къ ногамъ его, послѣ чего графъ былъ убитъ королевской свитой. Но, не довольствуясь этимъ, Санчо отрубилъ голову и другому непокорному вассалу Д. Діего Лопесу¹⁾. Впрочемъ, подобныя кровавыя сцены были исключительнымъ явленіемъ и возможны были лишь въ царствованіе такого короля, какъ Санчо, который въ бытность свою инфантомъ не задумался созвать чины для низложенія отца своего Альфонса X и провозглашенія себя королемъ. Но свобода совѣщаній, равно какъ и безопасность членовъ кортесовъ, часто нарушалась въ Кастиліи въ зависимости отъ общихъ смутъ, наполнявшихъ исторію этой страны; и сохранился рядъ свидѣтельствъ, указывающихъ, что отъ XIII до начала XVI в. безопасность лицъ, являвшихся въ кортесы, иногда подвергалась большому риску. Въ 1271 г. на приглашеніе Альфонса X явиться въ Бургось на кортесы, гранды отвѣчали, что въ виду отсутствія безопасности они не поѣдутъ на это приглашеніе до тѣхъ поръ;

¹⁾ Cron. del Rey D. Sancho IV, pp. 78—79.

пока не будет объявлено всеобщее перемирие, и если явятся, то не иначе, какъ въ сопровожденіи вооруженной свиты¹⁾. Въ 1312 г. въ кортесы, созванные въ с. Саагунѣ, инфантъ Д. Педро отправился въ сопровожденіи 500 всадниковъ и 3000 пѣхотинцевъ. Его примѣру слѣдовали и другіе гранды²⁾. Тотъ же инфантъ Д. Педро, собираясь въ 1313 г. въ кортесы, созванные въ Паленсіи, предварительно отправился въ Астурію, чтобы навербовать тамъ возможно больше людей въ свою свиту³⁾. Беспорядки въ кортесахъ были настолько обычнымъ явленіемъ, что хроника Альфонса XI, говоря о Мадридскихъ кортесахъ 1329 г., отличавшихся особенно многолюдностью, отмѣчаетъ царившій въ нихъ порядокъ, какъ замѣчательное явленіе⁴⁾. Въ 1391 г. на королевскій призывъ явиться въ кортесы, созванные въ Мадридѣ, Толедскій архіепископъ отвѣчалъ, что онъ готовъ повиноваться лишь при условіи обезпеченія ему со стороны короля полной безопасности и свободы выраженія мнѣній⁵⁾. Въ 1506 г. герцогъ Альба въ письмѣ къ великому канцлеру—Толедскому архіепископу проситъ его принять мѣры къ тому, чтобы чины, приглашенные къ участию въ кортесахъ въ Вальядолидѣ, пользовались тамъ полной безопасностью, ибо „всѣмъ извѣстно, что сеньоры, находящіеся при дворѣ, имѣютъ вооруженную свиту, и образъ дѣйствій ихъ таковъ, что скорѣе можетъ вызвать смуты при дворѣ, чѣмъ содѣйствовать умиротворенію страны“⁶⁾.

III. Петиціи.

Послѣ вотировки королевскаго предложенія, а иногда и раньше, сословія представляли на королевское разсмотрѣніе петиціи, въ которыхъ указывалось или на общегосударственныя нужды или на интересы отдѣльных сословій или общинъ. Согласно этому петиціи раздѣлялись на общія (peticiones generales) и частныя (especiales, parti-

¹⁾ Cron. del Rey D. Alf. X, p. 21.

²⁾ Cron. del Rey D. Alf. XI, p. 174.

³⁾ Ib., p. 175.

⁴⁾ Cron. del Rey D. Alf. XI pp. 222—223.

⁵⁾ Cron. del Rey D. Enr. III, Adic., p. 252.

⁶⁾ Ms. del Arch. de Sim. = Patr.^o R-l. = Pleitos y hom. = Leg.^o I. Requerimiento sobre las cortes. См. прилож.

culares)¹⁾. Петиції, касавшіся інтересовъ только даннаго сословія, обсуждались и редактировались въ частномъ собраніи его членовъ; тѣ же, которыя касались общихъ интересовъ, обсуждались въ общемъ собраніи всѣхъ чиновъ. Въ теченіе XIII и XIV вв. каждое сословіе пользовалось въ большей или меньшей степени своимъ правомъ петицій. Такъ, въ 1269, 1307, 1315, 1322, 1325, 1348, 1351, 1371, 1390 и др. годахъ духовенство составляло петиції о своихъ нуждахъ въ каждомъ изъ перечисленныхъ случаевъ созванія кортесовъ; также имѣются свѣдѣнія о петиціяхъ, представленныхъ дворянскимъ сословіемъ на королевское разсмотрѣніе въ кортесахъ 1256, 1295, 1307, 1315, 1348, 1351, 1367 и др. г.г.²⁾. Что касается петицій средняго сословія, то онѣ имѣли мѣсто почти въ каждомъ собраніи чиновъ. Но въ теченіе XV и послѣдующихъ вѣковъ, по мѣрѣ добровольнаго устраненія двухъ высшихъ сословій отъ дѣятельнаго участія въ представительныхъ собраніяхъ страны, петиції составляются исключительно депутатами общинъ. Рядомъ съ частносословными петиціями въ XIII и XIV вв. встрѣчаются и общесословныя; такъ, въ Паленсійскихъ кортесахъ 1388 г. петиція по вопросу объ урегулированіи цѣнности монетъ, одинаково затрогивавшія интересы всѣхъ сословій, составлены были совмѣстно всѣми чинами³⁾, а по вопросамъ, касавшимся исключительно интересовъ средняго сословія, лишь представителями послѣдняго. Но въ періодъ чрезмѣрнаго усиленія общинъ представители ихъ проявляли иногда стремленіе присвоить себѣ исключительное право составленія и редакцію даже такого рода петицій, которыя касались интересовъ не одного ихъ сословія. Такъ, въ 1295 г. депутаты кортесовъ въ Вальядолидѣ, заявляя королевѣ Маріи де Молина о составленіи ими извѣстныхъ петицій, просили ее устранить отъ разсмотрѣнія ихъ Толедскаго архієпископа и другихъ членовъ духовной и свѣтской аристократіи, „ибо, если они будутъ присутствовать, мы не придемъ ни къ какому рѣшенію“. Нуждаясь въ поддержкѣ общинъ, королева удовлетворила желаніе ихъ представителей, несмотря на протестъ высшихъ сословій⁴⁾. Случалось, что въ тече-

¹⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 150, 170, 611 (§ 52); t. II, p. 22 (§ 41); t. III, p. 89 (§ 23), p. 103 (§ 17) et passim.

²⁾ Ib., t. I, pp. 85—86, 133, 248, 293, 369, 593; t. II, p. 124, 132.

³⁾ . . . . . a pedimiento de los perlados e caualleros e procuradores delas cibdades e villas. C. de L. y C., t. II, p. 420. То же имѣло мѣсто въ 1351, 1367 и др. гг. (ib., t. II, pp. 1, 144—145).

⁴⁾ Mem. de D. Fern. IV, t. II, p. 40, t. I, p. 9.

ніе одной и той же сессіи кортесовъ различными чинами представлялись королю петиціи противоположнаго характера. Примиряющимъ элементомъ въ этихъ случаяхъ являлся или король, или легисты, члены Королевскаго Совѣта. Такъ, въ Вальядолидскихъ кортесахъ 1351 г., гidalго заявили королю, что по представленіи на его разсмотрѣніе общихъ петицій, прелаты, магистры орденовъ и представители общинъ собираются ежедневно для составленія новыхъ, причемъ каждое сословіе имѣетъ свои особыя совѣщанія, и такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ петицій направлены противъ интересовъ гidalго и стоятъ въ противорѣчій съ раньше представленными общими петиціями, то просятъ короля не давать своей резолюціи на новыя петиціи, не пригласивши предварительно гidalго и не посовѣтовавшись на этотъ счетъ съ ними. На эту просьбу дворянскаго сословія король отвѣчалъ согласіемъ¹⁾. Въ 1390 г. въ кортесахъ, созванныхъ въ Гвадалахарѣ, дворянство вступило въ соглашеніе съ представителями общинъ по вопросу о распредѣленіи церковныхъ бенефицій и оба сословія вмѣстѣ просили короля хлопотать передъ папой о томъ, чтобы бенефиціи въ Кастиліи не раздавались иностранцамъ и чтобы иностраннымъ священникамъ не оказывалось преимущество передъ туземными²⁾. Въ тѣхъ же кортесахъ духовенство представило королю спеціальныя петиціи объ обидахъ, испытываемыхъ имъ со стороны дворянства, особенно Басскаго, захватившаго въ свои руки церковныя десятины. Раньше чѣмъ дать отвѣтъ на эти петиціи, король пожелалъ услышать оправданія со стороны дворянства. Члены же послѣдняго, чтобы лучше обосновать свои права, обратились за совѣтомъ къ докторамъ права. Легисты стали на сторону гidalго и снабдили ихъ цѣлымъ арсеналомъ аргументаціи историческаго и каноническаго права, и когда дворяне призваны были къ отвѣту, они доказали королю, что церковныя десятины принадлежатъ имъ по праву еще съ эпохи завоеванія Испаніи маврами, что не духовенству, а другимъ сословіямъ слѣдуетъ жаловаться на захваты, такъ какъ прелаты присвоили себѣ свѣтскую юрисдикцію и права, несомвѣстимыя съ духовнымъ званіемъ. Доводы дворянства убѣдили короля и жалобы прелатовъ остались безъ удовлетворенія³⁾.

¹⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 140—141, § 23.

²⁾ Cron. del Rey D. Juan I, pp. 133—134.

³⁾ Ib., p. 138.

Петиціи представлялись королю въ формѣ письменнаго прошенія и разсматривались или лично королемъ, или королемъ вмѣстѣ съ его совѣтниками, или только членами Королевскаго Совѣта, причемъ въ послѣднемъ случаѣ рѣшенія Совѣта подлежали королевской санкціи. Между подачей сословіями петицій и отвѣтомъ на нихъ, естественно, долженъ былъ быть извѣстный промежутокъ времени; этотъ промежутокъ, незначительный въ теченіе XIII и XIV вв., постепенно увеличивался въ теченіе XV в., такъ какъ короли не спѣшили съ отвѣтомъ на парламентскія петиціи, проявляя въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, недостаточное вниманіе къ интересамъ представителей націи. Отвѣтъ на каждую петицію давался особо, въ письменной формѣ; онъ отмѣчался или на поляхъ листа петицій, или же въ концѣ каждой изъ нихъ¹⁾. Затѣмъ, назначалось засѣданіе кортесовъ, въ которомъ вниманію чиновъ предлагалось чтеніе петицій и отвѣтовъ на каждую изъ нихъ, а чтеніе поручалось канцлеру или другому изъ приближенныхъ королю лицъ²⁾. Въ способѣ обсужденія и составленія отвѣтовъ на петиціи, равно какъ и въ тонѣ этихъ отвѣтовъ отражались различныя эпохи въ исторіи кортесовъ. XIII в. и большая часть XIV были лучшею порой въ исторіи этого учрежденія. Петиціи обсуждались королемъ совмѣстно съ сословными представителями, составлявшими Королевскій Совѣтъ; требованія представителей націи отличались независимымъ характеромъ, а характеръ отвѣтовъ свидѣтельствовалъ объ уваженіи къ нимъ короля. Такой характеръ имѣли, напр., акты кортесовъ 1303, 1307, 1315, 1322 и др. гг. Трудно представить себѣ болѣе лестную для чиновъ форму королевскаго отвѣта, какъ та, въ которой отвѣчалъ на петицію ихъ въ 1367 г. въ кортесахъ, созванныхъ въ Брабизскѣ, самый конституціонный изъ всѣхъ королей, какихъ знала когда либо Кастилія, Хуанъ I. Обращаясь къ сословіямъ, онъ говорилъ: „Прежде всего благодаримъ васъ за многочисленныя услуги, добрыя совѣты и справедливыя петиціи, которыя вы представили намъ, и за обстоятельный отвѣтъ на наши предложенія, изложенный вами въ письменной формѣ.... Просимъ васъ помнить, что если нашъ отвѣтъ на предложенныя вами петиціи и не

¹⁾ .... nos rrespondimos disponiendo e ordenando al pié de cada una petición lo que la nuestra merced fue de estatuyr por ley. C. de L. y C., t. IV, p. 2 (1476). См. также Marina, Teoria de las Cortes, t. I, p. 294.

²⁾ Mem. de D. Fern. IV, t. I, p. 181 (1307 г.); C. de L. y C., t. II, p. 524 (1393 г.).

отличается такою же обстоятельностью, какъ вашъ, то это объясняется краткостью времени, которымъ мы располагали для отвѣта и слабостью нашего разумѣнія¹⁾, не позволяющаго намъ отвѣтить такъ же совершенно, какъ это сдѣлали вы, обладая такими хорошими головами. Однако, будьте увѣрены, что если рѣчь наша и не такъ хороша, какъ слѣдовало бы, то проникнута добрыми намѣреніями²⁾. Но съ конца XIV в. и главнымъ образомъ въ теченіе XV и послѣдующихъ вѣковъ въ обсужденіи отвѣтовъ на петиціи принимаютъ все большее участіе легисты. Войдя въ составъ Королевскаго Совѣта, они стараются согласовать отвѣты на сословныя петиціи съ предписаніями „Siete Partidas“, получившими значеніе общихъ законовъ королевства еще со времени кортесовъ 1348 г. въ Алькала де Энаресъ. Но вліяніе легистовъ на рѣшеніе петицій становится особенно значительнымъ съ послѣдней четверти XIV в., когда Королевскій Совѣтъ и Аудіенція получили свою окончательную организацію. Въ 1389 г. Хуанъ I предписываетъ докторамъ Гонсало Гомесу и Ф. Гарсія принимать всякаго рода петиціи, распредѣлять и направлять ихъ согласно содержанію для окончательнаго отвѣта или къ королевскому канцлеру, или въ Королевскій Совѣтъ, или въ Аудіенцію, или къ алькальдамъ³⁾ и т. д. Непосредственное участіе короля въ разсмотрѣніи петицій становится все рѣже и въ XV в. сводится лишь къ утвержденію резолюцій членовъ Совѣта.—„Я велѣлъ разсмотрѣть петиціи въ моемъ Совѣтѣ“, становится обычной формулой актовъ кортесовъ второй половины XV в.⁴⁾ Вмѣстѣ съ тѣмъ тонъ петицій становится столь же приниженнымъ, сколько повелительнымъ языкъ отвѣтовъ на нихъ. Въ началѣ XVI в. петиціи принимаются уже президентами и секретарями кортесовъ, и отъ этихъ же лицъ представители націи узнавали о королевскихъ резолюціяхъ, отличавшихся большимъ лабонизмомъ: вопреки практикѣ предшествующаго времени, короли даже не считали нужнымъ мотивировать принятіе тѣхъ рѣшеній, которыя не соотвѣтствовали выраженнымъ въ петиціяхъ желаніямъ націи⁵⁾.

¹⁾ . . . por la flaqueza de nuestro entendimiento.

²⁾ C. de L. y C., t. II, p. 379.

³⁾ Ms. de la Bib. Provincial de Murcia=Cortes y ordenamientos, t. V: ordenamiento de Segovia, ano de 1389, f. 106

⁴⁾ . . . las quales (peticiones) yo mandé ver en el mi consejo. C. de L. y C., t. III, pp. 642, 749, 415 (§ 19).

⁵⁾ C. de L. y C., t. IV, pp. 223, 234, 235.

Каждая петиція, получивши положительный отвѣтъ, приобрета́ла значеніе и силу закона¹⁾, и такъ какъ петиціи раздѣлялись на общія и частныя, касавшіяся или всей страны, или отдѣльныхъ сословій, или только отдѣльныхъ общинъ и лицъ, то и законы, являвшіеся послѣдствіемъ этихъ петицій, раздѣлялись на общіе и частные, или привилегіи²⁾. Акты кортесовъ заготавливались въ концѣ каждой сессіи и раздавались бесплатно представителямъ націи. Тѣ изъ актовъ, которые заключали въ себѣ петиціи съ королевскими отвѣтами на каждую изъ нихъ, извѣстны подъ именемъ „cuadernos“ (=свертковъ, тетрадей); чины заботились, чтобы „cuadernos“ заключали въ себѣ точную передачу представленныхъ ими петицій, и когда, напр., въ 1351 г. въ текстъ петицій о подтвержденіи привилегій, хартій, фуэросовъ и обычаевъ, по разсѣянности писцовъ, вѣралось слово „donaciones“, депутаты протестовали, прося короля распорядиться объ уничтоженіи этой вставки³⁾. Тѣ же постановленія, которыя издавались въ кортесахъ въ формѣ королевскаго указа по опредѣленному вопросу и согласно выраженному желанію націи, назывались „ordenamientos“ или „leyes“. Соблюденіе и исполненіе постановленій, изданныхъ въ кортесахъ по инициативѣ сословій или королевской власти, вмѣнялось въ обязанность всѣмъ вообще и представителямъ исполнительной власти въ частности⁴⁾. Для большей гарантіи депутаты требовали отъ короля или регентовъ клятвеннаго обѣщанія соблюдать постановленія, сдѣланныя на основаніи предложенныхъ королю петицій; и сохранился цѣлый рядъ свидѣтельствъ о томъ, что подобная присяга приносилась королями, начиная съ XIII до половины XV в.⁵⁾.

¹⁾ ..... respondemos á las peticiones generales que nos pedistes, sobre las cuales nos habemos fecho algunas leyes que entendemos que serán servicio de Dios e provecho de los nuestros regnos (1385 г.). C. de L. y C., t. II, p. 330.

²⁾ Прибѣрами частныхъ петицій, получившихъ съ положительнымъ отвѣтомъ на нихъ характеръ привилегій, служатъ представленные въ 1307 г. Д. Діего де Гаро, сеньоромъ Бискайн (Zúñiga, An. de Sev., n. I, 1308); въ 1308 г. епископомъ Мондоньедо (Mem. de D. Fern. IV, t. I, p. 205, n. 114); въ 1371 г. депутатами Севильи (C. de L. y C., t. II, p. 249); въ 1367 депутатами г. Толедо (C. de L. y C., t. II, p. 156).

³⁾ C. de L. y C., t. II, p. 49, § 1.

⁴⁾ Ib. t. I, p. 196 (§§ 35—36), p. 436 (§ 89); t. III, pp. 310—311, 391—392 et passim.

⁵⁾ 1315, 1317, 1322, 1325, 1393 г.г. (см. C. de L. y C.).

Но въ 1435 году, когда депутаты просили Хуана II принести обычную присягу въ соблюденіи постановленій кортесовъ, король отвѣчалъ, что онъ и безъ клятвы намѣренъ соблюдать ихъ и считаетъ лишнимъ принесеніе какой бы то ни было присяги ¹⁾. Порядокъ, въ которомъ происходили парламентскія занятія кортесовъ, варіировался въ различныхъ сессіяхъ. Отвѣтъ на петиціи сословій и вотировка королевскихъ предложеній—составляли наиболѣе существенную часть дѣятельности кортесовъ. Вотировка королевскихъ предложеній обыкновенно предшествовала королевскому отвѣту на петиціи, какъ это было, напр., въ 1305 г. и во многихъ другихъ случаяхъ ²⁾. Но иногда, въ видѣ исключенія, король давалъ отвѣтъ на петиціи раньше, чѣмъ сословія вотировали его предложенія, какъ это имѣло мѣсто въ 1307 г. Еще съ половины XV в. нерѣдко встрѣчаются жалобы депутатовъ на замедленіе королевскихъ отвѣтовъ на ихъ петиціи, и только въ 1525 г. закономъ было постановлено, что кортесы не должны быть распущены раньше отвѣта на представленные королю петиціи ³⁾.

IV. Закрытіе засѣданій.

Большая или меньшая продолжительность сессій кортесовъ зависѣла отъ количества вопросовъ, подлежащихъ обсужденію чиновъ и отъ большей или меньшей трудности разрѣшенія ихъ. Въ интересахъ сословій, конечно, было сдѣлать засѣданія менѣе продолжительными, такъ какъ въ этомъ случаѣ они освобождались отъ лишнихъ расходовъ, связанныхъ съ продолжительнымъ пребываніемъ ихъ въ кортесахъ. Чѣмъ чаще созывались кортесы, тѣмъ менѣе продолжительными были засѣданія ихъ. Въ теченіе второй половины XIII, XIV и первой половины XV в. въ періодъ наивысшаго развитія кортесовъ, короли проявляли большую предупредительность къ интересамъ представителей націи и, часто созывая кортесы, старались сдѣлать сессіи возможно менѣе продолжительными; послѣднія обыкновенно продолжались

¹⁾ Ib., t. III, p. 184, § 42.

²⁾ Mem. de D. Fern. IV, t. I, p. 146.

³⁾ Ib. p. 182; Marina, Teoria de las cortes, t. I, pp. 300 - 301.

отъ нѣсколькихъ недѣль до 2 мѣсяцевъ ¹⁾. Большая же продолжительность сессій являлась исключеніемъ и вызывалась особой важностью и трудностью вопросовъ, подлежащихъ обсужденію ²⁾. Но со второй половины XV и въ началѣ XVI в., по мѣрѣ усиленія королевской власти и освобожденія ея отъ конституціонныхъ ограниченій, засѣданія кортесовъ затягиваются безъ достаточныхъ основаній. По окончаніи парламентскихъ занятій кортесы распускались. Распущеніе чиновъ, какъ и созваніе ихъ, составляло прерогативу королевской власти, хотя неизвѣстно, насколько самовольное оставленіе отдѣльными членами засѣданій кортесовъ до закрытія ихъ встрѣчало противодѣйствіе съ ея стороны. Послѣ закрытія сессіи, раньше чѣмъ возвратиться домой, депутаты получали иногда аудіенцію у короля, во время которой имѣли еще лишній случай хлопотать передъ нимъ объ интересахъ своихъ общинъ. Такъ, королева Марія де Молина, закрывши засѣданія Вальядолидскихъ кортесовъ 1295 г., на другой день дала аудіенцію представителямъ общинъ, принимая ихъ отъ утра до 9 часовъ вечера ³⁾. Возвратившись домой, представители средняго сословія сообщали своимъ избирателямъ не только постановленія кортесовъ, но и различныя подробности относительно происходившихъ тамъ совѣщаній. Кортесы назывались „публичными“ ⁴⁾, засѣданія ихъ были гласными и вопросы, обсуждавшіеся въ нихъ, могли составлять и предметъ частныхъ бесѣдъ. Но въ началѣ XVI в. въ этомъ отношеніи устанавливается важное нововведеніе. Въ 1515 г., въ кортесахъ, созванныхъ въ Бургосѣ, депутаты, по представленіи своихъ полномочій, обязаны были принести присягу въ соблюденіи строгой тайны въ отношеніи всего того, что будетъ составлять предметъ совѣщаній въ кортесахъ, причемъ въ актахъ этого года подобная присяга признается обычной ⁵⁾. Это нововведеніе, объясняемое испанскими исто-

¹⁾ Такъ сессія кортесовъ 1256 г. продолжалась около 2 мѣсяцевъ. (Colmenares, p. 215), 1299 г.—отъ 3 апр. до 15-го; 1300 и 1305 г.г. около 2 мѣсяцевъ. Mem. de D. Fern. IV, t. I p. 64, 95, n. 9, pp. 138, 146.

²⁾ Такъ, Вальядолидскіе кортесы 1351 г. продолжались 4 мѣсяца (Boletin de la R. Ac. de la Hist. t. XXX, p. 462, 1896); Мадридскіе корт. 1391 г.—около 3 мѣсяцевъ (C. de L. y C., t. II, pp. 483—523).

³⁾ Mem. de D. Fern. IV, t. II, pp. 9—11.

⁴⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 494, 495, 524: „cortes publicas“.

⁵⁾ Ib., t. IV, p. 247.

риками, какъ результатъ нѣмецкаго вліянiя ¹⁾, стояло въ полномъ противорѣчiи съ истиннымъ характеромъ представительнаго собранiя націи: разъ уничтожался принципъ гласности совѣщаній, и отъ представителей націи требовалось соблюденіе тайны, между ними и націей прерывалась живая связь, и они ускользали изъ подъ контроля своихъ избирателей.

---

¹⁾ Marina. Teoria de las Cortes, t. I, p. 273, n. 2.

ЧАСТЬ II.

КОМПЕТЕНЦІЯ КОРТЕСОВЪ.

Изъ предшествующаго изложенія уже извѣстно, что кортесы созывались не періодически, а лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда одного авторитета королевской власти было недостаточно для разрѣшенія вопросовъ государственной жизни и являлась необходимость обращаться къ представителямъ націи за нравственной или матеріальной поддержкой. Кругъ вопросовъ, подлежавшихъ вѣдѣнію кортесовъ, и сфера политическаго вліянія ихъ отличались большою неопредѣленностью, расширяясь въ однихъ случаяхъ и суживаясь въ другихъ, вслѣдствіе недостаточности законодательной регламентаціи правъ и компетенціи изучаемаго учрежденія. Постановленіе Мадридскихъ кортесовъ 1419 г., вошедшее впослѣдствіи въ составъ „Nueva Recopilación“, обязывало королей созывать кортесы во всѣхъ особенно важныхъ случаяхъ государственной жизни, но не опредѣляло, каковы именно эти случаи ¹⁾.

Сопоставляя это постановленіе съ другими данными, мы можемъ съ приблизительною точностью возстановить тѣ случаи, когда созваніе кортесовъ разсматривалось, какъ безусловно необходимое. Въ Леон-

¹⁾ C. de L. y C., t. III, p. 21, § 19; Nueva Recop., lib. VI, tit. VII, ley II: Porque en los hechos arduos de nuestros Reinos, es necesario consejo de nuestros súbditos i naturales, especialmente de los procuradores de las nuestras ciudades, villas i lugares de los nuestros Reinos; por ende ordenamos, i mandamos que sobre los tales fechos grandes i arduos se hayan de ayuntar cortes, i se faga con consejo de los tres estados de nuestros Reinos, segun que lo hicieron los Reyes nuestros progenitores.

скихъ кортесахъ 1188 г. Альфонсъ IX принялъ на себя слѣдующее обязательство: „Кромѣ того, я пообѣщаль не объявлять войны, не заключать мира или договора, безъ согласія епископовъ, дворянъ и горожанъ, совѣтами которыхъ я долженъ руководствоваться въ дѣлахъ управленія“ ¹⁾. Въ XIII в., именно между 1256 и 1265 гг., редактированъ былъ кодексъ Альфонса X „Las Siete Partidas“, согласно законамъ котораго „чины, по полученіи извѣстія о смерти короля, должны были собираться для провозглашенія королемъ того, кто по праву и происхожденію долженъ былъ наследовать тронъ“ ²⁾. Наконецъ, въ теченіе XIV и XV вв. изданъ былъ рядъ постановленій, обязывавшихъ королей не взымать никакихъ налоговъ безъ предварительнаго созванія и согласія кортесовъ, и вошедшихъ потомъ въ составъ „Nueva Recopilacion“ въ такой формулировкѣ: „Que no se echen pechos, ni monedas, ni otros tributos en todo el Reyno, sin se llamar á Cortes, i ser otorgados por los procuradores“ ³⁾.

Однако число случаевъ, опредѣлявшихъ необходимость созванія кортесовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ кругъ вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію или разрѣшенію представителей націи придется значительно увеличить, если къ положительнымъ предписаніямъ закона присоединить сложившуюся на этотъ счетъ парламентарную практику и обычаи, поскольку они отражаются въ актахъ кортесовъ и другихъ памятникахъ Кастильской исторіи. Всѣ эти вопросы и случаи внимательства кортесовъ въ государственную жизнь королевства можно свести къ четыремъ главнымъ группамъ, которыя и будутъ разсмотрѣны въ четы-

¹⁾ Promissi etiam, quod non faciam guerram vel pacem vel placitum, nisi cum concilio episcoporum, nobilium et bonorum hominum, per quorum consilium debeo regi. C. de L. y C., t. I, p. 40, § 3. Вникая въ смыслъ приведеннаго текста и особенно словъ: per quorum consilium debeo regi, мы никоимъ образомъ не можемъ согласиться съ замѣчаніемъ Colmeiro: „Король обѣщаль испрашивать совѣта, но не обязывался слѣдовать ему, и власть его оставалась свободной отъ всякаго ограниченія при опредѣленіи и выборѣ жрѣ, относящихся къ отправленію правосудія и управленія подданными“. (Introduccion, parte I, p. 57). Такое заключеніе не соответствуетъ ни истинному смыслу обѣщанія Альфонса IX, ни фактамъ исторіи кортесовъ послѣдующаго времени.

²⁾ E por ende deuen venir luego que lo sopieren al logar do el su cuerpo fuere, los omes honrrados: assi como los perlados e los otros ricos omes, e los maestros de las ordenes e los otros omes buenos de las cibdades e de las villas grandes de su senorio.... para afirmar su lugar, tomando luego por su Rey a aquel que dene eredar el Reyno por derecho: e que viene de su linage. Part. 2, tit. XIII, ley XIX.

³⁾ Lib. VI, tit. VII, ley I.

рехъ соотвѣтственныхъ главахъ этой части изслѣдованія, подъ названіемъ: 1) Роль кортесовъ при разрѣшеніи вопросовъ престолонаслѣдія и регентства; 2) законодательство; 3) вотированіе налоговъ; 4) вліяніе на внутреннее управленіе и внѣшнюю политику.

ГЛАВА I.

РОЛЬ КОРТЕСОВЪ ПРИ РАЗРѢШЕНІИ ВОПРОСОВЪ ПРЕСТОЛОНАСЛѢДІЯ И РЕГЕНТСТВА.

I. Слѣды избирательнаго начала въ порядкѣ престолонаслѣдія до и послѣ изданія „Siete Partidas“. II. Частные случаи вѣтшателства кортесовъ въ вопросы престолонаслѣдія. III. Роль кортесовъ въ періоды несовершеннолѣтія королей.

I. Слѣды избирательнаго начала въ порядкѣ престолонаслѣдія до и послѣ изданія „Siete Partidas“.

Какъ извѣстно, въ Вестготскую эпоху короли избирались среди членовъ опредѣленнаго рода Толедскими соборами, представлявшими во многихъ отношеніяхъ дальнѣйшее развитіе германскихъ народныхъ собраний, описанныхъ Тацитомъ. Кодексъ Вестготскаго права—*Forum Judicium* или *Fuero Juzgo*, заключавшій въ себѣ принципы избирательной монархіи ¹⁾, съ большими или меньшими измѣненіями, дѣйствовалъ, какъ фуэро многихъ общинъ Кастильскаго королевства, до XIII в. включительно. Но по разрушеніи Вестготской монархіи маврами, когда всѣ усилія остатковъ древней націи, нашедшихъ убѣжище въ сѣверныхъ горахъ Испаніи, сосредоточены были на охранѣ своей независимости и восстановленіи подъ своей властью завоеванной арабами территоріи, избирательное начало королевской власти, дававшее мѣсто внутреннимъ смутамъ и отвлекавшее вниманіе націи отъ борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, не соотвѣтствовало новымъ условіямъ жизни и на практикѣ постепенно замѣнялось порядкомъ наслѣдственнаго преемства власти отъ отца къ сыну или къ ближайшимъ родственникамъ обоюго пола. Первая попытка дать законодательное основаніе и санкцію выработавшейся практикѣ относится къ царствованію Альфонса X. Въ составленномъ имъ кодексѣ „*Especulo*“ находимъ первое положительное указаніе на наслѣдственный характеръ

¹⁾ Tit. I, ley II. --De la election de los principes, et de lo que ganan.

Кастильской монархіи¹⁾. Но названный кодекс никогда не приобрѣталъ значенія дѣйствующаго права, а законы „Siete Partidas“, для которыхъ „Espesculo“ послужилъ образцомъ, получили обязательную силу лишь въ кортесахъ Алькала де Энаресъ 1348 г.

Такимъ образомъ до половины XIV в. порядокъ престолонаслѣдія основывался на обычаяхъ, и истолкователемъ этого обычая были представители націй всякій разъ, когда возникалъ вопросъ о назначеніи царствующему королю преемника или о признаніи послѣдняго королемъ по смерти предшественника. При отсутствіи положительнаго закона о порядкѣ престолонаслѣдія, каждый новый король, вступая на престолъ своихъ предковъ въ силу обычая, нуждался для большаго обезпеченія своихъ правъ въ признаніи ихъ со стороны представителей націй; съ другой стороны, для обезпеченія преемства власти за своимъ потомствомъ, короли считали необходимымъ обращаться къ кортесамъ за признаніемъ своихъ сыновей, дочерей или ближайшихъ родственниковъ, при отсутствіи первыхъ, — законными наслѣдниками престола. Существованіе подобной практики, несомнѣнно отражавшей на себѣ слѣды древняго избирательнаго начала, подтверждается слѣдующими примѣрами. Въ 1188 г. созваны были кортесы въ Карріанѣ для признанія условнаго права на наслѣдованіе кастильскаго престола за старшей дочерью Альфонса VIII, Беренгуалой, права, которое она должна была уступить своему брату въ случаѣ, если бы у Альфонса VIII родился сынъ. Послѣднее предположеніе осуществилось: у Альфонса VIII родился сынъ, Генрихъ, который, по смерти отца, былъ провозглашенъ королемъ Бургосскими кортесами 1215 г. По случаю малолѣтства Генриха, и смерти матери его Элеоноры, кортесы поручили опеку надъ нимъ и управленіе государствомъ сестрѣ его Беренгуалѣ, вышедшей замужъ за Леонскаго короля и имѣвшей отъ этого брака сына Фердинанда. Въ 1217 г. Генрихъ I умеръ, и созванные Беренгуалой кортесы въ Вальядолидѣ признали ее королевой, но она отказалась отъ короны въ пользу сына своего Фердинанда, и кортесы утвердили этотъ актъ отреченія²⁾. Альфонсъ X, вступивъ на престолъ, созвалъ кортесы въ Толедо, въ 1252 г. для принятія отъ чиновъ вассальной присяги въ вѣрности³⁾. Въ 1255 г.

¹⁾ El otro que si matara al heredero seria tanto como si matare al Rey, pues que Dios e su derecho lo escogieron para Rey. Lib. II. tit. IV. ley V.

²⁾ Colmenares, Hist. de Segovia, p. 179; Zúñiga, An. de Sevilla, p. 38.

³⁾ Marina, op. cit., t. II, pp. 8, 27.

въ томъ же городѣ созваны были кортесы для признанія наслѣдницей престола, при отсутствіи дѣтей мужского пола, дочери Альфонса X—Беренгаріи, вышедшей замужъ за французскаго короля Людовика Св. Въ предисловіи къ акту присяги, принесенной Беренгаріи кортесами, Альфонсъ X ссылается на установившійся въ Испаніи обычай нераздѣльно передавать королевство въ наслѣдство старшему сыну или, при отсутствіи сыновей, старшей изъ дочерей¹⁾. Когда у Альфонса X родился сынъ Санчо, кортесы, созданные въ 1276 г. въ Сеговіи, признали его наслѣдникомъ престола²⁾. Съ такими же мотивами признанія новаго короля въ его санѣ или же утвержденія инфантовъ въ правахъ наслѣдства созывались кортесы въ 1285, 1295, 1313 гг.³⁾, въ царствованія Санчо IV, Фердинанда IV и Альфонса XI. Послѣдній въ кортесахъ Алькала де Энаресъ 1348 г. издалъ ордоннансъ, вводившій въ дѣйствіе законы *Siete Partidas* (*Ordenamiento de Alcalá*), послѣ чего принципъ наслѣдственнаго преемства власти получилъ законодательную санкцію.

Однако, практика предшествующей эпохи удержалась и послѣ 1348 г. Признаніе новаго короля въ его санѣ („vos recibes por su rei é por su señor natural“—говорили чины кортесовъ 1391 г., обращаясь къ Генриху III послѣ занятія имъ отцовскаго престола)⁴⁾, такъ же, какъ и утвержденіе инфантовъ въ правахъ наслѣдства служили однимъ изъ наиболѣе постоянныхъ мотивовъ созванія кортесовъ во всѣ послѣдующія царствованія изучаемаго періода⁵⁾. Наслѣдственная королевская власть, получивъ санкцію закона, не пренебре-

¹⁾ *Regni successio indivisa et integra, considerata sexus qualitate, ad illum, qui primo nascitur, pertinet, juxta generalem totius Hispaniae consuetudinem approbatam.* Ms. de la Bib. Nat. de Paris. Esp. 338. См. прилож.

²⁾ Mem. de D. Ferd. IV, t. I, p. VI.

³⁾ Salazar y Castro, Hist. de la casa de Lara, t. III, p. 127; Mem. de D. Ferd. IV, t. I, pp. 2—6; Cron. del Rey D. Alf. XI, p. 198.

⁴⁾ C. de L. y C., t. II, p. 511.

⁵⁾ Такъ, кортесы 1402 г. признали наслѣдницей престола дочь Генриха III Марію; 1405 г.—наслѣдникомъ престола—сына его Хуана; 1406 г.—королемъ Хуана II; 1425—наслѣдникомъ престола сына его Генриха; 1454 г.—королемъ Генриха IV; 1480 г.—наслѣдниками престола сына „католическихъ королей“ Хуана; 1498 г., по смерти послѣдняго, наслѣдниками пр. дочь ихъ Изабеллу совместно съ мужемъ ея португ. королемъ Мануэлемъ; 1499 г.—сына послѣднихъ Мигуэла; 1502 г., нѣсколько времени спустя по смерти послѣдняго и матери его,—другую дочь катол. королей, Іоанну, совместно съ мужемъ ея Филиппомъ; 1505 г.—королями Іоанну и Филиппа; 1506 г.—наслѣдникомъ престола Карла—сына ихъ; 1518 —

гала старинными формами и обычаями, поскольку они могли содѣйствовать еще большему упроченію ея. Но королевская клятва соблюдать законы страны и права вассаловъ, являвшаяся естественнымъ отвѣтомъ на присягу въ вѣрности, приносимую чинами въ началѣ каждаго царствованія, утрачивала свое значеніе, какъ одной изъ гарантій народныхъ правъ, по мѣрѣ усиленія королевской власти, такъ какъ нарушеніе ею принятыхъ обязательствъ по отношенію къ націи не освобождало послѣднюю отъ долга повиновенія своимъ королямъ, наследующимъ власть отъ предковъ „милостью Божьей“, *por la gracia de Dios*, но не волей народа.

Для насъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что присяга чиновъ въ вѣрности королю предшествовала королевской присягѣ, и если бургосскій депутатъ Сумель въ Вальядолидскихъ кортесахъ 1518 г. настаивалъ на принесеніи Карломъ V клятвы соблюдать вольности и законы страны раньше принесенія ему присяги въ вѣрности чинами, ссылаясь на древніе обычаи Кастиліи, то этимъ онъ обнаружилъ лишь недостаточное знакомство съ отечественной исторіей. Парламентарная исторія Кастиліи не представляетъ примѣровъ, которые свидѣтельствовали бы о томъ, что въ кортесахъ королевская присяга предшествовала присягѣ чиновъ. Наоборотъ, все доказываетъ, что раньше присягали чины, а затѣмъ король. При наследственномъ преемствѣ власти иначе и быть не могло. Противоположный порядокъ присяги свидѣтельствовали бы о томъ, что нація ставила своему королю извѣстныя условія, нарушеніе которыхъ было бы связано для него съ потерей трона, другими словами доказывалъ бы сохраненіе въ Кастиліи начала избирательной монархіи, послѣ обращенія ея въ наследственную. Отказавшись удовлетворить требованіе Сумеля, Карлъ V имѣлъ на своей сторонѣ установившуюся традицію относительно порядка присяги ¹⁾.

королемъ Карла I (V) (Davila, Hist. del Rey D. Eur. III, pp. 165—166; Cron. del Rey D. Juan II, p. 429; Garibay, pp. 1154, 1155, 1397; Zúñiga, p. 415; Ms. del Arch. Gen. de Simancas=Patr. Real=Iur. y pl. homen.=Leg. 1°=Año de 1499=Poder de Guadalajara para jurar al principe D. Carlos por principe heredero de los Reynos de Castilla). О другихъ аналогическихъ случаяхъ упоминаемъ въ другихъ отдѣлахъ этой главы.

¹⁾ Марина держится противоположнаго мнѣнія по этому вопросу, доказывая, что короли всегда „antes de alzarlos por reyes y de prestarles el acostumbrado juramento de fidelidad y obediencia, debian jurar y juraron en tan respetable y

II. Частные случаи вмешательства кортесовъ въ вопросы престолонаслѣдія.

Чрезвычайные случаи вмешательства кортесовъ въ разрѣшеніе вопросовъ престолонаслѣдія имѣли мѣсто въ царствованіе Фердинанда IV, Педро I, Генриха II, Хуана I и Генриха IV, когда нормальный порядокъ преемства власти, въ силу исключительныхъ обстоятельствъ, нарушался или подвергался извѣстнымъ колебаніямъ. Въ этихъ случаяхъ кортесы являлись какъ бы высшей инстанціей, которой принадлежало право регулировать спорные вопросы въ томъ или другомъ смыслѣ и давать санкцію тѣмъ или другимъ притязаніямъ на престоль.

Въ царствованіе Фердинанда IV на престоль претендовали инфанты де ла Серда, сыновья старшаго сына Альфонса X—Фердинанда, умершаго при жизни отца и потому не наслѣдовавшаго трона. Свои притязанія на тронъ они основывали на правѣ старшинства, на предсмертномъ завѣщаніи Альфонса X, проклявшаго втораго своего сына Санчо и лишившаго его наслѣдства за возстаніе, и, наконецъ, на незаконности потомства Санчо IV, женившагося на родственницѣ

augusta asamblea desempeñar sus deberes, respetar las costumbres patrias“ и т. д. (Teoria de las Cortes, t. II, p. 47, см. также p. 37). Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ ссылается лишь на заявленіе Сумеля и на фактъ клятвеннаго подтвержденія Фердинандомъ IV въ 1295 г. фуэросовъ, раньше принесенія ему присяги въ вѣрности кортесами (ib., pp. 48, 51). Проблематическое заявленіе Сумеля, само по себѣ, является довольно страннымъ аргументомъ, а присяга Фердинанда IV принесена была не въ кортесахъ, а жителямъ г. Толедо, раньше другихъ провозгласившимъ его королемъ (Mem. de D. Fern. IV, t. I, pp. 2—3); кромѣ того это была присяга десятилѣтняго ребенка. По другимъ поводамъ Марина, незамѣтно для самого себя, цитируетъ такого рода факты, которые совершенно разрушаютъ его теорію. Въ Бургосскихъ кортесахъ 1379 г., говоритъ Марина, Хуанъ I „despues de haber sido solemnemente coronado y armado caballero prometió á las ciudades y pueblos guardarles sus derechos y libertades y las leyes del Reino (p. 50); въ Мадридскихъ кортесахъ 1391 г. „luego que los procuradores de las ciudades y pueblos recibieron por rei á Don Enrique tercero y le prestaron el acostumbrado homenaje.... los representantes de la nacion le pidieron inmeditamente: auerades luego en estas cortes otorgar é jurarnos... nuestros privilegios é cartas é franquezas etc. (p. 50). Къ этимъ фактамъ можно присоединить другіе, неизвѣстные Маринѣ, но также опровергающіе его мнѣніе о порядкѣ присяги: кортесы принесли присягу въ вѣрности королю Филиппу и королевѣ Іоаннѣ въ 1505 г., а лишь въ 1506 г. чины получили отвѣтную клятву соблюдать законы королевства (Ms. del Arch. gen. de Sim.=Patr. Real=Juram. y pl. homenages=Leg.º 1º=Año de 1506: Copia del juramento hecho por el rey D. Felipe y Reyna D-а Ioana para no enagenar el patrimonio real).

своей Маріи безъ особаго на то разрѣшенія папы¹⁾. При отсутствіи положительныхъ законовъ о престолонаслѣдіи въ разсматриваемую эпоху, притязанія инфантовъ де ла Серда, поддерживаемыя французскимъ, арагонскимъ и португальскимъ королями, могли имѣть тѣмъ большій успѣхъ, что власть находилась въ рукахъ малолѣтняго короля и слабой женщины—его матери. Однако, авторитетъ кортесовъ 1276 г., признавшихъ Санчо наслѣдникомъ престола, въ глазахъ націи имѣлъ большее значеніе, чѣмъ предсмертное распоряженіе Альфонса X, не получившее санкціи національнаго собранія. Кортесы 1295 г. признали малолѣтняго сына Санчо королемъ, а кортесы 1301 г., отпустивши ему значительную сумму (10.000 *marcos de plata*), съ помощью которой онъ въ состояніи былъ приобрѣсти данскую разрѣшительную буллу²⁾, способствовали устраненію всякихъ сомнѣній относительно законности правъ Фердинанда IV.

Въ царствованіе Педро I, въ 1362 г. созваны были кортесы въ Севильѣ для признанія наслѣдникомъ престола сына его Альфонса, родившагося отъ любовной связи короля съ Маріей де Падилья. Деспотическій король не могъ потребовать отъ чиновъ присяги своему сыну, не доказавши раньше его законнорожденности. Съ этой цѣлью онъ произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ незаконность своего брака съ незадолго передъ тѣмъ скончавшейся королевой Бланкой де Бурбонъ, на томъ основаніи, что союзъ этотъ былъ заключенъ имъ при существованіи другого, именно тайнаго брака съ Маріей де Падилья, который онъ принужденъ былъ скрывать, изъ опасенія вызвать возстаніе со стороны грандовъ, враждовавшихъ съ родственниками Падилья. Какъ ни абсурдны были эти доказательства, кортесы подчинились волѣ короля, признали бракъ съ Маріей де Падилья и все потомство, происшедшее отъ него, законными и провозгласили инфанта Альфонса наслѣдникомъ престола³⁾. Въ слѣдующемъ году Альфонсъ умеръ и король созвалъ въ Бубіаркѣ новыя кортесы для принесенія присяги въ вѣрности его дочерямъ Беатрисѣ, Констансѣ и Изабеллѣ, изъ которыхъ каждая являлась возможной наслѣдницей престола, въ случаѣ если бы у короля не оказалось больше сыновей⁴⁾. Сыновей у

¹⁾ Mem. de D. Fern. IV, t. I, pp. V—X, XLII.

²⁾ Ib. p. XLII.

³⁾ Cron. del Rey D. Pedro; pp. 519—520.

⁴⁾ Ib., p. 525.

Педро больше не было, а право наследованія престола, по смыслу присяги, принесенной дочерямъ Педро I кортесами 1363 г., должно было принадлежать Констансѣ, какъ старшей изъ оставшихся въ живыхъ дочерей короля. Но ей не удалось осуществить это право, такъ какъ тиранническое правленіе ея отца вызвало противъ него возстаніе: онъ былъ низложенъ, а затѣмъ собственноручно убитъ своимъ побочнымъ братомъ Генрихомъ графомъ де Трастамара (сыномъ Альфонса XI и его фаворитки Элеоноры де Гусманъ). Бургосскіе кортесы 1366—1367 г. признали совершившійся переворотъ, принеся присягу въ вѣрности Генриху, какъ королю, и сыну его Хуану, какъ наследному принцу ¹⁾. Однако, Констанса и мужъ ея, герцога Ланкастерскій, опираясь на свою партію въ Кастиліи, признававшую Генриха узурпаторомъ, не оставляли своихъ притязаній на тронъ и силой оружія пытались дать имъ торжество. При Хуанѣ I партія Констансы настолько усилилась, что король счелъ нужнымъ созвать въ 1386 г. кортесы въ Сеговіи для представленія имъ доказательствъ своихъ правъ на престолъ и незаконности притязаній Констансы, въ расчетѣ этимъ путемъ увеличить число своихъ сторонниковъ и упрочить свое положеніе. Аргументація короля отличалась такою же шаткостью, какъ и тѣ доказательства, которыя приводилъ Педро I въ защиту законности своего брака съ Маріей де Надиля. Въ произнесенной передъ чинами рѣчи Хуанъ I пытался доказать прежде всего, что весь родъ Констансы, ведущей свое начало отъ Санчо IV, незаконно владѣлъ престоломъ, въ ущербъ правамъ потомства инфантовъ де ла Серда,—внуковъ Альфонса X по прямой линіи, и потому единственно законныхъ наследниковъ трона; обращаясь затѣмъ къ фактамъ недавняго прошлаго, онъ отмѣтилъ два обстоятельства, какъ вполне уничтожающія основательность притязаній Констансы: происхожденіе Педро отъ первой жены Альфонса XI, брошенной имъ, и низложеніе Педро съ трона, являвшееся, по словамъ короля, вполне заслуженной имъ карой (*por no haber derecho él en el regno et por sus merescimientos*) ²⁾.

Доказательства эти не были убѣдительны, такъ какъ притязанія Констансы основывались на присягѣ, принесенной ей кортесами 1363 г., имѣвшими не меньшій авторитетъ, чѣмъ кортесы 1366—1367 г.,

¹⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 144 и слѣд.

²⁾ Ib., t. II, pp. 350—359.

признавшіе королемъ Генриха II и наслѣдникомъ сына его Хуана. Вопросъ оставался спорнымъ до тѣхъ поръ, пока его не разрѣшили окончательно кортесы 1388 г. въ Паленсіи, утвердивъ брачный контрактъ между Каталиной, дочерью Констансы, и Генрихомъ,—сыномъ Хуана I, и призвавъ обоихъ наслѣдниками кастильскаго трона. Въ этихъ же кортесахъ впервые введенъ былъ въ употребленіе титулъ „принцевъ Астурійскихъ“, равнозначащій англійскому „принцъ Уэльскій“ и французскому „дофинъ“ ¹⁾.

Послѣдній случай болѣе или менѣе дѣйствительнаго вмѣшательства кортесовъ въ разрѣшеніе вопроса престолонаслѣдія имѣлъ мѣсто въ царствованіе Генриха IV. Когда жена его, Іоанна, родила дочь, названную тѣмъ же именемъ, общественное мнѣніе приписывало рожденіе ея незаконной связи королевы съ Бельтраномъ де Куэва. Несмотря на это, Мадридскіе кортесы 1462 г., по требованію короля, признали новорожденную наслѣдницей престола. Скандализованное этимъ рѣшеніемъ гранды Кастиліи вооружились и заставили Генриха IV признать наслѣдникомъ престола брата его Альфонса, а по смерти послѣдняго въ 1468 г.—сестру его Изабеллу, которая и признана была наслѣдницей престола въ кортесахъ 1468—1469 г., созванныхъ въ Оканьѣ ²⁾. Вступленіе ея въ бракъ съ Фердинандомъ Арагонскимъ, какъ извѣстно, было противно желаніямъ Генриха IV, и онъ объявилъ сестру лишенной наслѣдства, а наслѣдницей престола снова провозгласилъ Іоанну „Бельтранеху“. Однако, распоряженіе короля не имѣло значенія, а постановленіе кортесовъ 1468 г., признавшихъ право наслѣдованія за Изабеллой, осталось въ силѣ: по смерти Генриха, кортесы, созванные въ 1475 г. въ Сеговіи, принесли присягу въ вѣрности Фердинанду, какъ королю, Изабеллѣ, какъ королевѣ, и дочери ихъ—Изабеллѣ, какъ наслѣдницѣ престола, установивши, вмѣстѣ съ тѣмъ, форму и порядокъ совмѣстнаго управленія въ Кастиліи вѣнценосныхъ супруговъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ „католическихъ королей“ ³⁾.

¹⁾ Colmeiro, De la Constitucion, t. I, p. 242.

²⁾ Marina, Teoria de las cortes, t. II, p. 89; Colmeiro, De la constitucion, t. I, p. 240.

³⁾ En las cortes celebradas en Segovia en el año de 1475 donde fue jurado por Rey D. Fernando el Catholico, y se dió forma et el modo que se havia de tener en el gobierno de estos Reynos entre el Rey, y Reina, uno de los capitulos fue, que

III. Роль кортесовъ въ случаяхъ несовершеннолѣтія королей.

Изъ предшествующаго обзора можно заключить, что въ вопросахъ престолонаслѣдія кортесы пользовались исключительно нравственнымъ авторитетомъ, признавая законность за лицами, вступающими на тронъ, или предназначенными къ занятію его, въ силу дѣйствительныхъ или фиктивныхъ правъ.

Гораздо дѣйствительнѣе была роль кортесовъ, когда на престолъ вступалъ несовершеннолѣтній король и являлась необходимость организовать регентство или опеку надъ малолѣтнимъ королемъ. Въ этихъ случаяхъ вся совокупность власти, обыкновенно раздѣлявшейся между королемъ и чинами, временно сосредоточивалась въ кортесахъ, являвшихся верховными распорядителями судебъ королевства до момента наступленія совершеннолѣтія короля. При малолѣтствѣ короля, права на опеку надъ сыномъ, естественно, принадлежали матери: таковъ былъ обычай Кастиліи, подтвержденный впоследствии законами *Siete Partidas* ¹⁾, но давая отвѣтъ на вопросъ объ опекѣ, законы эти оставляли открытымъ вопросъ о регентствѣ, который и разрѣшался кортесами, или по собственному усмотрѣнію чиновъ, или въ большемъ или меньшемъ согласіи съ завѣщаніемъ покойнаго короля, если таковое существовало.

Моментами чрезвычайнаго усиленія кортесовъ были періоды несовершеннолѣтія королей Генриха I, Фердинанда IV, Альфонса XI, Генриха III и, отчасти, Хуана II. Въ 1215 г. Бургосскіе кортесы признали опеку надъ малолѣтнимъ Генрихомъ I за сестрой его Д. Беренгуэлой, замѣнявшей ему мать, но, по просьбѣ послѣдней, согласились поручить опеку и регентство сеньору Альфонсо де Лара, подъ условіемъ клятвеннаго обѣщанія съ его стороны не лишать дворянъ ихъ земельныхъ владѣній безъ приговора суда, соблюдать фуэросы каждой общины, не объявлять войны сосѣднимъ народамъ, не взымать новыхъ налоговъ и во всѣхъ важныхъ случаяхъ слѣдо-

quando se hallasen juntos administrasen justicia de todo el Reyno, y quando en diversas partes, cada qual administrase en su nombre en el lugar en que se hallase; pero los pleytos de las demas ciudades y provincias havian de ser determinados por el que tuviese cerca de si á los del consejo, y que este mismo orden se guardase en la eleccion de los corregidores.—Consulta de el consejo sobre su origen y autoridad.—Ms. de la Bibl. Nat. de Paris.—Esp. 434, fº 16.

¹⁾ Ley III, tit. XV, part. II.

вать совѣтамъ Д. Беренгуэлы ¹⁾. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ вліяніе кортесовъ на политическую жизнь страны выразилось въ назначеніи опекуна малолѣтнему королю и въ установленіи условій регентства.

Послѣ смерти Санчо IV престолъ достался малолѣтнему сыну его Фердинанду IV. Бургосскіе кортесы 1295 г. подтвердили права Фердинанда и избрали опекунами и регентами мать его, Д. Марію де Молина, и дядю, инфанта Д. Генриха, первую, согласно волѣ покойнаго короля, второго—согласно желаніямъ его многочисленныхъ сторонниковъ ²⁾. Въ теченіе всего періода несовершеннолѣтія короля, продолжавшагося до 1302 г., когда королю исполнилось 16 лѣтъ, кортесы созывались почти ежегодно и оказывали огромное вліяніе на всѣ стороны государственной жизни Кастиліи, какъ это можно видѣть изъ другихъ главъ нашего труда.

Въ 1312 г. Фердинанду IV наследовалъ малолѣтній сынъ его Альфонсъ XI. Король не оставилъ завѣщанія относительно того, кому должна принадлежать опека надъ его сыномъ и регентство королевства. Явилось нѣсколько претендентовъ на власть, изъ которыхъ каждый стремился завладѣть особой короля, въ расчетѣ получить этимъ путемъ опеку и регентство. Важнѣйшими претендентами были дядя короля—инфантъ Д. Педро, инфантъ Д. Хуанъ и Д. Хуанъ Нуньесъ де Лара. Но ни одному изъ нихъ не удалось принять подъ свое покровительство Альфонса XI, такъ какъ жители г. Авилы, гдѣ находился онъ, оберегали его особу и заявили претендентамъ, что не выдадутъ короля никому, пока не соберутся кортесы и не рѣшатъ, кому должна принадлежать опека ³⁾. Кортесы собрались въ Паленсіи въ 1313 г. для избранія опекуна (*paga ffazer tutor*). Среди членовъ кортесовъ образовались двѣ партіи: представители Кастиліи и Леона поддерживали права матери короля Констансы (впрочемъ скоро скончавшейся) и кандидатуру инфанта Д. Хуана, тогда какъ депутаты другихъ частей королевства настаивали на избраніи инфанта Д. Педро и королевы Д. Маріи де Молина. Такъ какъ ни одна сторона не хотѣла уступить другой, то рѣшено было, что каждый изъ названныхъ кандидатовъ будетъ управлять той частью

¹⁾ Colmeiro, *Introd.*, parte II, p. 149.

²⁾ *Mem. de D. Fern. IV*, t. I, pp. 2—6.

³⁾ *Que non diesen al Rey á ninguno fusta que se ayuntasen todos los de la tierra, et acordasen quien toviere al Rey. Cron. del Rey D. Alf. XI*, p. 174.

королевства, которая избрала его регентомъ¹⁾). Послѣдствія такого рѣшенія оказались крайне пагубными, такъ какъ страна раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря, поддерживавшихъ ее въ состояніи смуты и анархіи. Послѣ продолжительныхъ споровъ регенты пришли, наконецъ, къ соглашенію обратиться къ посредничеству кортесовъ для установленія единства управленія и опеки. Кортесы созваны были въ Бургосѣ въ 1315 г., и чины постановили организовать регентство и опеку на слѣдующихъ началахъ: опека надъ королемъ должна была принадлежать тремъ опекунамъ сообща; каждому изъ нихъ поручено было отправлять правосудіе лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя раньше избрали ихъ опекунами; государственныя печати, находившіяся въ распоряженіи каждого изъ нихъ, постановлено было уничтожить, за исключеніемъ одной, которая, вмѣстѣ съ канцеляріей, должна была находиться въ исключительномъ вѣдѣніи короля и его бабки; каждому опекуну запрещено было распоряжаться королевскими доменами и рентами иначе, какъ по общему соглашенію съ прочими; въ случаѣ смерти одного или двухъ опекуновъ, регентство должно было оставаться за оставшимися или оставшимся въ живыхъ²⁾. Регенты дали клятвенное обязательство слѣдовать этимъ условіямъ, и въ случаѣ нарушенія ихъ, согласно постановленію кортесовъ, должны были лишиться своего званія и связанныхъ съ нимъ правъ, а на мѣсто ихъ должны были быть избраны другія лица³⁾.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ совмѣстнаго управленія, смерть инфантовъ Д. Педро и Д. Хуана освободила Марію отъ товарищей, и она, въ силу постановленія Бургосскихъ кортесовъ 1315 г., могла одна оставаться регентшей королевства. Но наличность новыхъ претендентовъ на регентство усложнила положеніе дѣлъ. Однѣ общины (Куэнка, Мадридъ, Куэльяръ и Сепульведа) признали опекуномъ инфанта Д. Хуана, сына инфанта Д. Мануэля, другія (въ Эстремадурѣ,

¹⁾ Que fuesen tutores cada uno dellos de aquellas villas que los tomaron por tutores. Cron. del Rey D. Alf. XI, p. 177.

²⁾ Cron. del Rey D. Alf. XI, p. 179.

³⁾ Et si todos tres non vos lo guardasemos como dicho es, que jamas non seamos tutores del rei nin nos acoyades en las villas nin nos recudades con las rentas del rei nin nos obedezcades como á tutores, é que podades tomar otro tutor qualquierdes que entendierdes que cumplira mas para este fecho. C. de L. y C., t. I, p. 292.

Андалузіи и Леонъ)—инфанта Д. Филиппа, третьи, наконецъ, кромѣ названныхъ двухъ инфантовъ, и королеву Марію. Каждая изъ общинъ, вѣ кортесовъ, заключала особые договоры съ избираемымъ ею регентомъ¹⁾; и въ странѣ снова подымалась анархія, для прекращенія которой Д. Марія де Молина рѣшила въ 1321 г. созвать кортесы въ Паленсіи. Но не дождавшись собранія ихъ, королева скончалась, поручивъ передъ смертью г. Вальядолиду охрану и опеку своего внука Альфонса XI²⁾. Вопросъ объ опекѣ разрѣшенъ былъ въ слѣдующемъ году кортесами, созданными отъ королевскаго имени въ Вальядолидѣ и признавшими опекуномъ и регентомъ инфанта Филиппа подъ извѣстными условіями. Регентство должно было принадлежать ему въ теченіе 4 лѣтъ до времени наступленія совершеннолѣтія Альфонса XI; власть новаго регента ограничена была совѣтомъ изъ 8 членовъ, которые должны были смѣняться каждые четыре мѣсяца другими 8 членами изъ общаго числа 24 депутатовъ, избранныхъ для этой цѣли отдѣльными частями королевства, именно Кастиліей, Леономъ, Эстремадурой и Андалузіей, по шести отъ каждой изъ нихъ³⁾. Въ 1325 г., когда Альфонсу XI исполнилось 14 лѣтъ, въ Вальядолидѣ были созваны кортесы для признанія наступившаго совершеннолѣтія и прекращенія опеки⁴⁾.

Вопросъ объ организаціи опеки и регентства возникъ снова послѣ смерти Хуана I, оставившаго наслѣдникомъ престола одиннадцатилѣтняго сына Генриха; для разрѣшенія этого вопроса (*para ordenar que manera de regimiento se avia de tener en el regno*) члены королевскаго совѣта, отъ имени короля, созвали въ 1391 г. кортесы въ Мадридѣ⁵⁾; какъ только собрались чины, Толедскій архіепископъ

¹⁾ Примѣромъ подобныхъ договоровъ могутъ служить условія, заключенныя между г. Талаверой, съ одной стороны, и королевой Маріей и инфантами Хуаномъ и Филиппомъ—съ другой. Признавая названныхъ лицъ регентами, совѣтъ г. Талаверы потребовалъ отъ нихъ обѣщанія соблюдать фуэросы этой общины, оберегать собственность и безопасность населенія, угрожая въ противномъ случаѣ, лишеніемъ ихъ званія и правъ регентовъ (*quel non hayamos mas por tutor ó tutores nin les obedescamos mas por tutores nin ellos non usen mas de la tutoria*).= *Quaderno de las condiciones con que el consejo de Talavera recibió por tutores del Rey á la Reina D-a Maria, inf. D. Felipe y á D. Juan hijo del inf. D. Manuel*. = Ms. de la Bibl. Nac. de Madrid. = Col. del p. Burriel. = Dd. 118, ff. 85—89.

²⁾ Cron. del Rey D. Alf. XI, pp. 183—184, 191.

³⁾ C. de L. y C., t. I, p. 337, § 1, p. 338. § 4.

⁴⁾ Cron. del Rey D. Alf. XI, p. 198.

⁵⁾ Cron. del Rey D. Enrique III, p. 161.

возбудить вопросъ. оставилъ ли покойный король какое-нибудь распоряженіе относительно опеки надъ сыномъ. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что король оставилъ завѣщаніе, которое вскорѣ и было найдено среди его бумагъ. Но смыслъ завѣщанія, предоставлявшаго опеку шести опредѣленнымъ лицамъ, не соотвѣтствовалъ честолюбивымъ стремленіямъ грандовъ, не включенныхъ въ это завѣщаніе, и, по требованію недовольныхъ, оно было объявлено недействительнымъ и должно было быть уничтожено подъ тѣмъ предлогомъ, что не соотвѣтствовало истиннымъ намѣреніямъ короля, успѣвшаго передъ смертью измѣнить свою волю. Завѣщаніе, однако, не было уничтожено: его удержалъ Толедскій архіепископъ ¹⁾, а кортесы рѣшили организовать совѣтъ регентства на томъ основаніи, что этимъ путемъ могутъ быть предупреждены тѣ смуты, которыя, какъ показалъ опытъ предшествующихъ царствованій, всегда неразлучны съ управленіемъ отдѣльными лицами ²⁾. Толедскій архіепископъ и его партія не признали постановленій кортесовъ законными, какъ несоотвѣтствовавшими королевскому завѣщанію, утвержденному Гвадалахарскими кортесами, и отказались повиноваться совѣту регентства ³⁾. Страна снова раздѣлилась на двѣ партіи: одна настаивала на исполненіи завѣщанія Хуана I, другая—на постановленіи Мадридскихъ кортесовъ. Споры эти дѣлали невозможнымъ сколько-нибудь удовлетворительное управленіе королевствомъ, и для разрѣшенія ихъ, вскорѣ послѣ распущенія однихъ кортесовъ, созваны были другіе, въ Бургосѣ. Члены Бургосскихъ кортесовъ расходились между собой по вопросу, должно ли было быть только 6 регентовъ, согласно завѣщанію, или же число это слѣдовало увеличить ⁴⁾. Представители общинъ высказались въ пользу буквального исполненія завѣщанія, и мнѣніе ихъ получило перевѣсъ надъ другими ⁵⁾. Организованный на новыхъ началахъ совѣтъ регентства получилъ полномочія дѣйствовать до наступленія совершеннолѣтія короля, которое опредѣлялось въ

¹⁾ Cron. del Rey D. Enrique III, pp. 164—166.

²⁾ Que yo é los mis regnos fuesemos regidos por via de Consejo é non por tutores, porque se falló que esto era mas provechoso segunt los engemplos delos tiempos pasados. C. de L. y C., t. II, p. 509.

³⁾ Cron. del Rey D. Enrique III, p. 169.

⁴⁾ Ib., pp. 180—183.

⁵⁾ Todos los procuradores del Reyno que eran en Burgos tomaron á un acuerdo de tener por el testamento del Rey D. Juan, que se guardase llanamente, ib., p. 185.

однихъ спискахъ „Siete Partidas“ 16-лѣтнимъ возрастомъ, въ другихъ—20-лѣтнимъ. Въ виду неопредѣленности закона, рѣшено было, что члены совѣта соберутъ кортесы по достиженіи королемъ 16-лѣтняго возраста для рѣшенія вопроса, должна ли опека продолжаться дольше или нѣтъ ¹⁾. Однако, черезъ два года, имѣя всего лишь 14 лѣтъ отъ роду, Генрихъ III созвалъ въ 1393 г. кортесы въ Мадридѣ и объявилъ себя совершеннолѣтнимъ ²⁾. Хотя онъ и имѣлъ за собой прецеденты предшествующихъ царствованій, когда 14-лѣтній возрастъ признавался достаточнымъ для вступленія въ самостоятельное управленіе государствомъ,—постановленіе кортесовъ 1391 г., равно какъ и предписанія „Siete Partidas“ обязывали его ожидать наступленія 16-лѣтняго возраста для освобожденія отъ опеки. Нарушеніе этихъ предписаній можно разсматривать, какъ одинъ изъ признаковъ начавшейся эмансипаціи королевской власти отъ сдерживающихъ ее ограниченій.

Роль кортесовъ, созданныхъ въ 1407 г. въ Сеговіи по вопросу объ опекѣ и регентствѣ, сводилась лишь къ утвержденію завѣщанія Генриха III, назначившаго, по случаю несовершеннолѣтія сына своего Хуана, правителями государства королеву—мать Каталину и дядю Хуана—инфанта Д. Фернандо. Утвердивши завѣщаніе, чины требовали отъ регентовъ клятвеннаго обѣщанія неизмѣнно соблюдать волю покойнаго короля и фуэросы страны. Требуемая присяга принесена была согласно формулѣ, установленной кодексомъ „Siete Partidas“ ³⁾. Регентство продолжалось до наступленія 14-лѣтняго возраста Хуана II, именно до 1419 г., когда созваны были въ Вальядолидѣ кортесы, вручившіе молодому королю бразды управленія королевствомъ (*todos con aquella reverencia que debemos vos entregamos el regimiento é governacion dellos*) ⁴⁾.

Это былъ послѣдній случай королевскаго несовершеннолѣтія въ изучаемый періодъ кастильской исторіи. Въ послѣдующее время вопросъ объ организаціи опеки и регентства больше не возбуждался, и вмѣстѣ съ тѣмъ кортесы лишились одного изъ поводовъ для непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла государственнаго управленія.

¹⁾ Cron. del Rey D. Enrique III, p. 212.

²⁾ C. de L. y C., t. II, p. 524.

³⁾ Cron. del Rey D. Enrique III, pp. 259, 264, 270.

⁴⁾ Cron. del Rey D. Juan II, p. 378.

Но усиленіе политическаго значенія кортесовъ въ періоды малолѣтства королей не избавляло страны отъ внутреннихъ смутъ, и воспомина- ніе о нихъ побуждало представителей націи принимать извѣстныя предупредительныя мѣры для устраненія въ будущемъ случаевъ несовершеннолѣтія королей: они заботились о томъ, чтобы короли и наслѣдники престола возможно раньше вступали въ бракъ для обезпеченія прямого преемства власти въ потомствѣ и избавленія страны отъ междоусобій, обычныхъ въ періоды регентства. Такъ, депутаты Вальядолидскихъ кортесовъ 1440 г. убѣдительно просили Хуана II поспѣшить съ женитьбой сына его Генриха въ интересахъ общественнаго блага, на что король охотно отвѣчалъ согласіемъ¹⁾; но въ данномъ случаѣ удовлетвореніе этой просьбы не привело къ желательнымъ результатамъ въ виду полной неспособности инфанта къ самовоспроизведенію, что и обусловило переходъ престола по смерти Генриха IV къ сестрѣ его Изабеллѣ. Въ 1518 г. депутаты кортесовъ, созванныхъ въ Вальядолидѣ, просили Карла V жениться возможно скорѣе и не отпускать своего брата Фердинанда за границу раньше приобрѣтенія королевемъ потомства²⁾.

---

¹⁾ C. de L. y C., t. III, pp. 382, 383.

²⁾ C. de L. y C., t. IV, pp. 262—264.

ГЛАВА II.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОСТЬ.

I. Обзоръ основныхъ воззрѣній на законодательную роль кортесовъ. II Принципы совмѣстной законодательной дѣятельности чиновъ и короля. III. Развѣтѣ личнаго королевскаго законодательства и упадокъ законодательнаго значенія кортесовъ.

I. Обзоръ основныхъ воззрѣній на законодательную роль кортесовъ.

Однимъ изъ наиболѣе спорныхъ вопросовъ конституціоннаго строя Кастиліи въ средніе вѣка является степень участія кортесовъ въ законодательствѣ страны. Въ противоположность теоріи Марини, доказывавшаго, что законодательная власть принадлежала кортесамъ, а король являлся преимущественно органомъ исполнительной власти¹⁾, другой изслѣдователь кастильскаго государственнаго права, Кольмейро, думаетъ, что вся полнота законодательной власти принадлежала королю и что кортесы являлись не болѣе, какъ совѣщательнымъ собраніемъ. „Ученый юристъ, говоритъ онъ о Маринѣ, напрягаетъ всѣ силы своего ума, чтобы доказать невозможное, т. е. что въ средніе

¹⁾ Los fundadores de la monarquía española que por razones de conveniencia y utilidad pública depositaron en una sola persona el ejercicio de la soberana autoridad y el suficiente poderío para mover la fuerza pública, y confiaron á sus príncipes el poder ejecutivo, no tuvieron por cosa ventajosa á la sociedad darles el poder legislativo ni otorgarles facultades absolutas é ilimitadas para hacer nuevas leyes, mudar ó modificar, derogar ó anular las antiguas. Teoría de las cortes, t. II, p. 199. Нѣсколько ниже (p. 200): desde el origen de la monarquía hasta el tiempo de la dominación austriaca todas las leyes se hacían en las grandes juntas del reino ó por los brazos del estado, ó por el rey con acuerdo, consentimiento y consejo de la nación.

вѣка, какъ и въ наше время, законодательная власть принадлежала кортесамъ вмѣстѣ съ королемъ¹⁾. „Докторъ Марина, говоритъ Кольмейро въ другомъ своемъ сочиненіи, склонный покровительствовать дѣлу нашихъ древнихъ вольностей, хотя бы для этого необходимо было переходить предѣлы здоровой критики, выводитъ законодательныя права кортесовъ изъ власти древнихъ соборовъ“²⁾.

Преемникъ Кольмейро по кафедрѣ въ Мадридскомъ университетѣ, академикъ Санчесъ Могель недавно опубликовалъ брошюру—*„Naturaleza politica y literaria de las cortes peninsulares anteriores al sistema constitucional“*, въ которой развиваетъ положенія своего предшественника до крайнихъ логическихъ послѣдствій и, распространяя ихъ на всѣ государства Пиренейскаго полуострова, приходитъ къ совершенно абсурднымъ заключеніямъ. Онъ, не колеблясь, заявляетъ, что въ древней Кастильской монархіи суверенитетъ и законодательная власть были исключительнымъ достояніемъ короны, и что власть древнихъ испанскихъ королей была такою же, какъ и власть римскихъ императоровъ, съ тѣмъ только различіемъ, что цезари считали источникомъ своей власти волю народа, а испанскіе короли—волю Божью (pp. I—II). Наконецъ, по его мнѣнію, въ эпоху Австрійской династіи значеніе кортесовъ, по существу, оставалось тѣмъ же, что и въ предшествовавшія времена (p. 24).

Такимъ образомъ, ученые, спеціально занимавшіеся изученіемъ свойствъ кастильскихъ кортесовъ, приходятъ къ совершенно различнымъ заключеніямъ относительно законодательнаго значенія ихъ³⁾. Разногласіе это обусловливается съ одной стороны неудовлетворительностью метода, избраннаго чини для рѣшенія этого сложнаго вопроса, съ другой разнорѣчивымъ характеромъ источниковъ, изъ которыхъ одни—древняго происхожденія—болѣе благопріятствуютъ воззрѣніямъ Марины, другіе—составленные подъ вліяніемъ идей римскаго права—слѣ-

¹⁾ Introduccion, I, см. главу „Las Facultades de las cortes“, pp. 57 и слѣд.

²⁾ Del gobierno y de la constitucion, t. I, p. 375.

³⁾ Къ двумъ охарактеризованнымъ воззрѣніямъ на законодательную роль кортесовъ могутъ быть сведены воззрѣнія другихъ представителей испанской исторіографіи на этотъ вопросъ. Такъ, для Tapia (*Bist. de la civil esp.*, t. I, p. 96) стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія значеніе кортесовъ, какъ законодательнаго собранія, тогда какъ Carpani (*Práctica y estilo de celebrar las cortes*, p. 233), Torreóna (*Los concejos del rey durante la Edad Media*, t. I, pp. 121—122) и др. думаютъ, что (вся полнота законодательной власти принадлежала королю.

жать подтвержденіемъ выводовъ Кольмейро и отчасти С. Могеля. Такъ, напримѣръ, законы „Siete Partidas“ представляютъ странную смѣсь идей и положеній готскаго и римскаго права. Опираясь на отдѣльные положенія этого кодекса, можно прийти въ различнымъ заключеніямъ, или въ духѣ Марины, или въ духѣ Кольмейро. Такъ, XII законъ I-го титула 1-й партиды гласитъ слѣдующее: „императоръ или король имѣетъ власть издавать законы надъ своими подданными въ свѣтскомъ отношеніи, и никто другой“ (Emperador ó Rey puede fazer leyes sobre las gentes de su senorio, é otro ninguno no ha poder de las fazer en lo temporal). Но XVIII законъ того же титула и той же партиды выражаетъ слѣдующее положеніе: „и такъ какъ изданіе законовъ—дѣло очень трудное, а отмѣна ихъ—очень легкое, то поэтому измѣнять или совершенно отмѣнять ихъ можно не иначе, какъ подъ условіемъ великаго совѣщанія со всѣми, наиболѣе почетными и свѣдующими жителями страны“ (é porque el fazer (las leyes) es muy grave cosa. y el desfazer muy ligera. por ende el desatar de las leyes e toller las del todo que non valan, no se debe fazer sino con gran consejo de todos los omes buenos de la tierra, los más honrrados é más sabidores). Прямой выводъ изъ двухъ приведенныхъ законовъ тотъ, что изданіе законовъ составляло прерогативу королевской власти, ничѣмъ не ограниченную, тогда какъ измѣненіе или отмѣна ихъ не могли состояться иначе, какъ по совѣщаніи съ представителями націи. Прийти къ выводу объ абсолютной законодательной власти короля можно только на основаніи перваго при условіи игнорированія втораго изъ приведенныхъ законовъ. Замѣчательно то, что ученые, расходящіеся съ Мариной по вопросу о законодательномъ значеніи кортесовъ, придерживаются именно такого метода.

Между составленіемъ „Siete Partidas“ и опубликованіемъ ихъ прошло около столѣтія. Попытки Альфонса X дать торжество идеямъ этого кодекса были неудачны. Должно было пройти еще около столѣтія фактическаго усиленія королевской власти, прежде чѣмъ возможно было ввести въ употребленіе законы „Siete Partidas“. Надо было расчистить и подготовить почву въ странѣ, раньше чѣмъ насадить на ней новое растеніе. Но даже и послѣ 1343 г. дѣйствіе „Siete Partidas“ во многихъ случаяхъ парализовалось дѣйствіемъ древнихъ кодексовъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ отмѣненъ формальнымъ образомъ: древнее законодательство продолжало существовать, вступая по временамъ въ борьбу съ новымъ. Въ виду этого, автори-

теть „Siete Partidas“ мы считаем ненадежнымъ для опредѣленія законодательнаго значенія кортесовъ въ различныя эпохи ихъ существованія. Кольмейро вступаетъ въ противорѣчье съ самимъ собой, когда, послѣ установленія преемственной связи между древними соборами и кортесами Кастиліи, отказывается признать связь между законодательными правами первыхъ и послѣднихъ. Намъ кажется, что образованіе законовъ „Fuero Juzgo“ на Толедскихъ соборахъ было исполнѣ аналогично образованію позднѣйшаго законодательства въ кортесахъ, съ тою лишь разницей, что въ первыхъ, кромѣ короля, участвовали епископы и магнаты, а во вторыхъ также и представители общинъ, и справедливость замѣчанія Figueoа, что Толедскіе соборы являются первой страницей въ исторіи представительной системы въ Испаніи¹⁾, для насъ не подлежитъ сомнѣнію. Соборы эпохи „Reconquista“ продолжали традицію Толедскихъ соборовъ. Въ первыхъ такъ же, какъ и въ послѣднихъ участвовали прелаты и магнаты, составлявшіе постановленія сперва по церковнымъ, а затѣмъ по гражданскимъ вопросамъ²⁾, совокупность которыхъ образовывала т. наз. *constitutiones*³⁾, соотвѣтствующія позднѣйшимъ *cuadernos* или *ordenamientos* кортесовъ. Не имѣя въ виду останавливаться на генезисѣ законодательныхъ правъ кортесовъ, мы имѣемъ возможность опредѣлить степень участія послѣднихъ въ законодательствѣ страны въ періодъ отъ 1188 до 1520 г. на основаніи самаго надежнаго матеріала, именно актовъ кортесовъ. Изученіе этого матеріала, безъ всякихъ предвзятыхъ идей, привело насъ къ убѣжденію, что воззрѣнія какъ Марины, такъ и Кольмейро могутъ быть справедливы лишь въ примѣненіи къ опредѣленному періоду парламентарной исторіи Кастиліи и каждое безусловно невѣрно при распространеніи его на всѣ эпохи ея. Здѣсь, какъ и въ другихъ главахъ нашего труда, мы настаиваемъ на необходимости не упускать изъ виду исторической точки зрѣнія.

¹⁾ Los concilios de Toledo son la primera hoja de la historia de nuestro sistema representativo. D. José Figueoа, Estudios sobre la historia del sistema representativo en Espana (Revista espanola de ambos mundos, t. III, p. 6).

²⁾ In primis igitur *censuimus* ut in omnibus conciliis que deinceps celebrabuntur, cause ecclesie prius iudicentur, iudiciumque rectum absque falsitate consequantur. Indicato ergo ecclesie indicio adeptaue iusticia, agatur causa regis, deinde *populorum*. C. de L. y C., t. I, pp. 2—3, §§ 1, 3. (Concilio de Leon, 1020).

³⁾ Quisquis . . . hanc nostram *constitutionem* sciens frangere temptaverit. ib., p. 11, § 48. Constitutio haec . . . audita placuit omnibus hominibus . . . ib., p. 34 (concilio de Oviedo 1115).

чтобы составить вѣрное сужденіе о роли и значеніи этого сложнаго учрежденія, постоянно подвергавшагося измѣненіямъ какъ со стороны формъ, такъ и въ отношеніи функціонируемыхъ имъ прѣвъ. Между тѣмъ эта точка зрѣнія упускается названными изслѣдователями, предполагающими неизмѣнными права и значеніе кортесовъ на всемъ протяженіи ихъ исторіи, по крайней мѣрѣ, до эпохи австрійской династии, за исключеніемъ С. Могеля, не видящаго большой разницы между кортесами до и послѣ указанной эпохи.

Отъ выступленія общинъ въ кортесахъ въ 1188 г. до паденія началъ сословной монархіи въ 1520 г. въ исторіи законодательныхъ правъ кортесовъ замѣчается два періода: 1-й періодъ продолжался до начала XV в. и представлялъ большее или меньшее согласіе между принципами законодательной власти кортесовъ и осуществленіемъ ихъ на практикѣ; 2-й періодъ, начинающійся съ конца царствованія Генриха III, представлялъ постоянное уклоненіе законодательной практики отъ первоначальныхъ принциповъ и постепенное образованіе новыхъ началъ законодательства. Измѣненія въ области законодательныхъ правъ кортесовъ совершались параллельно измѣненіямъ какъ въ самой организаціи учрежденія, такъ и въ отправленіи имъ другихъ функцій политической власти, и обуславливались дѣйствіемъ общихъ причинъ, опредѣлявшихъ разложеніе основъ сословной монархіи.

1. Принципы совмѣстной законодательной дѣятельности чиновъ и короля въ кортесахъ.

Памятниками законодательной дѣятельности кортесовъ служатъ ихъ „*cuadernos*“ или „*ordenamientos*“, составлявшіеся, какъ это было показано въ одной изъ предшествующихъ главъ, изъ сословныхъ петицій и королевскихъ отвѣтовъ на нихъ, или представлявшіе королевскія распоряженія, издаваемые по просьбѣ или съ согласія чиновъ.

Непосредственное участіе чиновъ въ законодательствѣ подтверждается актами кортесовъ конца XII, XIII и отчасти XIV в. Постановленія знаменитыхъ Леонскихъ кортесовъ 1188 г. названы „*Decreta que Dominus Adelfonsus Rex Legionis et Galletie constituit in curia apud Legionem cum archiepiscopo Campostelano, et cum omnibus episcopis, magnatibus et cum electis civibus regni sui*“¹⁾, т. е. „Постанов-

¹⁾ C. de L. y C., t. I, p. 39.

ленія, которыя составилъ Д. Альфонсъ, король Леона и Галисіи, въ кортесахъ въ Леонѣ, вмѣстѣ съ архіепископомъ Кампостелянскимъ, со всѣми епископами, магнатами и съ выборными гражданами королевства“. Выраженіе „cum archiepiscopo“ etc. мы относимъ не къ слову „curia“, а къ слову „constituit“, и думаемъ, что все выраженіе можно перефразировать въ такую форму, въ какой употреблено названіе актовъ Койянскаго собора 1050 г.: „Decreta Fredenandi Regis et Sanctiae Reginae et omnium episcoporum in diebus eorum in Hispania degentium et omnium eiusdem regni optimatum“¹⁾. Изъ такого толкованія текста выводимъ заключеніе, что въ составленіи декретовъ 1188 г. принимали равное участіе король и чины. Въ предисловіи къ актамъ Леонскихъ кортесовъ 1208 г. король говоритъ: „Послѣ предварительнаго и обстоятельнаго обсужденія, и съ общаго согласія, я издалъ этотъ законъ, который должны соблюдать я и всѣ мои потомки“²⁾. Выраженіе „я издалъ этотъ законъ“ нѣкомъ образомъ не можетъ свидѣтельствовать о томъ, что чины имѣли лишь совѣщательное значеніе, рекомендуя королю тѣ или другія мѣропріятія и предоставляя ему полную свободу дѣйствій въ выборѣ ихъ. Напротивъ, чины принимали не только участіе въ обсужденіи предложеннаго закона (*deliberatione prehabita*), но и дали согласіе на изданіе его (*de universorum consensu*) и обязали короля и потомство его соблюдать изданный законъ (*mihi et a meis posteris omnibus observandam*). Въ виду этихъ ограниченій, выраженіе „hanc legem edidi“ не можетъ служить доказательствомъ того, что изданіе закона было актомъ единоличной воли короля. Рѣшеніе Вальядолидскихъ кортесовъ 1258 года принять извѣстныя мѣры къ устраненію бѣдствій и установленію порядка въ странѣ также было актомъ коллективной воли короля и чиновъ, обязавшихся другъ передъ другомъ соблюдать принятое рѣшеніе³⁾. Постановленія кортесовъ 1297, 1299, 1301, 1307 и др. годовъ являлись равнымъ образомъ результатомъ соглашенія между королемъ и чинами и изданы были коро-

¹⁾ C. de L. y C., t. I, p. 21.

²⁾ Multa deliberatione prehabita de universorum consensu hanc legem edidi mihi et a meis posteris omnibus observandam. C. de L. y C., t. I, p. 47

³⁾ Acordaron de lo toller é de poner cosas sennaladas é ciertas por que vivades. E lo que ellos posieron otorgué yo de lo tener é de lo facer tener é guardar por todos los mis regnos... Et ellos todos juraron e prometieron delo guardar e delo tener. C. de L. y C., t. I, p. 55.

лемъ съ согласія и одобренія послѣднихъ (*con conseio e con otorgamiento*) ¹⁾.

При слабой связи между составными частями Кастильской монархін, въ періодъ ея образованія, при сильно развитомъ духѣ мѣстной и сословной независимости, кортесы являлись единственнымъ выраженіемъ національнаго единства, а совѣщанія между членами ихъ—единственнымъ средствомъ согласовать противоположные интересы и стремленія отдѣльныхъ элементовъ формирующагося организма. Законы, издаваемые въ кортесахъ, являлись актомъ извѣстнаго соглашенія между чинами и короной, въ которомъ до второй половины XIV в. не принимали участія элементы, чуждые сословному представительству.

Обнародованіе „*Siete Partidas*“, какъ общаго кодекса для всего королевства, который всесторонне нормировалъ гражданскія и политическія отношенія Кастильскаго общества XIV в., открывало собой эпоху установленія внутренняго единства въ странѣ и извѣстнаго сплоченія составныхъ ея частей на началахъ общности права. Это было началомъ ассимиляціи разнородныхъ элементовъ Кастильской монархін и разрушенія фюральнаго режима, или господства фюэрсовъ, поддерживавшихъ самостоятельное существованіе отдѣльныхъ областей и общественныхъ группъ. Но до полнаго претворенія ихъ въ одинъ общій организмъ было еще далеко. Для успѣшнаго проведенія въ жизнь началъ новаго законодательства королевская власть нуждалась въ такихъ сотрудникахъ, которые стояли бы внѣ сословныхъ интересовъ и представляли бы нейтральный общественный элементъ, и нашла ихъ въ лицѣ легистовъ. Получивъ во второй половинѣ XIV в. доступъ въ Королевскій Совѣтъ и Аудіенцію, они успѣшно принялись за выполненіе своей миссіи и мало по малу лишили кортесы непосредственнаго участія въ законодательной дѣятельности. Постановленія кортесовъ 1371, 1379, 1380, 1383, 1385, 1387, 1390 гг. ²⁾

¹⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 135, 140—141, 146, 151—152, 185.

²⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 189, 283—4, 286, 310, 314, 359—361, 379—398, 449, 424. Напр., законы Генриха II, устанавливавшіе организацію высшихъ судебныхъ трибуналовъ, изданы были въ кортесахъ Торо 1371 г. „*con conseio de los perlados é ricos homes é de las ordenes é caballeros é fijos dalgo é procuradores de las cibdades, villas é lugares de los nuestros reinos que son con nusco ayuntados en estas cortes que mandamos facer en Toro é con los nuestros oidores é alcaldes de la nuestra corte*“ (ib., t. II, p. 189).

издаются уже не только съ согласія чиновъ, но и членовъ Аудіенціи или докторовъ Королевскаго Совѣта, и такъ какъ среди этихъ постановленій было много такихъ, которыя являлись не отвѣтами на сословныя петиціи, а законами, составленными внѣ кортесовъ и по королевской инициативѣ, то роль представителей націи въ данныхъ случаяхъ сводилась лишь къ выслушанію и одобренію законовъ, составленныхъ безъ ихъ непосредственнаго участія.

Въ XV в. законы, являвшіеся отвѣтомъ на сословныя петиціи или стоявшіе независимо отъ нихъ, только обнародывались въ кортесахъ, а составлялись обыкновенно королемъ по соглашенію (*con acuerdo*) съ членами Совѣта ¹⁾, изъ состава котораго въ началѣ этого столѣтія вышли представители общинъ.

Такимъ образомъ фактически степень участія сословныхъ представителей въ составленіи законовъ уменьшалась, но, несмотря на это, за ними сохранялось право законодательной инициативы, выражавшееся въ правѣ подачи петицій, и право извѣстнаго контроля надъ законодательной дѣятельностью короля. Законы не должны были издаваться или отмѣняться иначе, какъ въ кортесахъ. На этотъ принципъ ссылаются депутаты Вальядолидскихъ кортесовъ 1506 г., какъ на положительный законъ, прося королеву Іоанну I и мужа ея Филиппа не отступать отъ него ²⁾. Принципъ этотъ, очевидно, былъ древняго происхожденія, такъ какъ кодексъ Альфонса Мудраго, составленный внѣ кортесовъ, не могъ имѣть законодательной силы, пока не былъ опубликованъ, съ согласія чиновъ, въ кортесахъ Алькала де Энаресъ 1348 г. ³⁾. Многіе законы послѣдующей эпохи, какъ мы видѣли, получили силу послѣ обнародованія въ кортесахъ. Постановленія, составленныя въ Саламанкскихъ кортесахъ 1465 г., оставались безъ дѣйствія до тѣхъ поръ, пока, по настоянію депутатовъ, не были опубликованы въ 1469 году, въ кортесахъ Оканьи ⁴⁾, законы, составленные въ Толедскихъ кортесахъ 1502 г., не раньше приведены были въ дѣйствіе, какъ послѣ обнародованія ихъ въ кор-

¹⁾ C. de L. y C., t. III, pp. 10, 36, 51, 161, 185, 251, 312, 369, 393, 454, 496, 642, 749, 835—836, t. IV, p. 111 (отъ 1419 до 1480 г.).

²⁾ E por esto se establecio ley que no se ficiessen ni rrebocasen leys sino en Cortes. C. de L. y C., t. IV, p. 225, § 6.

³⁾ Códigos antiguos de Espana, t. I, pp. 194, 687.

⁴⁾ C. de L. y C., t. III, pp. 810—811, § 30.

тесахъ Торо 1505 г. ¹⁾). Обнародованіе законовъ, посредствомъ чтенія ихъ въ кортесахъ и выдачи копій съ нихъ (*cuadernos*) депутатамъ ²⁾), являлось необходимымъ не только для приведенія ихъ въ извѣстность лицамъ, которымъ они вмѣнялись въ обязанность, но и для предоставленія возможности депутатамъ, особенно послѣ прекращенія участія ихъ въ редакціи законовъ, провѣрить, насколько изданныя постановленія стояли въ соотвѣтствіи съ интересами и желаніями націи, выраженными въ депутатскихъ петиціяхъ. Такъ, депутаты Саморскихъ кортесовъ 1432 г. протестовали противъ включенія въ *cuaderno* одного постановленія, которое стояло въ противорѣчіи съ представленными петиціями ³⁾). Разъ законы были изданы и обнародованы въ кортесахъ, они могли быть отмѣнены только въ кортесахъ, по крайней мѣрѣ принципъ этого требовать. На одну изъ петицій депутатовъ кортесовъ 1305 г. въ Медина дель Кампо Фердинандъ IV отвѣчалъ: „Что касается вашей просьбы о томъ, чтобы постановленія и пожалованія, данныя вамъ въ этихъ кортесахъ, я отмѣнял не иначе, какъ созвавъ снова кортесы, то на это я согласенъ ⁴⁾.“ Подобная же петиція была повторена и удовлетворена въ Толедскихъ кортесахъ 1313 г. ⁵⁾). Бургосскихъ 1379 ⁶⁾), въ Брабѣнскихъ 1387 г. ⁷⁾ и Вальядолидскихъ 1442 г. Согласно постановленію послѣднихъ: „дѣйствующие законы, фуэросы и права могутъ отмѣняться лишь посредствомъ кортесовъ ⁸⁾.“

Принципы эти, какъ увидимъ ниже, часто нарушались, благодаря развитію личнаго королевскаго законодательства, стремившагося къ установленію правового однообразія въ странѣ, тогда какъ сословное представительство кортесовъ стремилось поддержать до извѣстной степени разнообразіе форальнаго законодательства. Право сословныхъ петицій являлось однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ поддерживать равновѣсіе между этими двумя законодатель-

¹⁾ C. de L. y C., t. IV, pp. 195, 217 (no ovo lugar de se publicar como estava por ellos acordado).

²⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 459, 413.

³⁾ C. de L. y C., t. III, pp. 158—159, § 55.

⁴⁾ C. de L. y C., t. I, p. 172.

⁵⁾ C. de L. y C., t. I, p. 238, § 16.

⁶⁾ C. de L. y C., t. II, p. 299, § 37.

⁷⁾ C. de L. y C., t. II, p. 371.

⁸⁾ „Las leyes é fueros é derechos valederos non puedan ser derogados salvo por Cortes“. Marina, Teoria de las Cortes, t. III. Apend., parte II, p. 40.

ствами въ ту эпоху, когда законодательная власть ускользала изъ представительнаго собранія и когда за послѣднимъ, въ дѣйствительности, сохранялось лишь совѣщательное значеніе. Мы уже говорили о томъ, какъ составлялись петиціи. Что касается содержанія ихъ, то оно было такъ же разнообразно, какъ и тѣ потребности общественной жизни, которыя вызывали ихъ. Всѣ измѣненія въ социальной, экономической и политической жизни Кастильскаго народа находятъ въ нихъ свое живое отраженіе по крайней мѣрѣ до того времени, когда учрежденіе это перестало служить выраженіемъ народныхъ нуждъ и обратилось въ одно изъ орудій фискальныхъ интересовъ короны. Петиціи, вслѣдствіе этого, представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія внутренней исторіи Кастильскаго общества въ теченіе всего того времени, когда учрежденіе это пользовалось дѣйствительнымъ значеніемъ и жило самостоятельною жизнью.

Депутаты Вальядолидскихъ кортесовъ 1440 г. прекрасно опредѣляютъ свойство и характеръ сословныхъ петицій въ слѣдующемъ заявленіи, обращенномъ къ Хуану II:

„Свѣтлѣйшій король и сеньоръ, со времени наступленія Вашего совершеннѣйшаго и начала самостоятельнаго управленія королевствомъ много петицій представлено было Вамъ представителями общинъ въ различныхъ случаяхъ. Всѣ онѣ направлены на служеніе Вамъ и на пользу общественную (*las quales todas acatan a vuestro servicio e al provecho e bien comun de vuestros reynos*). Различіе, существующее между этими петиціями, заключается въ томъ, что въ однихъ изъ нихъ, именно въ тѣхъ, которыя касаются улучшенія администраціи и отправленія правосудія, соблюденія фуэросовъ и вольностей общинъ, больше вниманія обращено на общественное благо, тогда какъ въ другихъ, именно въ тѣхъ, которыя касаются веденія Вашего хозяйства, расширенія предѣловъ Вашего королевства, порядка въ управленіи имъ и въ отправленіи правосудія при Вашемъ дворѣ и канцеляріи, организаціи королевскаго Совѣта и Двора—главное вниманіе сосредоточено на служеніи Вашимъ интересамъ. И если относительно тѣхъ и другихъ вопросовъ, Великій Государь, депутатамъ общинъ принадлежитъ право обращаться съ почтительными просьбами къ Вашему Высочеству (*Vuestra Alteza*), то еще въ большой степени относительно всего того, что непосредственно касается хорошей администраціи и порядка въ отправленіи правосудія въ городахъ и мѣстечкахъ, сохраненія привилегій и вольностей за населеніемъ ихъ и

вообще интересовъ общественнаго блага. Въ виду этого, почтительно умоляемъ Ваше Высочество рассмотреть какъ тѣ петиціи, которыя представлены были депутатами со времени наступленія Вашего совершеннолѣтія и которыя, вмѣстѣ съ отвѣтами на нихъ, хранятся у члена Вашего Совѣта, доктора Фернана Діаса де Толедо, такъ и тѣ, которыя теперь представляемъ мы, явившись сюда по Вашему приглашенію¹⁾.

Въ началѣ XVI в., когда государственная централизація достигла большихъ успѣховъ, духъ областной независимости еще не исчезъ, и лучшими законами считались тѣ, которые основывались на знакомствѣ съ бытовыми и юридическими особенностями каждой составной части Кастильской монархіи. Только законы, стоявшіе въ соотвѣтствіи съ областными особенностями, могли удовлетворить, по возрѣніямъ той эпохи, требованіямъ общественнаго блага и справедливости, но отнюдь не тѣ, которые устанавливали правовое единообразіе по всему королевству. Чтобы законы отвѣчали своему назначенію, они должны были составляться по совѣщанію съ депутатами, какъ единственными лицами, знакомыми съ мѣстными условіями. Такія заключенія можно вывести изъ слѣдующей замѣчательной петиціи, представленной депутатами Вальядолидскихъ кортесовъ 1506 г. Іоаннъ I и мужу ея Филиппу: „Древніе мудрецы и писатели говорятъ, что каждая провинція представляетъ свои отличительныя особенности, и потому законы и ордоннансы должны сообразоваться съ ними и не быть одинаковыми для всѣхъ областей. Въ виду этого короли, желая сдѣлать законы полезными какъ для всего королевства, такъ и для отдѣльных провинцій, установили практику созванія кортесовъ и совѣщанія съ депутатами въ случаяхъ необходимости изданія законовъ. Въ виду этого же издано было постановленіе о томъ, что законы не могутъ ни издаваться, ни отмѣняться иначе какъ въ кортесахъ“. Дальше депутаты просили царствующую чету не отступать отъ древней практики и законовъ и созывать кортесы всякій разъ, когда представится потребность издать новые законы, жалуюсь, въ заключеніе, на частое уклоненіе королей отъ этого порядка и на изданіе прагматическихъ санкцій, нарушающихъ интересы страны²⁾.—

¹⁾ C. de L. y C., t. III, p. 389, § 14.

²⁾ E porque fuera desta horden se an fecho muchas prematicas, deque estos vuestros reynos se syenten por agrabiados. C. de L. y C., t. IV, p. 225, § 6.

Приведенная петиція свидѣтельствуєтъ о томъ, что въ началѣ XVI в. принципъ совмѣстной дѣятельности короля и чиновъ въ кортесахъ нарушался, но идея о законодательныхъ правахъ кортесовъ продолжала жить въ сознаниі общества.

III. Развитие личнаго королевскаго законодательства и упадокъ законодательнаго значенія кортесовъ.

Въ интересахъ возможно болѣе точнаго соблюденія законовъ, издаваемыхъ кортесами, короли, въ промежуткахъ между распушеніемъ однихъ и созваніемъ другихъ кортесовъ, должны были слѣдить за дѣятельностью судебныхъ трибуналовъ и органовъ исполнительной власти, давать судьямъ различныхъ инстанцій, равно какъ губернаторамъ и мериномъ отдѣльныхъ областей, алькальдамъ и альгвасиламъ отдѣльныхъ общинъ инструкціи и указы относительно способовъ примѣненія этихъ законовъ на практикѣ. Въ принципѣ эти инструкціи и указы имѣли значеніе служебное, такъ какъ цѣлью ихъ было приведеніе въ исполненіе законовъ, издаваемыхъ въ кортесахъ. Но съ конца XIV в., и особенно въ XV в., благодаря теоретической и практической дѣятельности легистовъ, принципъ этотъ нарушается: личное королевское законодательство постепенно утрачиваетъ свое служебное значеніе, и преслѣдуя свои собственныя задачи, парализуетъ и дѣлаетъ безплодной коллективную законодательную дѣятельность кортесовъ, по скольку послѣдняя направлена была къ сохраненію древнихъ фуэросовъ и служила препятствіемъ для централизационныхъ стремленій королевской власти ¹⁾.

„Указавъ намъ и на то, читаемъ въ § 37 актовъ кортесовъ 1379 г., что нѣкоторые изъ нашихъ подданныхъ приобрѣтаютъ королевскія грамоты, въ силу которыхъ нарушаются постановленія, составленныя нами въ кортесахъ въ угоду Божію и на служеніе намъ, они (депутаты) просятъ насъ издать распоряженіе о томъ, чтобы по-

¹⁾ Депутаты Вальядолидскихъ кортесовъ 1442 г. жаловались Хуану II на то, что „en las cartas que emanen de Vuestra Alteza se ponen muchas exorbitancias de derecho, en las quales se dize non obstantes leyes e ordenamientos e otros derechos, que se cumpla e faga lo que Vuestra Sennoria manda e quello manda de cierta sciencia e sabiduria e poderio rreal absoluto e que rrenoca e cassa e anulla las dichas leyes que contra aquello fazen o fazer pueden. C. de L. y C., t. III, p. 406, § 11.

вообще интересовъ общественнаго блага. Въ виду этого, почтительно умоляемъ Ваше Высочество разсмотрѣть какъ тѣ петиціи, которыя представлены были депутатами со времени наступленія Вашего совершеннолѣтія и которыя, вмѣстѣ съ отвѣтами на нихъ, хранятся у члена Вашего Совѣта, доктора Фернана Діасъ де Толедо, такъ и тѣ, которыя теперь представляемъ мы, явившись сюда по Вашему приглашенію¹⁾.

Въ началѣ XVI в., когда государственная централизація достигла большихъ успѣховъ, духъ областной независимости еще не исчезъ, и лучшими законами считались тѣ, которые основывались на знакомствѣ съ бытовыми и юридическими особенностями каждой составной части Кастильской монархіи. Только законы, стоявшіе въ соотвѣтствіи съ областными особенностями, могли удовлетворить, по воззрѣніямъ той эпохи, требованіямъ общественнаго блага и справедливости, но отнюдь не тѣ, которые устанавливали правовое единообразіе по всему королевству. Чтобы законы отвѣчали своему назначенію, они должны были составляться по совѣщанію съ депутатами, какъ единственными лицами, знакомыми съ мѣстными условіями. Такія заключенія можно вывести изъ слѣдующей замѣчательной петиціи, представленной депутатами Вальядолидскихъ кортесовъ 1506 г. Іоаннъ I и мужу ея Филиппу: „Древніе мудрецы и писатели говорятъ, что каждая провинція представляетъ свои отличительныя особенности, и потому законы и ордоннансы должны сообразоваться съ ними и не быть одинаковыми для всѣхъ областей. Въ виду этого короли, желая сдѣлать законы полезными какъ для всего королевства, такъ и для отдѣльных провинцій, установили практику созванія кортесовъ и совѣщанія съ депутатами въ случаяхъ необходимости изданія законовъ. Въ виду этого же издано было постановленіе о томъ, что законы не могутъ ни издаваться, ни отмѣняться иначе какъ въ кортесахъ“. Дальше депутаты просили царствующую чету не отступать отъ древней практики и законовъ и созывать кортесы всякій разъ, когда представится потребность издать новые законы, жалуюсь, въ заключеніе, на частое уклоненіе королей отъ этого порядка и на изданіе прагматическихъ санкцій, нарушающихъ интересы страны²⁾.—

¹⁾ C. de L. y C., t. III, p. 389, § 14.

²⁾ E porque fuera desta horden se an fecho muchas prematicas, deque estos vuestros rreynos se syenten por agrabiados. C. de L. y C., t. IV, p. 225, § 6.

Приведенная петиція свидѣтельствуєтъ о томъ, что въ началѣ XVI в. принципъ совмѣстной дѣятельности короля и чиновъ въ кортесахъ нарушался, но идея о законодательныхъ правахъ кортесовъ продолжала жить въ сознаниі общества.

III. Развитие личнаго королевскаго законодательства и упадокъ законодательнаго значенія кортесовъ.

Въ интересахъ возможно болѣе точнаго соблюденія законовъ, издаваемыхъ кортесами, короли, въ промежуткахъ между распусченіемъ однихъ и созваніемъ другихъ кортесовъ, должны были слѣдить за дѣятельностью судебныхъ трибуналовъ и органовъ исполнительной власти, давать судьямъ различныхъ инстанцій, равно какъ губернаторамъ и мериномъ отдѣльныхъ областей, алькальдамъ и альгвасиламъ отдѣльныхъ общинъ инструкціи и указы относительно способовъ примѣненія этихъ законовъ на практикѣ. Въ принципѣ эти инструкціи и указы имѣли значеніе служебное, такъ какъ цѣлью ихъ было приведеніе въ исполненіе законовъ, издаваемыхъ въ кортесахъ. Но съ конца XIV в., и особенно въ XV в., благодаря теоретической и практической дѣятельности легистовъ, принципъ этотъ нарушается: личное королевское законодательство постепенно утрачиваетъ свое служебное значеніе, и преслѣдуя свои собственныя задачи, парализуетъ и дѣлаетъ безплодной коллективную законодательную дѣятельность кортесовъ, по скольку послѣдняя направлена была къ сохраненію древнихъ фуэросовъ и служила препятствіемъ для централизационныхъ стремленій королевской власти ¹⁾.

„Указавъ намъ и на то, читаемъ въ § 37 актовъ кортесовъ 1379 г., что нѣкоторые изъ нашихъ подданныхъ приобрѣтаютъ королевскія грамоты, въ силу которыхъ нарушаются постановленія, составленныя нами въ кортесахъ въ угоду Божію и на служеніе намъ, они (депутаты) просятъ насъ издать распоряженіе о томъ, чтобы по-

¹⁾ Депутаты Вальядолидскихъ кортесовъ 1442 г. жаловались Хуану II на то, что „en las cartas que emanen de Vuestra Alteza se ponen muchas exorbitancias de derecho, en las quales se dize non obstantes leyes e ordenamientos e otros derechos, que se cumpla e faga lo que Vuestra Sennoria manda e quello manda de cierta sciencia e sabiduria e poderio rreal absoluto e que rrenoca e cassa e anulla las dichas leyes que contra aquello fazen o fazer puedén. C. de L. y C., t. III, p. 406, § 11.

добныя грамоты почтительно выслушивались, но не приводились въ исполнение (*que sean obdecidas e non suplydas*), и о томъ, чтобы постановленія, изданныя въ кортесахъ, могли быть лишаемы силы закона только путемъ рѣшенія самихъ же кортесовъ“ (*é lo que es fecho por Cortes o por ayuntamiento que no se pueda des fazer por las tales cartas salvo por Cortes*)¹⁾. Подобная же просьба представлена депутатами кортесовъ 1425 и др. годовъ²⁾. Короли отвѣчали согласіемъ на эти просьбы. Но это согласіе, какъ и клятвенное обѣщаніе соблюдать постановленія кортесовъ, которое, по желанію депутатовъ, приносили въ различныхъ случаяхъ короли, оставались безъ послѣдствій. „Клянусь моею королевскою честию, говорилъ Хуанъ II въ Вальядолидскихъ кортесахъ 1442 г., и обѣщаю, приводя во свѣдѣтельство имя Божіе, крестное знаменіе и слова св. Евангелія, къ которому тѣлесно прикасаюсь руками, въ присутствіи членовъ Совѣта, депутатовъ общинъ и нижепоименованнаго секретаря,—что буду сохранять и соблюдать законы должнымъ образомъ, не итти противъ нихъ и не позволять другимъ итти противъ нихъ въ какое бы то ни было время и какимъ бы то ни было образомъ³⁾“. Однако, вся послѣдующая исторія этого царствованія представляла рядъ нарушенийъ присяги, принесенной въ такой торжественной формѣ⁴⁾. Король не соблюдалъ своего слова, и едва ли могъ оставаться вѣрнымъ ему даже если бы хотѣлъ этого; сила обстоятельствъ была могущественнѣе воли и усилій отдѣльныхъ лицъ: иными словами король слѣдовалъ теченію эпохи, а свободолюбивые депутаты не могли остановить его. Издавая „*proprío motu*“ указы, подъ именемъ *cedulas*, *prematicas*, *ordenanzas* и т. д., которые нерѣдко стояли въ противорѣчій съ сословными привилегіями, фуэросами отдѣльныхъ областей и съ постановленіями кортесовъ, короли, чтобы устранить сомнѣнія у лицъ, обязанныхъ приводить въ исполненіе эти указы, дѣлали обычную оговорку о томъ, что послѣдніе должны имѣть предпочтеніе передъ всякими другими зако-

¹⁾ C. de L. y C., t. II, p. 288.

²⁾ C. de L. y C., t. III, p. 55, § 8.

³⁾ Marina, *Teoria de las Cortes*, t. III, Apen., p. II, pp. 37—40.

⁴⁾ Значительная часть памятниковъ законодательной дѣятельности Хуана II включаютъ въ себѣ характерное выраженіе: „*Et por esta mi carta mando e ordeno la qual ordenança mando que aya fuerça de ley asi como si fuese fecha en cortes*“ (Ma. de la Bibl. Nac. de Madrid=Cod. Ff. 77, f. 36, id. f. 50, 95 и т. д.), хотя бы издаваемый указъ стоялъ въ противорѣчій съ постановленіями кортесовъ.

нами и предписаніями. Въ виду все большаго усиленія и распространенія личнаго законодательства короля съ подобными оговорками, коллективное законодательство кортесовъ ео ipso утрачивало должный авторитетъ, и потому депутаты считали необходимымъ обращаться къ королямъ съ просьбой издавать, помимо общихъ рѣшеній или отвѣтовъ на петиціи, спеціальныя указы о соблюденіи и исполненіи этихъ рѣшеній¹⁾. Кромѣ вышеупомянутой оговорки, въ интересахъ приданія большей силы и авторитета своимъ указамъ, короли присоединяли къ нимъ еще другую, весьма характерную оговорку: „Этотъ указъ долженъ имѣть силу и значеніе закона такія же, какія имѣлъ бы онъ въ случаѣ составленія, установленія и обнародованія въ кортесахъ“ (*aya fuerza e vigor de ley assi como si fuese fecha é ordenada é establecida é publicada en Cortes*)²⁾. Эта оговорка служитъ косвеннымъ признаніемъ королей въ совершенной ими узурпации законодательныхъ правъ кортесовъ и свидѣтельствуетъ въ то же время о томъ, что въ принципѣ высшій законодательный авторитетъ еще принадлежалъ коллективной дѣятельности короля и сословій, хотя на практикѣ королевская власть успѣшно могла обходиться безъ ихъ сотрудничества.

Причины упадка законодательнаго значенія кортесовъ и перехода центра тяжести законодательной власти на короля отчасти были рассмотрѣны выше и заключались, главнымъ образомъ, въ развитіи централизаціи и усложненіи задачъ государственнаго управленія. Непосредственное сотрудничество чиновъ въ законодательныхъ предпріятіяхъ королей становилось все труднѣе, такъ какъ сословные представители, участвовавшіе въ кортесахъ, не обладали достаточными для этого познаніями и, кромѣ того, стремленія ихъ къ сословной и мѣстной независимости препятствовали установленію единообразія законовъ въ странѣ, что составляло одну изъ важнѣйшихъ задачъ королевской политики. Разумѣется, личное королевское законодательство было таковымъ лишь въ томъ смыслѣ, что осуществлялось внѣ кортесовъ, но это не значило, чтобы король обходился безъ сотрудниковъ; такими сотрудниками являлись профессиональные знатоки римскаго права—легисты, которые, въ качествѣ членовъ королевскаго

¹⁾ Такая просьба, напр., представлена была Хуану II депутатами Бургосскихъ кортесовъ 1430 г., Паленсійскихъ 1431 г. и др. *C. de L. y C.* t. III, pp. 83, 89, 104.

²⁾ *Ibidem*. См. также *C. de L. y C.* t. III, p. 31, § 1.

Совѣта и Аудіенціи, истолковывали законы, хаотическое состояніе которыхъ давало имъ возможность закрѣпить узурпаціи королевской власти въ области законодательства при помощи теорій римскаго и каноническаго права. Вмѣшательство легистовъ въ Кастильское законодательство являлось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ потребностей эпохи и необходимости установить извѣстный порядокъ и систему въ томъ хаосѣ законовъ, фуэросовъ и привилегій, какой представляло дѣйствующее право Кастиліи въ XIV и особенно въ XV в. Кромѣ статутовъ кортесовъ (*cuadernos* и *ordenamientos*) и личныхъ королевскихъ ордоннансовъ (*prematicas*, *cedulas*, *ordenanzas*). одновременно дѣйствовали кодексы и фуэросы самаго разнообразнаго происхожденія, содержанія и направленія.

Достаточно одного бѣглаго обзора этихъ фуэросовъ и кодексовъ, чтобы составить понятіе о тѣхъ трудностяхъ, которыя представляло изученіе и практическое примѣненіе такого разнообразнаго и часто противорѣчиваго въ себѣ законодательнаго матеріала.

Фуэро Судей (*Fuero Juzgo* или *Forum Judicum*), редактированный впервые на XVI Толедскомъ Соборѣ, въ XIII в. переведенъ былъ на кастильскій языкъ и пожалованъ въ 1241 г. Фердинандомъ Св. г. Кордовѣ и всей Андалузіи, въ качествѣ муниципальнаго фуэро. После изданія *Siete Partidas* фуэро этотъ утратилъ свое значеніе, но формально не былъ отмѣненъ.

Муниципальные фуэросы (*Fueros municipales*) представляли хартіи вольностей и привилегій отдѣльныхъ общинъ, начиная съ IX в. ¹⁾.

Древнее фуэро Кастиліи или фуэро Кастильскихъ гидальго (*Fuero Viejo de Castilla* или *Fuero de los Fijosdalgos de Castilla*) пред-

---

¹⁾ Эта въ высшей степени важная и любопытная группа историко-юридическихъ памятниковъ испанской исторіи никогда не была объединена въ одинъ кодексъ и до сихъ поръ мало изучена вслѣдствіе отсутствія сколько-нибудь полныхъ и удовлетворительныхъ изданій ихъ. Попытка Munoz y Romero издать собраніе этихъ фуэросовъ не можетъ быть признана удачною вслѣдствіе отсутствія какой бы то ни было системы въ распредѣленіи ихъ и желательной полноты. Нѣкоторые фуэросы остаются неизданными, какъ объ этомъ можно судить изъ „Каталога“ ихъ, опубликованнаго Мадридской Академіей исторіи. Серія критическихъ изданій отдѣльныхъ фуэросовъ, начатая съ „*El fuero de Aviles*“, изданнаго D. Aureliano Fernandez Guerra y Orbe (Madrid, 1865), къ сожалѣнію, не имѣетъ продолжателей.

ставлялъ сводъ привилегій и обычаевъ Кастильской знати, составленный въ началѣ XIII в., въ царствованіе Альфонса IX. Въ царствованія Альфонса XI и Педро I этотъ кодексъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ, въ силу которыхъ гидальго лишились нѣкоторыхъ изъ своихъ анархическихъ привилегій, какъ, напр., права отказываться отъ вассальнаго подчиненія королю (*desnaturalizarse*) и права объявлять ему войну ¹⁾. Рядомъ съ этимъ примитивнымъ законодательствомъ сословной монархіи, съ половины XIII в. развивается новое, подъ влияніемъ идей римскаго права, носителемъ которыхъ былъ знаменитый Альфонсъ X. Стремясь установить законодательное единство въ странѣ и поставить королевскую власть на должную высоту, онъ составилъ рядъ кодексовъ, изъ которыхъ „*Fuero Real de España*“ вводился постепенно въ жизнь. въ качествѣ фуэро отдѣльныхъ общинъ; *Fuero de la Corte del Rey* (фуэро королевской куріи) служилъ настоящимъ руководствомъ для высшихъ трибуналовъ Кастиліи въ XIV и XV вв.; *Leyes del Estilo*, *El Especulo* и, наконецъ, *Las Siete Partidas* представляли переработку декреталій, пандектъ, Юстиніанова кодекса и *Fuero Juzgo*. Изъ названныхъ кодексовъ только *Siete Partidas* получилъ легальную санкцію въ кортесахъ, но, несмотря на это, въ судебной практикѣ пользовались авторитетомъ и другія творенія ученаго короля ²⁾.

При такомъ состояніи дѣйствующаго права, самые противоположные интересы и стремленія могли находить извѣстное законное оправданіе, каждая изъ спорящихъ сторонъ, какъ бы противоположны ни были ихъ притязанія, могла въ подтвержденіе своихъ правъ сослаться на тѣ или другіе обычаи и законы, изъ которыхъ одни постановляли то, что запрещали другіе. Въ этихъ случаяхъ, когда два законодательства, древнее и новое, борются другъ съ другомъ, огромный авторитетъ приобрѣтаютъ юристы, истолковывающіе противорѣчивые или несогласные между собой законы въ пользу того начала, которому служатъ. Такимъ началомъ для кастильскихъ легистовъ XV в. являлись нормы римскаго права и безграничный авторитетъ королевской власти. Но дѣятельность легистовъ, вращавшаяся

¹⁾ Jordan de Asso y del Rio, *El Fuero Viejo de Castilla*, pp. XXXVI—XXXVIII.

²⁾ *Codigos antiguos de España* (Colección publ. por D. Marc. Mart. Aleubilla), t. I, pp. 5—6. 75—76, 104, 148. 191—194.

главнымъ образомъ въ сферѣ высшихъ трибуналовъ, не могла удовлетворить будничнымъ интересамъ общества и не представляла надежныхъ гарантій для огражденія правовыхъ интересовъ послѣдняго отъ нарушеній и злоупотребленій. Единственнымъ выходомъ изъ этого хаоса законовъ и судебного произвола была кодификація права, потребность въ которой ясно сознавалась обществомъ, какъ это можно заключить изъ петиціи, представленной Хуану II депутатами Мадридскихъ кортесовъ 1433 г., слѣдующаго содержанія:

„Указывая на то, что въ статутахъ, изданныхъ моими предками и мною со времени наступленія совершеннолѣтія, существуютъ нѣкоторые законы, имѣвшіе обязательную силу лишь для опредѣленнаго періода времени и для опредѣленной мѣстности, а другіе—находятся во взаимномъ противорѣчій другъ съ другомъ, что дѣлаетъ необходимымъ объясненіе и истолкованіе ихъ для устраненія порождаемыхъ сомнѣній,—вы просите меня назначить нѣкоторыхъ лицъ изъ моего Совѣта, которыя пересмотрѣли бы названные законы и статуты, изданные какъ моими предшественниками, такъ и мною, уничтожили бы то, что представляется лишнимъ и объединили бы названные законы въ сжатомъ и точномъ изложеніи съ тѣми толкованіями и объясненіями, которыя признають необходимыми... На это отвѣчаю вамъ, что говорите хорошо, и я намѣренъ распорядиться такъ ¹⁾.“

Просьба эта, однако, удовлетворена была значительно позже; между тѣмъ затрудненія, вытекавшія изъ хаотическаго состоянія законодательства, не только не ослабѣвали, но возрастали. Въ 1447 г. депутаты Вальядолидскихъ кортесовъ обратились въ Хуану II съ слѣдующей, „не тактичной“, по выраженію Семпере ²⁾, петиціей: „Такъ какъ, Могущественный Государь, въ *Siete Partidas*, въ фуэроссахъ и статутахъ, на основаніи которыхъ отправляется правосудіе въ вашемъ королевствѣ, существуютъ неясные и сомнительные законы, вслѣдствіе чего возникаютъ великіе споры и несогласія и чрезмерно затягивается рѣшеніе дѣлъ, то почтительно просимъ Вашу Сеньорію дать приказъ прелату и аудиторамъ, присутствующимъ въ Вашей

¹⁾ C. de L. y C., t. III, pp. 181—182.

²⁾ Historia del derecho, pp. 355—356.

Аудіенціи, истолковать и разъяснить возможно лучшимъ способомъ тѣ законы, которые они найдутъ сомнительными ¹⁾).

Обѣ приведенныя петиціи—крайне неосторожны: депутаты какъ бы признавали себя неспособными къ законодательной дѣятельности и, довѣрчиво вручая свои права въ руки легистовъ, усиливали ихъ значеніе и подрывали сами основы кастильскаго представительнаго образа правленія.

Желаніе депутатовъ относительно объединенія законодательства осуществлено было лишь въ царствованіе Изабеллы I, поручившей трудъ кодификаціи права члену своего Совѣта, доктору Алонсо Діасъ де Монтальво, который и исполнилъ въ 1484 г. возложенное на него порученіе, составивъ кодексъ законовъ подъ названіемъ „Ordenanzas Reales de Castilla“, дѣйствовавшій до времени Филиппа II, когда изданъ былъ новый кодификаціонный трудъ „Nueva Recopilación“. Трудъ Монтальво отражалъ на себѣ характерныя для всѣхъ легистовъ тенденціи въ пользу установленія абсолютизма королевской власти. Въ его кодексѣ, напр., опущены были постановленія Вальядолидскихъ кортесовъ 1351 г. о депутатскихъ иммунитетахъ, какъ несовмѣстимыя съ принципами неограниченной монархіи ²⁾).

Параллельно уtratъ кортесами законодательнаго значенія ослабѣвала и чуткость представителей націи къ нарушенію ихъ правъ. По временамъ депутаты представляли королю такого рода петиціи, которыя какъ бы санкціонировали узурпаціи, совершенныя королевскою властью въ области законодательства. Одна изъ петицій, представленныя Генриху IV въ Кордовскихъ кортесахъ 1455 г., составлена была въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Ваша Сеньорія, говорили депутаты, обращаясь къ королю: должны сдѣлать предписаніе о томъ, чтобы соблюдались и исполнялись всѣ законы, ордонансы, прагматическія санціи, изданныя Вашими предшественниками и особенно отцомъ Вашимъ, королемъ Д. Хуаномъ, какъ въ кортесахъ, такъ и инымъ образомъ“ (ansi de las que se hizieron e ordenaron en cortes commo en otra manera) ³⁾).

¹⁾ C. de L. y C., t. III, p. 523, § 22.

²⁾ D. Martin Fernandez, Derecho parlamentario, p. 65.

³⁾ C. de L. y C., t. III, pp. 676, 677, § 2.

Такимъ образомъ, сами же депутаты ставили на одну доску, какъ то, что постановлено было въ кортесахъ, такъ и то, что предписано было королемъ внѣ ихъ, причемъ особенное предпочтеніе отдавалось указамъ Хуана II, большинство которыхъ представляло рядъ нарушеній правъ кортесовъ! Подобная петиція являлась однимъ изъ наиболѣе яркихъ признаковъ упадка законодательнаго значенія кортесовъ.

ГЛАВА III.

ВОТИРОВАНИЕ НАЛОГОВЪ.

I. Право сословій вотировать налоги и случаи нарушенія его. II. Право контроля надъ взиманіемъ и расходованіемъ вотируемыхъ суммъ. III. Вліяніе сословій на управленіе государственнымъ хозяйствомъ, какъ одно изъ послѣдствій названныхъ правъ.

I. Право сословій вотировать налоги и случаи нарушенія его.

Одной изъ наиболѣе существенныхъ сторонъ дѣятельности Кастильскихъ кортесовъ было вотированіе налоговъ для удовлетворенія нуждъ государства и королевскаго двора, установленіе такихъ способовъ раскладки и взиманія разрѣшаемыхъ субсидій, при которыхъ обложеніе являлось бы возможно менѣе обременительнымъ для страны, и, наконецъ, контроль надъ расходованіемъ этихъ суммъ и провѣрка королевскаго бюджета.

Происхожденіе права сословій вотировать субсидіи теряется въ глубинѣ среднихъ вѣковъ и, по мнѣнію Марины, Альфонсъ VIII, обращаясь въ Бургосскихъ кортесахъ 1177 г. къ гидальго съ просьбою разрѣшить ему субсидіи на расходы по веденію осады г. Куэнки, слѣдоваль въ этомъ отношеніи незапамятному обычаю предковъ¹⁾. Договорное начало сословной монархіи, поскольку оно выражалось въ привилегіяхъ и фуэроссахъ, связывавшихъ отдѣльныя сословія съ короной взаимными и опредѣленными обязанностями, ограничивало свободу дѣйствій королевской власти и дѣлало для нея необходимымъ обращаться за согласіемъ къ подданнымъ всякій разъ, когда требованія ея превышали обычныя обязанности ихъ. Духовенство и дво-

¹⁾ Teoria de las Cortes. t. II, p. 387.

рянство пользовались изъятіемъ отъ несенія денежныхъ повинностей: первое—въ силу своихъ иммунитетовъ, послѣднее—благодаря своимъ привилегіямъ, являвшимся вознагражденіемъ за военныя услуги, которыя оказывало оно королю ¹⁾. Низшіе классы населенія, жители городовъ и деревень, обязаны были нести т. наз. фюральныя повинности, которыя устанавливались фуэросами отдѣльныхъ общинъ при ихъ основаніи или заселеніи. Однѣ общины платили больше, другія—меньше, третьи, наконецъ, вовсе были избавлены отъ платежа нѣкоторыхъ повинностей, въ зависимости отъ свойства тѣхъ фуэросовъ, которые управляли жизнью данной общины ²⁾. Эти фюральныя повинности составляли ординарные доходы короны, т. наз. *rentas foreras*. Если, въ силу извѣстныхъ причинъ, обыкновенныхъ доходовъ короля не хватало для удовлетворенія государственныхъ или придворныхъ нуждъ, или являлась необходимость привлечь привилегированные классы населенія къ уплатѣ субсидій, король не могъ требовать отъ подданныхъ того, чего они не должны были по праву, безъ ихъ согласія. Можно предполагать, что выступленіе въ кортесахъ представителей общинъ въ концѣ XII в., являвшееся послѣдствіемъ политическаго усиленія ихъ, непосредственно вызвано было необходимостью получать согласіе ихъ на установленіе новыхъ налоговъ, хотя первое извѣстіе, дошедшее до насъ о вотированіи кортесами, по вступ-

¹⁾ Fuero Viejo de Castilla, Lib. I, tit., I, ley III: El Monesterio Real de Burgos, e los otros Monesterios del Reyno, e de otras Ordenes, o de Fijosdalgo, e de donaciones, quel Rey aya fecho a ome, que non aya de facer al Rey pecho, nin otra cosa ninguna. Освобожденіе дворянства отъ несенія налоговъ было одновременно образованію этого сословія въ Кастиліи, какъ можно заключить изъ слѣдующаго документа, находящагося у Berganza (Antiguedades de Espana, parte I, capit. XVI, p. 307): „Heredado, é ensenorado el nuestro senor Conde D. Sancho del condado de Castiella, juntó gran gente de Castiella, é Leones, que le dió el Rey Bermudo é comenzó a facer franquezas é a començar a facer la Nobleza de Castiella . . . é fizo por ley é fuero, que todo ome, que quisiere partir con él a la guerra, a vengar la muerte de su padre en pelea, que a todos facia libres, que no pechasen el pecho é tributo, que fasta alli pagaban; e que non fuessen a la guerra de alli adelante sin soldada“.

²⁾ Такъ, согласно фуэро Логроньо, управлявшему областью Риоха и Баскскими провинціями, каждый житель обязанъ былъ платить по два солида въ годъ: согласно фуэро Миранда, кромѣ moneda forera, жители обязаны были нести въ пользу короля т. наз. *yanfar*, т. е. содержать короля и его свиту во время путешествій по странѣ и т. д. См. Munoz y Romero, Col. de fueros municipales, p. 334. F. Martin, Derecho parl., pp. 12—13.

леніи въ составъ ихъ депутатовъ, налоговъ, относится къ 1269 г., когда въ Бургосѣ созваны были кортесы, разрѣшившіе королю субсидію въ размѣрѣ шести „monedas foregas“ ¹⁾, т. е. въ шесть разъ болѣе того, что могъ собрать король со страны, не обращаясь за согласіемъ къ плательщикамъ. Подобнымъ же образомъ, въ 1288 г. созваны были кортесы въ Real Sobre Naro, разрѣшившіе королю опредѣленную субсидію на 10 лѣтъ, по 1 „servicio“ ежегодно ²⁾. Въ періодъ несовершеннолѣтія Фердинанда IV, Марія де Молина, какъ регентша, созвала весной 1301 г. кортесы въ Бургосѣ, изложила передъ чинами состояніе королевства, указала на то, что король благополучно приближается къ совершеннолѣтію, что главные опасности устранены, благодаря возвращенію въ вѣрность королю инф. Д. Хуана и Д. Хуана Нуньеса, но тѣмъ не менѣе, по словамъ королевы, положеніе дѣлъ продолжаетъ быть труднымъ, вслѣдствіе войны съ Арагонскимъ королемъ, съ инфантомъ Д. Альфонсомъ де ла Серда, претендовавшимъ на престолъ, и съ Гранадскимъ королемъ. Въ виду этого она просила у кортесовъ разрѣшить ей субсидію для выдачи жалованья рыцарямъ и для покупки папской буллы, которая легитимизировала бы рожденіе короля и другихъ сыновей ея. Соглашавшись съ доводами королевы и одобряя ея дѣйствія, депутаты охотно разрѣшили ей четыре субсидіи на веденіе войны и одну на узаконеніе короля ³⁾. Въ Бургосскихъ кортесахъ присутствовали лишь чины Кастиліи. Для полученія согласія на субсидію со стороны представителей Леона и Галисіи были созваны кортесы лѣтомъ того же года въ Саморѣ, составлявшіе какъ бы продолженіе первыхъ. Раздѣленіе однихъ и тѣхъ же кортесовъ на двѣ секціи, по смыслу сообщенія хроники Фердинанда IV, обуславливалось желаніемъ королевы избѣжать столкновенія между двумя могущественными грандами, инфантомъ Д. Хуаномъ и Д. Діего Лопесомъ де Гаро, оспаривавшими другъ у друга обладаніе Бискайей и являвшимися на кортесы въ сопровожденіи вооруженной и многочисленной свиты своихъ сторонниковъ. Д. Діего приглашенъ былъ на кортесы въ Бургосъ, а Д. Хуанъ—въ Самору. Д. Марія, указавъ представителямъ Леона и Гали-

¹⁾ C. de L. y C., t. I, 85.

²⁾ C. de L. y C., t. I, 101.

³⁾ . . . E los de la tierra, veyendo como la reyna obrava muy bien, tovieron todos por muy grand derecho de faser quanto ella mandava como era aguisado e con razon. Mem. del Rey D. Fer. IV, t. I, p. 81.

син, собравшимся въ Саморѣ, на рѣшеніе Бургосскихъ кортесовъ, обратилась къ нимъ съ предложеніемъ помочь ей, которое такъ же охотно было принято, какъ и въ Бургосѣ. Послѣ этого кортесы были распущены.

Право кортесовъ вотивать налоги основывалось на обычаяхъ и приобрѣло значеніе положительнаго закона не раньше начала XIV в.

Въ случаѣ, если король будетъ нуждаться въ налогахъ, онъ не долженъ требовать ихъ безъ предварительнаго согласія на то кортесовъ,—таковъ былъ основной принципъ, впервые сформулированный въ Вальядолидскихъ кортесахъ 1307 г. и послѣдовательно подтверждавшійся въ кортесахъ 1315, 1329, 1388, 1393 и 1420 гг.¹⁾ Этотъ же принципъ поставленъ былъ въ числѣ условій компромисса, состоявшагося въ 1465 г. въ Медина дель-Кампо между представителями Генриха IV и чинами королевства и подтвержденъ Изабеллой Католической въ ея завѣщаніи²⁾. Въ 1518 г., при вступленіи на Кастильскій престолъ, Карлъ V принесть вѣтвенное обѣщаніе не взымать никакихъ налоговъ безъ согласія представителей націи³⁾, а Филиппъ II включилъ законъ, запрещающій королю произвольное взыманіе налоговъ, въ составъ кодекса „Nueva Recopilacion“⁴⁾.

Однако, въ примѣненіи на практикѣ принципъ этотъ не всегда соблюдался, и самый фактъ повторенія одной и той же петиціи въ различныхъ случаяхъ свидѣтельствовалъ о томъ, что короли часто нарушали его. Примѣры нарушенія этого важнаго права націи встрѣчаются еще въ XIII в., именно въ царствованіе Альфонса X и Санчо IV, причемъ первый высказалъ даже мысль, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ обычай и крайняя необходимость могутъ дѣлать для короля лишнимъ обращаться къ чинамъ за разрѣшеніемъ на взыманіе тѣхъ или иныхъ налоговъ⁵⁾. Но осуществленіе этой доктрины на практикѣ имѣло послѣдствіемъ частыя возстанія въ царствованіе „ученаго“ короля. Населеніе городовъ и деревень, особенно страдавшее отъ незаконныхъ поборовъ, воспользовалось временнымъ ослабленіемъ коро-

¹⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 187 (§ 6), 274 (§ 4), 428 (§ 68), t. II, p. 527.

²⁾ Marina, op. cit. t. II, p. 391.

³⁾ C. de L. y C., t. IV, p. 262 (§ 4).

⁴⁾ Ley I, tit. VII, lib. VI.

⁵⁾ Siete Partidas, ley VIII, tit. I, part. II.

левской власти въ эпоху малолѣтства Фердинанда IV для упроченія своихъ правъ и организаціи сопротивленія противъ незаконныхъ дѣйствій королевской власти.

Городскіе союзы, или германдады, получившіе въ концѣ XIII в. сильное развитіе и широкое распространеніе, служили самымъ дѣйствительнымъ средствомъ заставить короля уважать права народа. 1295-й годъ былъ особенно плодотворенъ въ отношеніи образованія городскихъ союзовъ въ различныхъ частяхъ Кастильской монархіи. Такъ, въ этомъ году образованы были германдады среди общинъ Кастиліи, Леона, Галисіи, Мурсіи, а въ слѣдующемъ 1296 г., кромѣ того, такія же германдады образовали жители г. Куэньи и Баскскихъ общинъ—Салтандера, С. Себастьяна, Виторіи и др. Главною задачею этихъ союзовъ была защита фуэросовъ общинъ отъ нарушенія ихъ со стороны короля или магнатовъ и сопротивленіе противъ незаконнаго взиманія податей. Въ статутѣ Кастильской германдады, послѣ перечисленія тѣхъ повинностей, которыя должны нести жители Кастильскихъ общинъ въ пользу короля (*marzadga, moneda forera, yantar, fonsadega*), читаемъ слѣдующее: „Мы всегда должны охранять наши фуэросы, обычаи, привилегіи, хартіи и вольности такимъ образомъ: въ случаѣ, если король Фердинандъ, нашъ сеньоръ, или другіе короли, которые будутъ слѣдовать послѣ него, или алькальды или мэрины пожелали бы итти противъ нашихъ вольностей, всѣхъ или извѣстной части ихъ, какимъ бы то ни было образомъ или въ какое бы то ни было время, мы должны единодушно указать королю на обиду и потребовать удовлетворенія ея; если же удовлетворенія не послѣдуетъ, мы всѣ вмѣстѣ должны защищаться и сопротивляться противъ нарушенія вольностей, согласно привилегіи, данной намъ королемъ Санчо.“—„Если какой-нибудь человѣкъ“, читаемъ дальше: „принадлежащій къ союзу, представить королевскую грамоту, предписывающую взиманіе какого бы то ни было налога, вопреки фуэросамъ, онъ долженъ быть убитъ жителями той общины, куда явится, или другими членами германдады“¹⁾. Въ такомъ же духѣ составлены были статуты германдадъ, образованныхъ общинами Леона, Галисіи, Мурсіи и другихъ составныхъ частей Кастильскаго королев-

¹⁾ Carta de hermandad de los Concejos de Castilla. Mem. de D. Fern. IV, t. II, pp. 3, 6.

ства ¹⁾. Въ 1298 г. отдѣльныя германдады, существовавшія независимо другъ отъ друга сливаются въ одинъ общій союзъ, и этотъ союзъ всѣхъ общинъ королевства возобновляется въ эпоху малолѣтства Альфонса XI, въ 1315 и 1317 гг., предоставляя среднему сословию могущественную охрану его вольностей и интересовъ ²⁾. Но могущество германдадъ продолжалось не долго: во второй четверти XIV в., именно начиная съ 1329 г., Альфонсъ XI нанесъ имъ рядъ ударовъ, послѣ которыхъ городскіе союзы стали приходить въ упадокъ. Имѣя съ тѣмъ право кортесовъ вотивовать налоги и охранять хозяйственные интересы націи лишилось одной изъ существенныхъ опоръ, и злоупотребленія королевской власти въ вопросахъ обложенія страны налогами стали замѣтно учащаться. Какъ это можно видѣть на примѣрѣ т. наз. „алькабалы“, налога, установленнаго тѣмъ же Альфонсомъ XI. Собираясь въ 1342 г. завоевать у мавровъ Алхесирасъ и нуждаясь для этой цѣли въ огромныхъ денежныхъ средствахъ, которые не могли быть добыты изъ обыкновенныхъ ресурсовъ короны, король рѣшилъ установить налогъ на акты купли и продажи всякаго рода движимости и недвижимости, въ размѣрѣ 5% стоимости товара ³⁾. Налогъ этотъ, извѣстный подъ именемъ „алькабалы“, былъ заимствованъ у арабовъ и, какъ исключеніе, взимался еще раньше въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кастиліи, но при распространеніи по всему королевству явился такого рода нововведеніемъ, которое должно было оказать пагубное вліяніе на всѣ стороны народнаго хозяйства. Не имѣя возможности установить „алькабалу“ повсемѣстно безъ согласія кортесовъ и основательно опасаясь встрѣтить сильное сопротивленіе со стороны послѣднихъ, Альфонсъ XI раздѣлилъ силы оппозиціи, послѣдовательно созвавши кортесы въ четырехъ городахъ: Бургосѣ, Леонѣ, Саморѣ и Авилѣ, съ участіемъ въ каждомъ случаѣ чиновъ только данной области. Труднѣе всего было добиться согласія въ Бургосскихъ кортесахъ, но разъ послѣдніе дали согласіе на новый налогъ, подъ условіемъ взимать его лишь въ теченіе времени осады г. Алхесирасъ, король уже безъ особаго затрудненія достигъ своей цѣли и въ кортесахъ, созванныхъ въ другихъ городахъ ⁴⁾. Однако,

¹⁾ Ib., pp. 8, 46, 75, 81.

²⁾ Campomanes, Cartas politico-economicas, p. 31; Capmanj, Práctica y el estilo, p. 229, n. 2.

³⁾ Cron. del Rey D. Alfonso XI, p. 21.

⁴⁾ Cron. del Rey D. Alf. XI, pp. 335—338.

хотя налогъ былъ разрѣшенъ лишь на время осады Алхесирасъ, „алькабала“ взималась и послѣ завоеванія этой крѣпости, такъ какъ всегда находились предлоги возобновлять налогъ, особенно въ царствованіе такого популярнаго короля, какъ Альфонсъ XI, побѣды котораго снискали ему всеобщее уваженіе.

По взятіи Алхесирасъ, въ 1345 г. прелаты, магнаты и депутаты общинъ разрѣшили королю алькабалу еще на 6 лѣтъ на содержаніе пограничныхъ крѣпостей, съ условіемъ прекратить въ теченіе этого времени взиманіе другихъ налоговъ, за исключеніемъ „moneda forega“ и „fonsadega“, составлявшихъ постоянную ренту короны ¹⁾. Размѣры „алькабалы“ постепенно возрастали, и изъ временнаго налога она обращалась въ такую же постоянную королевскую ренту, какъ и вышеприведенныя двѣ повинности. Но если въ теченіе XIV в. короли постоянно обращались къ кортесамъ за согласіемъ для возобновленія этого налога ²⁾, то въ актахъ кортесовъ XV в., при перечисленіи субсидій, которыя вотировали сословія королю, названіе алькабалы исчезаетъ, и не потому, чтобы налогъ этотъ прекратилъ свое существованіе, а потому, что обратился въ постоянную королевскую ренту, для пользованія которой уже не считалось необходимымъ согласіе представителей націи.

Присяга, которую приносили короли или регенты, соблюдать условія, на которыхъ имъ разрѣшалась субсидія, такъ же какъ и клятвенное обѣщаніе ихъ не взимать налоговъ безъ согласія кортесовъ, представляли, сами по себѣ, весьма ненадежныя гарантіи соблюденія правъ народа и не разъ нарушались. Съ другой стороны, образованіе среди членовъ кортесовъ враждебныхъ партій, изъ которыхъ все большее значеніе пріобрѣтала партія, стоявшая на сторонѣ королевскихъ интересовъ и заглушавшая голоса оппозиціи, имѣло своимъ послѣдствіемъ уступчивость сословій въ отношеніи требованій короля.

Въ Толедскихъ кортесахъ 1406 г., послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ королемъ, депутаты разрѣшили ему 45 миліоновъ мараведи, вмѣсто потребованной имъ субсидіи въ размѣрѣ 100.200.000 мар., но за то предоставили ему право, въ случаѣ необходимости,

¹⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 482—483 (§ 15), 488 (§ 11).

²⁾ См. акты кортесовъ 1386, 1387, 1390, 1391, 1393 и 1394 г. г.

собрать и большую сумму, безъ спеціальнаго на то разрѣшенія кортесовъ, созывать которые лишній разъ, по словамъ инфанта Д. Фернандо, значило бы увеличивать безъ нужды издержки общинъ на содержаніе ихъ депутатовъ ¹⁾. Этой уступкой, хотя и временной, кортесы подвергали большому риску основной принципъ кастильской конституціи, въ силу котораго ни одинъ налогъ не долженъ быть взимаемъ безъ согласія чиновъ.

Въ Гвадалахарскихъ кортесахъ 1408 г. регенты и опекуны несовершеннолѣтняго Хуана II потребовали субсидію въ 60 милліоновъ на войну съ Гранадой. Требуемая субсидія была разрѣшена съ большою неохотой. Но въ сессію тѣхъ же кортесовъ прибыли гранадскіе послы, предложившіе заключить восьми-мѣсячное перемиріе, и предложеніе было принято. Казалось бы, что съ заключеніемъ перемирія устранялся и самый поводъ къ взиманію обременительной субсидіи, и въ этомъ смыслѣ депутаты сдѣлали указанія регентамъ: но послѣдніе заявили, что деньги должны быть приготовлены заранѣе на случай возобновленія войны, и депутаты снова уступили ²⁾.

Въ апрѣлѣ 1412 г. истекало новое перемиріе съ Гранадой, заключенное на 17 мѣсяцевъ. Предполагая возобновить борьбу и нуждаясь для веденія ея въ денежныхъ средствахъ, регенты созвали кортесы въ Вальядолидѣ и потребовали субсидію въ размѣрѣ 48 милліоновъ. Какъ и всегда, депутаты жаловались на бѣдственное положеніе страны и находили контрибуцію слишкомъ обременительной, но уступили требованіямъ регентовъ, потребовавъ отъ нихъ клятвенное обѣщаніе обратить разрѣшаемую субсидію только на военные нужды и ни на какія другія. Требуемая присяга была принесена королевой Каталиной и инфантомъ Д. Фернандо, управлявшими государствомъ по случаю несовершеннолѣтія Хуана II. Инфантъ, между тѣмъ, претендовалъ на Арагонскую корону на основаніи родственныхъ узъ съ пресѣвшейся династіей въ сосѣднемъ государствѣ и для осуществленія своихъ притязаній нуждался въ деньгахъ. Такъ какъ перемиріе съ маврами не было нарушено и субсидія, разрѣшенная кортесами, вслѣдствіе этого, оставалась нетронутой, то явилась сама собой соблазнительная мысль употребить эти деньги на соисканіе Арагонской короны. Члены Королевскаго Совѣта одобряли планъ инфанта на томъ осно-

¹⁾ Cron. del Rey D. Enr. III, pp. 260—261.

²⁾ Ibid., p. 304.

ваніи, что приобрѣтеніе имъ Арагонской короны будетъ служить къ вѣщей славы Кастиліи. Папа, передъ которымъ ходатайствовали инфантъ и раздѣлявшая его интересы королева объ освобожденіи ихъ отъ присяги, охотно удовлетворилъ ихъ желаніе. Но не смотря на все это, они не рѣшились обратитъ субсидію, предназначенную для войны съ маврами, на личныя нужды инфанта раньше, чѣмъ на это не дано было согласія кортесовъ¹⁾.

Хуанъ II проявлялъ гораздо меньше совѣстливости въ отношеніи соблюденія обязательствъ не взимать налоговъ безъ согласія кортесовъ и, въ случаѣ согласія, слѣдовать условіямъ, установленнымъ ими. Въ 1420 г. онъ, безъ разрѣшенія представителей націи, велѣлъ собрать съ населенія налогъ въ размѣрѣ шести „monedas foregas“, что вызвало слѣдующій замѣчательный протестъ со стороны депутатовъ, собравшихся въ томъ же году въ Вальядолидѣ на кортесы:

„Величайшій и Могущественнѣйшій Государь! Мы, депутаты, явившись сюда по призыву и приглашенію Вашей Сеньоріи, съ величайшимъ почтеніемъ заявляемъ, что въ понедѣльникъ 20 мая, въ Вашемъ Королевскомъ присутствіи, Толедскій архіепископъ изложилъ намъ мотивы этого приглашенія, заключавшіеся въ слѣдующемъ: Ваша Сеньорія постановили и предписали снарядить великую армаду и флотъ для оказанія помощи французскому королю, Вашему любезнѣйшему брату и союзнику... противъ англичанъ, о чемъ Ваша Сеньорія совѣщались съ депутатами 1419 г. Такъ какъ въ прошломъ году не могло быть сдѣлано то, что надлежало, то В. С. предписали завершить военныя приготовленія въ этомъ году. 18 милліоновъ мараведи субсидіи, разверстанной на семь monedas foregas и извѣстные налоги и разрѣшенной В. Сеньоріи депутатами прошлаго года въ кортесахъ, открытыхъ въ Медина дель Кампо, оказалось недостаточно. Понадобилось еще восемь monedas, которыя В. С. и велѣли собрать въ этомъ году, не спросивши раньше согласія на это городовъ, мѣстечекъ и деревень Вашего королевства и депутатовъ отъ ихъ имени, вопреки старинному обычаю. В. С. рассчитывали на ихъ лояльность и на то, что, понявъ причины такого распоряженія, они одобрятъ его. Причины эти заключались въ томъ, что съ военными приготовленіями надо было спѣшить, а на созваніе депутатовъ пришлось бы потратить много времени, между тѣмъ какъ замедленіе

¹⁾ Cron. del Rey D. Juan II, pp. 335, 336, 344.

представляло большую опасность. Итакъ, Ваша Сеньорія повелѣли созвать насъ съ цѣлью ознакомить насъ съ причинами, побудившими В. С. дать приказъ о собраніи 8 monedas безъ разрѣшенія депутатовъ, но не имѣвшій въ виду нарушенія хорошаго обычая, основаннаго на началахъ разума и справедливости, въ силу котораго города и мѣстечки Вашего королевства не должны подлежать обложенію какими бы то ни было новыми податями, раньше чѣмъ В. С. не заручитесь согласіемъ на это со стороны городовъ и мѣстечекъ Вашего королевства или депутатовъ отъ ихъ имени. Все это гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе изложилъ по Вашему порученію Толедскій архіепископъ.

Въ отвѣтъ на сказанное, могущественнѣйшій Государь, мы отъ себя и отъ имени городовъ и мѣстечекъ Вашего королевства высказали извѣстныя соображенія. Дѣйствительно, первая забота городовъ и мѣстечекъ Вашего королевства и наша отъ ихъ имени заключается въ сохраненіи и исполненіи всего того, что прямо касается служенія Вашей Величайшей Сеньоріи и является истиннымъ выраженіемъ Вашей воли. Это мы повторяемъ и заявляемъ теперь. Далѣе, въ видѣ протеста, но съ сохраненіемъ величайшаго и низжайшаго почтенія, какое только возможно, заявляемъ, что города и мѣстечки Вашего королевства испытывали и испытываютъ теперь невыразимую обиду, смущеніе и страхъ въ своихъ сердцахъ, опасаясь за будущее, разъ поколеблены столь древніе обычай и вольности, уважаемые государями всего міра, какъ католической, такъ и другой вѣры. Если авторитетъ и существованіе этого обычая будутъ нарушены или унижены, то не останется ни одной привилегіи или вольности, изъ которой подданные могли бы извлекать пользу и выгоду (*la cual toda su autoridad é estado seria menguado é abajado, no queda otro previllejo ni libertad de que los subditos puedan gozar ni aprovechar quebrantado el sobredicho*).

Продолжая протестъ и соблюдая почтеніе, заявляемъ также, что ни нужда, ни опасеніе за будущее, побудившія дѣйствовать Вашу Сеньорію такимъ образомъ, не могутъ служить оправданіемъ для подобныхъ правонарушеній, въ силу причинъ, которыя изложены были нами Вашей Сеньоріи болѣе обстоятельно и которыя считаемъ лишнимъ повторять теперь“.

Указавъ королю на всю незаконность его поступка и на всю важность для націи соблюденія существеннѣйшаго изъ правъ ея,

энергичные депутаты потребовали от Хуана II отмены сдѣланнаго распоряженія и письменное обязательство не вѣзять впредь никакихъ налоговъ безъ согласія представителей націи¹⁾.

Не смотря на это обязательство, король продолжалъ вѣзять налоги въ большемъ количествѣ, чѣмъ полагалось, что давало поводъ къ жалобамъ депутатовъ кортесовъ послѣдующаго времени. Субсидіями, разрѣшенными ему въ кортесахъ 1444 и 1445 гг., онъ распорядился вопреки условіямъ, на которыхъ онъ были вотиrowаны ему и въ соблюденіи которыхъ онъ клялся. Депутаты кортесовъ 1447 г., жалуясь на эти злоупотребленія, заявили ему, что придалѣннѣйшемъ увеличеніи податей, подданные его, не будучи въ состояніи нести ихъ, вынуждены будутъ оставлять свои жилища и переходить въ другія страны, гдѣ живетъ легче. Эти жалобы и упреки депутатовъ 1447 г., однако, не помѣшали имъ разрѣшить королю новую субсидію въ размѣрѣ 20 милліоновъ мараведи²⁾.

Большая или меньшая уступчивость депутатовъ при вотиrowаніи налоговъ, снисходительное отношеніе къ злоупотребленіямъ королевской власти или, наоборотъ, протесты противъ нарушенія народныхъ правъ и интересовъ зависѣли первоначально отъ случайныхъ причинъ, именно, отъ того или другаго состава депутатовъ кортесовъ; но усиленіе въ теченіе XV в. правительственнаго вліянія на муниципальные выборы дѣлало неизбѣжнымъ и упадокъ независимости кортесовъ, и то, что раньше являлось дѣломъ случая, постепенно становилось дѣломъ разсчета и системы. Ничто не свидѣтельствуетъ такъ краснорѣчиво объ упадкѣ самостоятельности кортесовъ, какъ раболопное поведеніе депутатовъ Саламанкскихъ кортесовъ 1430 г. Соглашаясь на предложеніе короля вотиrowать ему новыя субсидіи, они заявили при этомъ, что „будетъ сдѣлано все, что угодно его милости“ и что „предоставляютъ въ его распоряженіе тѣ города и мѣстечки, которые избрали ихъ своими депутатами, и все, что они имѣютъ“³⁾.

Еще болѣе нарушались права кортесовъ въ царствованіе Генриха IV. Субсидіи, которыя вотиrowали кортесы для опредѣленныхъ государственныхъ нуждъ, получали совсѣмъ неподходящее назначе-

¹⁾ C. de L. y C., t. III, pp. 23—28.

²⁾ C. de L. y C., t. III, pp. 496—499.

³⁾ Cron. del Rey D. Juan II, a. 1430, cap. XVI.

ніе, становясь добычей придворной „Камарилы“. Когда Генрихъ IV въ кортесахъ 1469 г., созданныхъ въ Одонѣ, просилъ депутатовъ помочь ему субсидіей, послѣдніе отвѣчали:

„Несомнѣнно, Могущественный Государь. Ваши подданные понимаютъ, въ какой упадокъ пришла Ваша Королевская Корона и въ какой нуждѣ и даже бѣдности обрѣтаетесь Вы. Движимые чувствомъ вѣрности и лойяльности, они желаютъ помочь Вамъ выйти изъ затруднительнаго положенія, но мы опасаемся, что въ случаѣ разрѣшенія Вамъ извѣстной суммы, она не будетъ собрана и израсходована должнымъ образомъ и что, несмотря на жертвы королевства, Вы по прежнему будете пребывать въ нуждѣ, такъ какъ одни лица захватятъ въ свою пользу тѣ суммы, которыя, при раскладкѣ, должны быть собраны съ принадлежащей имъ земли, а другія ловкимъ способомъ воспользуются Вашими грамотами, чтобы на основаніи ихъ присвоить себѣ то, что должно поступить въ Ваши руки. Такимъ образомъ, можетъ произойти то, что королевство вмѣсто того, чтобы услужить Вамъ, лишь удовлетворитъ корыстолюбіе отдѣльныхъ лицъ и что послѣднія, усилившись при помощи этихъ суммъ, будутъ еще менѣе покорны волѣ В. В. Въ виду этого, просимъ В. В. немедленно же издать регламентъ относительно способа взиманія суммъ, разрѣшенныхъ королевствомъ въ формѣ „pedido“ и „monedas“, и потребовать присягу отъ прелатовъ и рыцарей, какъ отъ пребывающихъ при Вашемъ Королевскомъ дворѣ, такъ и отъ тѣхъ, прибытіе которыхъ ожидается, въ томъ, что никто изъ нихъ не захватитъ въ свою пользу налоговъ, которые будутъ взимаемы съ принадлежащихъ имъ земель, раньше чѣмъ не получатъ Вашего распоряженія, разрѣшающаго имъ воспользоваться извѣстною частью собранныхъ суммъ на уплату жалованья ихъ вассаламъ“¹.

Въ царствованіе Изабеллы Католической кортесы не созывались въ теченіе 18 лѣтъ (1480—1498 г.). Грандіозныя предпріятія и реформы этого царствованія требовали огромныхъ денежныхъ средствъ, и средства эти добывались изъ страны безъ всякаго согласія и посредничества представителей націи. Но Изабелла I сознавала незаконность увеличенія раньше существовавшихъ или установленія новыхъ налоговъ безъ согласія кортесовъ, и въ своемъ завѣщаніи рекомендовала своимъ преемникамъ изслѣдовать происхожденіе и свой-

¹) C. de L. y C., t. III, p. 789, § 10.

ство различныхъ королевскихъ рентъ, опредѣлить, какія изъ нихъ вѣзались на законномъ основаніи, т. е. съ согласія кортесовъ, какія—нѣтъ и попросить у кортесовъ дозволенія продолжать сборъ тѣхъ налоговъ, которые ими еще не были разрѣшены¹⁾. Подобнымъ распоряженіемъ добродѣтельная королева, очевидно, хотѣла передъ смертію успокоить свою совѣсть, укоры которой не особенно давали себя чувствовать при жизни. Однако, память этой королевы настолько высоко чтилась въ Кастиліи, что въ послѣдующія времена эпоха Изабеллы представлялась, какъ одна изъ счастливѣйшихъ, а управление ея ставилось въ образецъ для подражанія ея преемникамъ. Карлъ V не вѣзаль налоговъ иначе, какъ съ согласія кортесовъ, но за то пользовался всѣми средствами, законными и незаконными, чтобы сломить сопротивленіе депутатовъ, когда требуемая субсидія являлась чрезчуръ обременительной для страны. Депутаты Вальядолидскихъ кортесовъ 1518 г. разрѣшили ему субсидію на 3 года, допуская возможность возобновленія ея по истеченіи этого срока не иначе, какъ въ случаѣ крайней необходимости²⁾. Но въ 1520 г. король потребовалъ у кортесовъ новыхъ и еще болѣе тяжелыхъ жертвъ, раньше еще истеченія срока субсидіи, вотиrowанной предшествовавшими кортесами, и, главное, на предпріятіе, которое стояло въ полномъ противорѣчій съ традиціями, интересами и желаніями кастильскаго народа, именно на путешествіе въ Германію и на соисканіе императорской короны. Лишь депутаты отъ Саламанки, Торо, Мадрида, Мурсіи, Кордовы, Толедо и одинъ депутатъ Леона до конца остались вѣрны своимъ полномочіямъ, не уступая королевскимъ требованіямъ, между тѣмъ, какъ большинство поддались дѣйствию запугиванія, обѣщанія милостей, подкупа и другихъ средствъ, употребленныхъ фламандскими министрами молодого короля, и разрѣшило королю требуюмую субсидію къ великому негодованію націи³⁾. Это событіе послужило одной изъ главныхъ причинъ начавшагося вслѣдъ затѣмъ возстанія комунеровъ, обратившихся къ силѣ оружія для защиты тѣхъ правъ народа, которыя невозможно было охранять мирными средствами.

¹⁾ Colmeiro, Del Gobierno, I, p. 369.

²⁾ C. de L. y C., t. IV, p. 284.

³⁾ Ferrer del Rio, Decadencia de Espana, p. 44.

До первой четверти XV в. въ вотиrowаніи налоговъ и субсидій принимали участіе не только представители общинъ, но и члены двухъ высшихъ сословій. Участіе послѣднихъ имѣло мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда налоги, вотируемые въ кортесахъ, распространялись на вассаловъ церкви и знати, или когда къ уплатѣ субсидій призывались и привилегированные классы кастильскаго общества. Доказательствомъ того, что не одни только представители общинъ вотиrowали налоги, но и члены дворянства и духовенства, вопреки распространенному въ литературѣ мнѣнію¹⁾, служатъ слѣдующіе факты. Въ Бургосскихъ кортесахъ 1269 г. гидальго разрѣшили королю субсидію на охрану границъ королевства²⁾. Въ 1302 г. Толедскій архіепископъ обратился къ Фердинанду IV съ протестомъ отъ своего имени и отъ имени епископовъ Толедской провинціи противъ взиманія налоговъ съ ихъ вассаловъ и подчиненныхъ имъ капитуловъ, заявляя, что на это ни одинъ изъ названныхъ прелатовъ не давалъ своего согласія и что всѣ они будутъ всячески противоdѣйствовать королевскимъ мѣрамъ, имѣющимъ цѣлью взиманіе неразрѣшенныхъ ими налоговъ³⁾. Въ 1322 г., по словамъ хроники Альфонса XI, всѣ прелаты, магнаты, гидальго и представители общинъ разрѣшили королю субсидію въ размѣрѣ пяти „servicios“ и одной „moneda foguea“⁴⁾. Въ Вальядолидскихъ кортесахъ 1325 г. члены духовенства просили короля, чтобы сборъ податей съ церковныхъ земель поручался не рыцарямъ, а королевскимъ сборщикамъ⁵⁾. Въ 1339 г. въ кортесахъ, созванныхъ въ Мадридѣ, Альфонсъ XI, указавъ на недостаточность средствъ, находившихся въ его распоряженіи, для веденія войны съ Португаліей, просилъ у духовенства поддержки. По словамъ той же хроники, всѣ архіепископы, епископы и аббаты Кастиліи согласились уступить ему часть доходовъ, и, кромѣ того, установили налогъ на все духовенство, что дало королю возможность осуществить свое предпріятіе. Въ 1342 г., какъ извѣстно уже, чины

---

¹⁾ Colmeiro, *Introd.*, I, pp. 86 и сл.; Gournon-Loubens, *Essai sur l'administration de la Castille*, pp. I и слѣд. Другіе ученые, какъ Марина, оставляютъ вопросъ этотъ безъ вниманія.

²⁾ C. de L. y C., t. I, p. 85.

³⁾ Mem. de D. Fern. IV, t. II, p. 316.

⁴⁾ Cron. del Rey D. Alf. XI, p. 199.

⁵⁾ C. de L. y C., t. I, p. 391.

разрѣшили королю алькабалу—налогъ, который, будучи взимаемъ при каждой сдѣлкѣ съ покупателей и продавцевъ всякаго рода движимости и недвижимости, по своему свойству, долженъ былъ распространяться на членовъ всѣхъ сословій. Но, начиная съ царствованія Педро I, короли стали освобождать отъ этого налога членовъ высшихъ сословій, нерѣдко даже отчуждая въ ихъ пользу сборъ этого доходнаго налога въ извѣстныхъ мѣстностяхъ королевства¹⁾. Въ кортесахъ 1387 г. гидальго согласились уступить королю субсидію, нормируя платежи шестью „doblas“ съ каждаго 20,000 мараведи состоянія²⁾. Кортесы 1388 г. постановили, что въ уплатѣ долга герцогу Ланкастерскому въ размѣрѣ 640,000 франковъ приметъ участіе все королевство, не исключая прелатовъ и гидальго³⁾. Наконецъ, въ кортесахъ 1393 г. постановлено было, что король не долженъ устанавливать новыхъ налоговъ безъ участія въ вотированіи ихъ всѣхъ трехъ сословій, и это постановленіе подтверждено было королевской присягой⁴⁾.

Но уже съ начала XV в. духовенство и дворянство все рѣже появляется въ кортесахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ участіе членовъ этихъ сословій въ вотированіи и уплатѣ налоговъ и субсидій прекращается⁵⁾. Экономическія выгоды представителей церкви и знати возрастали по мѣрѣ упадка ихъ политическаго значенія, но за то для средняго сословія, сдѣлавшагося почти исключительнымъ представителемъ націи въ кортесахъ, преимущества политическаго положенія окупались слишкомъ дорого, такъ какъ бремя налоговъ и субсидій съ тѣхъ поръ стало исключительно падать на низшіе и средніе классы общества. Представители общинъ прощали дворянскому сословію изъятіе его отъ уплаты субсидій на томъ основаніи, что гидальго служили королю и націи лично, отправляя военную службу, но не про-

¹⁾ Campomanes, op. cit., p. 34.

²⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 399—402.

³⁾ Cron. del Rey D. Juan I, p. 118.

⁴⁾ C. de L. y C., t. II, p. 527.

⁵⁾ Депутаты Вальядолидскихъ кортесовъ 1447 г. жаловались королю на упорное нежеланіе духовенства являться въ кортесы по королевскому призыву и платить субсидіи: „Otrosy Sennor, muchas vezes acahesçe que muchas personas ecclesiasticas son algunas vezes llamados por carta de vuestra alteza por algunas cosas complideras avuestro servijio, e non han querido venir por primero nin segundo nin terçero llamamiento segund que son obligados de venir allamamiento de su rrey e sennor natural. C. de L. y C., t. III, p. 533, § 29.

щали духовенству его иммунитетовъ. Депутаты Толедскихъ кортесовъ 1406 г. настоятельно просили короля принудить прелатовъ къ участию въ расходахъ на веденіе войны съ гранадскими маврами, указывая на священный характеръ борьбы съ врагами католической церкви и на нравственную обязанность духовенства принять въ ней участіе, если не лично, съ копьемъ въ рукахъ, какъ въ былыя времена, то, по крайней мѣрѣ, путемъ матеріальныхъ жертвъ въ видѣ денежныхъ субсидій и организаціи на свой счетъ военныхъ отрядовъ¹⁾. Кажется, что Генрихъ III раздѣлялъ мнѣніе депутатовъ и послѣдовалъ ихъ совѣту, такъ какъ депутаты Вальядолидскихъ кортесовъ 1411 г. просили регентовъ соблюдать сдѣланное покойнымъ королемъ распоряженіе, обязывавшее духовенство оказывать денежную помощь королю въ борьбѣ съ маврами. Старанія представителей общинъ на этотъ разъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, такъ какъ не только прелаты, но и гidalго согласились принять участіе въ уплатѣ субсидій, разрѣшенной всѣми тремя сословіями въ размѣрѣ 45 милліоновъ мараведи²⁾. Но въ послѣдующую эпоху мы уже не встрѣчаемъ больше указаній на участіе высшихъ сословій въ вотированіи субсидій, которое становится исключительнымъ удѣломъ депутатовъ общинъ.

II. Право контроля надъ взиманіемъ и расходованіемъ разрѣшаемыхъ субсидій.

Субсидіи, въ видѣ различныхъ податей и налоговъ, означаемыхъ въ актахъ кортесовъ названіемъ *servicio*, *moneda forera*, *ayuda*, *alcabala*, *pedido* и т. д.³⁾, каждый разъ разрѣшались королю на извѣстныхъ условіяхъ, въ соблюденіи которыхъ онъ, или регенты, какъ

¹⁾ Cron. del Rey D. Enr. III, pp. 261—262.

²⁾ C. de L. y C., t. III, pp. 5—9.

³⁾ Обыкновенно король указывалъ ту сумму, въ которой нуждался, а депутаты соответственно увеличивали размѣры существовавшихъ налоговъ, или же, въ рѣдкихъ случаяхъ, устанавливали по желанію короля новый типъ или форму обложенія, какъ это, напр., было съ алькабалой. Иногда же король подробно перечислялъ тѣ нужды, которыя заставляли его обращаться за субсидіей, представляя депутатамъ самимъ опредѣлить размѣры ея, какъ это имѣло мѣсто въ 1406 г. Изъ приведенныхъ терминовъ только *moneda forera* (налогъ, взимаемыйся сперва черезъ каждыя 7, а потомъ черезъ каждыя 5 лѣтъ, въ знакъ признанія королевскаго суверенитета) и алькабала представляли болѣе или менѣе опредѣленные типы обложенія; остальные же имѣли общее значеніе субсидій, размѣры которыхъ варіировались. По расчету депутатовъ 1817 г. пять *servicios* могли бы

и члены королевской фамилии, обыкновенно должны были приносить присягу. Условия эти выражались въ требованіи, во-первыхъ, чтобы сумма, собранная королевскими сборщиками въ извѣстные сроки и поступавшая затѣмъ на храненіе къ королевскимъ казначеймъ, получала назначеніе на тѣ именно нужды, для удовлетворенія которыхъ была потребована и вотирована; во-вторыхъ, чтобы налоги не вимались въ большемъ количествѣ, чѣмъ то, которое разрѣшено было въ кортесахъ, и, наконецъ, чтобы сборъ разрѣшенныхъ налоговъ продолжался лишь столько времени, сколько и нужды, вызвавшія ихъ установленіе.

Хотя названныя условія и не всегда соблюдались, особенно въ концѣ изучаемаго періода, можно думать, что они ставились при каждомъ случаѣ вотирования налоговъ. Такъ, Мадридскіе кортесы 1329 г. разрѣшили королю виманіе десятой части стоимости товаровъ, ввозимыхъ въ города, въ теченіе трехъ лѣтъ, съ условіемъ прекратить этотъ сборъ по истеченіи указаннаго срока¹⁾; кортесы 1338 г. потребовали отъ Хуана I обязательства въ томъ, что разрѣшенную ему субсидію онъ употребитъ на уплату долга герцогу Ланкастерскому и ни на какія другія нужды²⁾; кортесы 1407 г. приняли отъ регентовъ присягу въ томъ, что разрѣшенная имъ субсидія въ 45 милліоновъ мар. будетъ издержана только на военныя нужды³⁾; по желанію депутатовъ Паленсійскихъ кортесовъ 1425 г., Хуанъ II и члены совѣта присягнули въ томъ, что не будутъ расходовать разрѣшенную субсидію въ 38 милліоновъ на инныя нужды, кромѣ войны съ Гранадой, и, въ случаѣ намѣренія обратить эту сумму на другія нужды, не сдѣлають этого безъ особаго на то разрѣшенія кортесовъ⁴⁾. На подобныхъ же условіяхъ вотированы были субсидіи кортесами 1435⁵⁾ и 1515 гг.⁶⁾.

составить 8 милліоновъ мараведи, но въ виду ослабленія платежной способности крестьянъ (pecheros) нельзя было надѣяться собрать болѣе пяти милліоновъ (C. de L. y C., t. I, p. 316, § 45).

¹⁾ C. de L. y C., t. I, p. 435, § 86.

²⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 408—410.

³⁾ Cron. del Rey D. Enr. III, p. 282.

⁴⁾ Cron. del Rey D. Juan II, p. 433.

⁵⁾ Condiciones con que los procuradores concedieron cincuenta y cinco cuentos de servicio juradas por el Rey etc.—Ms. del Arch. gen. de Simancas.—Patr. Real, Leg.^o 1°, ano de 1435. См. приложение.

⁶⁾ C. de L. y C., t. IV, p. 249: que si cesaba la guerra, cesase tambien el servicio y no se hiciese renta ordinaria.

Ревниво охраняя хозяйственные интересы нации, депутаты понимали, что ограничение разрѣшаемыхъ королю субсидій извѣстной цифрой не могло бы обезпечить плательщиковъ отъ лишннихъ поборовъ, если бы въ то же время не установленъ былъ извѣстный порядокъ и контроль въ самомъ взиманіи податей. Въ виду этого, согласно петиціямъ депутатовъ кортесовъ 1286 г. и цѣлаго ряда послѣдующихъ въ XIV и XV вв., было запрещено поручать или отдавать на откупъ сборъ податей евреямъ, маврамъ, членамъ дворянства или духовенства, алькальдамъ и другимъ должностнымъ лицамъ, которыя могли бы обременять народъ незаконными поборами или злоупотреблять своею властью, и постановлено назначать сборщиками податей исключительно обывателей общинъ, постоянныхъ и состоятельныхъ (*omes buenos*)¹⁾. Стремленіе депутатовъ сдѣлать взиманіе налоговъ возможно менѣе обременительнымъ для тяглаго населенія не останавливалось на этихъ мѣропріятіяхъ. Въ Карріонскихъ кортесахъ 1317 г. и Вальядолидскихъ 1322 г. постановлено было, кромѣ того, что сборъ податей въ каждомъ случаѣ будетъ поручаться не одному лицу, а двумъ или нѣсколькимъ, въ интересахъ коллегіальнаго контроля, что сборщики податей будутъ представлять отчетъ въ собранныхъ ими суммахъ при королевскомъ дворѣ или въ главныхъ городахъ епископствъ; и что, наконецъ, въ случаѣ смерти какого-нибудь изъ сборщиковъ отвѣтственность въ правильности счетовъ его должна падать на его наслѣдниковъ²⁾. Въ Сеговійскихъ кортесахъ 1386 г. предписано было выдавать сборщикамъ вознагражденіе въ размѣрѣ 15 мараведи съ каждой собранной тысячи и т. д.

Изъ права кортесовъ ставить королю условія для расходованія разрѣшенныхъ субсидій вытекало другое, именно право контроля надъ ихъ употребленіемъ и надъ общимъ состояніемъ королевскаго казначейства. Право это, какъ и первое, основывалось на обычаяхъ и осуществлялось, повидимому, чаще въ XIII и XIV вв., чѣмъ въ XV, когда дѣйствія королевской власти все болѣе ускользали изъ подъ парламентарнаго контроля. По вступленіи на престолъ Фердинанда

¹⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 97 (§ 10), 149 (§ 16), 163 (§ 5), 175 (§ 9), 176 (§ 10), 182 (§§ 8, 9), 224 (§ 7), 239 (§ 20), 275 (§ 6), 307 (§ 20), 330 (§ 31), 342—343 (§ 18), 361 (§ 82), 383 (§ 24) etc.

²⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 306 (§ 13), 344 (§ 23).

IV въ 1295 г., депутаты, созванные въ Вальядолидъ на кортесы, потребовали у регентовъ отчетъ о расходованіи суммъ, которыя воти-
ровались кортесами въ теченіе царствованія Санчо IV. Въ 1315 г.
депутаты Бургосскихъ кортесовъ, раньше чѣмъ разрѣшить потребо-
ванную регентами субсидію, пожелали узнать цифру королевскихъ
доходовъ¹⁾. Въ 1317 г. прелаты, дворяне и депутаты, собравшись въ
Карріонъ на кортесы, немедленно же принялись за провѣрку отчета
по управленію королевскими финансами, представленнаго опекунами
малолѣтняго Альфонса XI, и посвятили на это занятіе четыре мѣ-
сяца²⁾. Депутаты Мадридскихъ кортесовъ 1329 г., по провѣркѣ сче-
товъ королевскаго казначейства, указали Альфонсу XI на рядъ зло-
употребленій, совершенныхъ главнымъ казначеемъ, евреемъ Юсафомъ,
вслѣдствіе чего послѣдній лишенъ былъ занимаемой должности и
издано было постановленіе, чтобы впредь евреи не были королев-
скими казначеями³⁾. Депутаты 1340 г. въ Аренѣ охотно разрѣшили
королю новую субсидію, „видя, какъ хорошо распорядился онъ сум-
мами, вотиrowанными ему раньше“⁴⁾. Въ царствованіе Хуана I кор-
тесы осуществляли право контроля надъ расходованіемъ собранныхъ
съ населенія налоговъ строже, чѣмъ когда бы то ни было, хотя до-
бросовѣстность этого короля дѣлала это и излишнимъ до извѣстной
степени. Въ одномъ изъ засѣданій Вальядолидскихъ кортесовъ 1385 г.,
въ отвѣтъ на распространившіеся въ странѣ слухи о произвольномъ
взиманіи налоговъ, король заявилъ слѣдующее: „Такъ какъ говорятъ,
что съ населенія взимаютъ больше налоговъ, чѣмъ нужно, то, же-
лая убѣдить всѣхъ, насколько непріятно намъ увеличивать налоги и
взимать ихъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ необходимо, а также и въ
томъ, что собранныя суммы расходуются какъ должно, мы поста-
новляемъ, что въ наше личное распоряженіе не поступитъ ни одна
часть изъ вотиrowанныхъ королевствомъ суммъ, и что послѣднія бу-
дутъ расходоваться не иначе, какъ съ согласія членовъ совѣта“⁵⁾.
Тотъ же король съ большою готовностью удовлетворилъ желаніе де-
путатовъ 1386 г. представить имъ отчетъ о расходованіи суммъ, воти-
rowанныхъ кортесами предыдущаго года.

¹⁾ Cron. del Rey D. Alf. XI, p. 179.

²⁾ Cron. del Rey D. Alf. XI, pp. 180—181.

³⁾ Cron. del Rey D. Alf. XI, pp. 223—224.

⁴⁾ Cron. del Rey D. Alf. XI, p. 331.

⁵⁾ C. de L. y C., t. II, p. 334.

„Дѣлаемъ мы это (т. е. предписаніе казначеямъ представить въ кортесы требуемый отчетъ), говорилъ Хуанъ I, по двумъ причинамъ: потому, во-первыхъ, что сознаемъ свою обязанность всегда соблюдать предписанія закона; во-вторыхъ, потому что желаемъ избавить себя отъ напрасныхъ нареканій въ томъ, будто деньги расходуются не такъ, какъ должно... Поэтому повелѣваемъ нашимъ казначеямъ представить вамъ отчетъ въ такой формѣ, чтобы вы могли проверить расходы до мелочей; и если найдете, что въ самомъ дѣлѣ деньги издержаны не такъ, какъ должно, то укажите намъ это, чтобы, слѣдуя вашему доброму совѣту, мы могли исправить свои ошибки возможно лучшимъ образомъ“¹⁾. Такой же отчетъ въ расходованіи вотилованныхъ субсидій представленъ былъ Хуаномъ I въ кортесахъ 1387 и 1388 гг.²⁾

Честность короля и заботливость кортесовъ о соблюденіи правъ и хозяйственныхъ интересовъ націи шли рука объ руку въ этотъ счастливѣйшій періодъ парламентарной исторіи Кастиліи. Самый языкъ рѣчей, съ которыми обращались депутаты къ королю, свидѣтельствовалъ о силѣ и значеніи учрежденія. Уступая Хуану I въ 1390 г. ежегодную субсидію въ 35 милліоновъ мар. на шесть лѣтъ для образованія фонда на расходы по предстоявшей войнѣ съ Португаліей, депутаты Гвадалахарскихъ кортесовъ заявили, что, „не зная, какъ будетъ израсходована столь великая сумма, было бы весьма нечестно и убыточно обѣщать больше“ (*miu grand vergüenza é dano prometer mas*)³⁾. Иногда, въ интересахъ большаго обезпеченія правильнаго расходованія извлекаемыхъ изъ страны средствъ, короли, по желанію депутатовъ, назначали изъ среды городского сословія особую комиссію для пріема, храненія и выдачи этихъ суммъ на расходы. Такія комиссіи организовались въ 1388 и 1425 гг.⁴⁾

III. Вліяніе сословій на управленіе государственнымъ хозяйствомъ.

Государственное и лично-королевское хозяйство въ изучаемый періодъ были тѣсно связаны между собой, и потому нужды государствен-

¹⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 358—359.

²⁾ C. de L. y C., t. II, p. 409.

³⁾ Cron. del Rey D. Juan I, p. 131.

⁴⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 409—410; Cron. del Rey D. Juan II, p. 433.

ныя и нужды королевскаго двора легко отождествлялись другъ съ другомъ. Для народа важно было, чтобы въ управленіи королевскимъ хозяйствомъ соблюдались порядокъ и бережливость. При соблюденіи этого условія король находилъ въ своихъ рентахъ необходимые ресурсы для удовлетворенія обычныхъ нуждъ государства и двора и не обременялъ народа частными и тяжелыми поборами. Вліяніе, которое оказывали кортесы на управление государственнымъ хозяйствомъ и на регулированіе королевскаго бюджета, основывалось на правѣ вотирования налоговъ, на правѣ контроля надъ расходою субсидій и на правѣ петицій.

Проѣрка состоянія королевскаго хозяйства обыкновенно приводила представителей націи къ сознанію, что обычныхъ королевскихъ доходовъ было недостаточно не только для удовлетворенія чрезвычайныхъ нуждъ, но и для покрытія текущихъ расходовъ по содержанію королевскаго двора и администраціи. Причины отсутствія равновѣсія въ королевскомъ бюджетѣ заключались, главнымъ образомъ, въ безпрерывномъ отчужденіи короной ея доменовъ и рентъ въ пользу церкви и дворянства и въ отсутствіи бережливости въ веденіи дворцоваго хозяйства.

Одинъ изъ основныхъ законовъ королевства требовалъ, чтобы король сохранялъ цѣлостность его и не отчуждалъ своихъ „вотчинъ“ (*eredamientos*) въ пользу частныхъ лицъ. *Fuero Viejo* ¹⁾ и *Siete Partidas* ²⁾ устанавливали этотъ законъ положительнымъ образомъ, а депутаты общинъ постоянно заботились о томъ, чтобы король не нарушалъ его. Петиціи этого рода мы встрѣчаемъ еще въ XIII в., но фактъ частаго повторенія ихъ въ XIV и особенно въ XV в. свидѣтельствуетъ о томъ, что процессъ перемѣщенія поземельной собственности „*realengo*“ въ руки дворянства и церкви, постепенно усиливался, особенно со времени перехода престола во власть династіи Трастамара. Съ переходомъ поземельной собственности „*realengo*“ въ руки дворянства или церкви посредствомъ куплей, завѣщаній и королевскихъ пожалованій на пожизненномъ или наслѣдственномъ правѣ, измѣнялся и юридическій характеръ ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялись социальныя и экономическія отношенія общества въ смыслѣ

¹⁾ Lib. I, tit. I, ley I.

²⁾ Part. II, tit. XV, ley II.

неблагоприятномъ для интересовъ народной массы и самого фиска. Депутаты старались остановить разорительный для страны процессъ и, если это не всегда удавалось, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлать послѣдствія его менѣе чувствительными для интересовъ народнаго хозяйства. Акты кортесовъ наполнены петиціями, цѣлью которыхъ было возстановленіе подъ властью короля отчужденныхъ владѣній и правъ или принужденіе новыхъ владѣльцевъ королевскихъ доменовъ предоставить фиску раньше принадлежавшія ему права¹⁾. Отчужденіе коронныхъ владѣній имѣло естественнымъ послѣдствіемъ уменьшеніе обычныхъ доходовъ короля и соотвѣтственное увеличеніе бремени податей, которыя несли непривилегированные классы населенія, какъ это высказали депутаты Саламанскихъ кортесовъ 1465 г. въ слѣдующей петиціи:

„Кромѣ того, могущественнѣйшій король и сеньоръ, умоляемъ Ваше Высочество о томъ, чтобы угодно было Вамъ не дарить, не уменьшать и не отчуждать своихъ ординарныхъ доходовъ, особенно на правѣ наслѣдственнаго владѣнія, такъ какъ въ этомъ случаѣ невозможно надѣяться на возстановленіе ихъ подъ Вашей властью. Послѣдствіемъ этого (т. е. отчужденія) является то, что В. С. оказываетесь въ необходимости требовать субсидіи и налоги, разоряющіе и удручающіе Вашихъ подданныхъ“²⁾.

Такія же послѣдствія имѣли и щедрая раздача королями XV в. различнымъ лицамъ грамотъ на званіе гидальго, освобождавшихъ ихъ отъ уплаты налоговъ³⁾, и изыятіе многочисленнаго класса королевскихъ должностныхъ лицъ съ потомствомъ ихъ отъ несенія всѣхъ или нѣкоторыхъ только повинностей. „Если дѣло будетъ продолжаться такимъ же образомъ и впредь, говорили Хуану II депутаты Саморскихъ кортесовъ 1432 г., то это причинитъ великій вредъ королевству, ибо всѣ плательщики въ скоромъ времени окажутся свободными и изыатыми, некому будетъ платить налоговъ, некому будетъ помогать Вамъ въ случаѣ нужды, или, по меньшей мѣрѣ, ихъ

¹⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 119, § 3 (1293), 141 (1299), 274, § 2 (1315), 291 (id.); t. II, pp. 126, § 6 (1351), 153, § 17 (1367), 204, § 3, 203, § 12 (1371); t. III, pp. 58, § 13 (1425), 536, § 33 (1447), 670, § 26 (1453) etc.

²⁾ C. de L. y C., t. III, p. 758 (§ 19).

³⁾ C. de L. y C., t. III, p. 863 (§ 14).

будетъ такъ мало, что они не въ состояніи будутъ оказывать Вамъ какихъ бы то ни было услугъ“¹⁾).

Процессъ сокращенія королевскихъ владѣній и доходовъ быстрыми шагами подвигался впередъ, со времени вступленія на престолъ Генриха II. Дѣло дошло до того, что внукъ его, Генрихъ III, „возвращаясь однажды домой съ охоты, не имѣлъ бы возможности пообѣдать, если бы не заложилъ плаща, который носилъ на своихъ плечахъ“²⁾. Но этотъ король, благодаря расчетливости и бережливости, привелъ свое хозяйство сравнительно въ блестящее состояніе, по крайней мѣрѣ депутаты Вальядолидскихъ кортесовъ 1447 г. ставили въ примѣръ подражанія разумное веденіе хозяйства Генрихомъ III сыну его Хуану II³⁾, при которомъ, такъ же какъ и при сынѣ его Генрихѣ IV, дѣла снова пришли въ отчаянное положеніе⁴⁾. Только Изабелла Католическая, при дѣятельномъ содѣйствіи депутатовъ Толедскихъ кортесовъ 1480 г., была въ состояніи установить извѣстное равновѣсіе въ королевскомъ хозяйствѣ, путемъ возстановленія подъ своею властью значительной части владѣній, отчужденныхъ ея предшественниками⁵⁾.

Расходы на содержаніе королевскаго двора также обращали много вниманія депутатовъ, старавшихся и въ этомъ отношеніи водворить возможную экономію съ цѣлью избавить страну отъ лишнихъ налоговъ. Согласно петиціи депутатовъ Вальядолидскихъ кортесовъ 1258 г., постановлено было, что король и его супруга должны расходовать ежедневно на столъ („проѣдать“) не болѣе 150 мараведи, не тратить денегъ на угощеніе постороннихъ лицъ, слѣдить за тѣмъ, чтобы члены королевской свиты соблюдали умѣренность въ ѣдѣ, и

¹⁾ C. de L. y C., t. III, p. 147 (§ 38).

²⁾ Campomanes, Cartas politico-economicas, p. 39.

³⁾ E plega a vuestra Alteza querer tomar enxemplo del Rey don Enrique vuestra padre . . . que con muy gran parte non avia tantas rrentas commo vuestra merced oy ha, e segund su buena horden e regla e moderada medida que tenia en las despende e destribuir, et tercio o el quarto de sus rrentas le sobrauan e de aquellas propias rrentas suyas tenia allegado grandes thesoros commo a Vuestra merced es bien notorio. C. de L. y C., t. III, p. 506, § 4.

⁴⁾ Su Alteza no tiene al presente renta con que pueda sostener su Real Estado ni proveer, en las cosas complideras a su Servicio è esecucion de su justicia, è a la buena gobernacion de sus reinos. Col. de documentos ineditos para la historia de Espana, t. XIII, p. 567.

⁵⁾ C. de L. y C., t. IV, p. 108.

вообще издерживать меньше, чѣмъ издерживается теперь“¹⁾. Представители націи пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы рекомендовать королямъ умѣренность въ расходахъ на содержаніе двора, какъ это видно изъ петицій кортесовъ 1325, 1388, 1393, 1442, 1469 и др. гг.²⁾. Въ царствованіе Карла V депутаты ставили ему въ упрекъ его непроизводительные расходы на содержаніе двора въ размѣрѣ ежедневныхъ 150,000 мараведи и, какъ на образецъ подражанія, указывали на умѣренность „католическихъ“ Изабеллы и Фердинанда, которые не отказывали себѣ ни въ чемъ необходимомъ и, тѣмъ не менѣе, не тратили на содержаніе двора болѣе 12—15.000 мараведи въ день³⁾. Разумѣется, указанные вопросы не исчерпываютъ всего круга вліянія кортесовъ на управленіе государственнымъ и народнымъ хозяйствомъ: мы указали лишь на тѣ стороны послѣдняго, регулированіе которыхъ стояло въ болѣе или менѣе непосредственной связи съ правомъ кортесовъ вотивовать налоги. Но можно утверждать, что не было ни одного вопроса въ экономической исторіи Кастиліи изучаемаго періода, на разрѣшеніе котораго такъ или иначе не вліяли бы представители націи. Регламентация цѣнъ на продукты (см. акты кортесовъ 1252, 1256, 1268 и др. гг.) и заработной платы, особенно въ эпохи великихъ хозяйственныхъ кризисовъ, какъ, напр., послѣ опустошеній, произведенныхъ въ Кастиліи Черною смертью 1348 г. (см. акты 1351 г.), установленіе сumpтуарныхъ законовъ, регулированіе цѣнности монетныхъ знаковъ, принятіе мѣръ къ возстановленію истиннаго вѣса и качества монеты, когда она подвергалась порчѣ подъ вліяніемъ фискальныхъ стремленій королевской власти, введеніе однообразія въ монетномъ обращеніи по всему королевству (см. акты 1303, 1387, 1388, 1451, 1471, 1480 и др. гг.) и т. д.⁴⁾, все это входило въ сферу компетенціи кортесовъ, но стояло болѣе въ связи съ законодательными правами ихъ, или съ правомъ петицій, чѣмъ съ правомъ вотивовать налоги. — Право кортесовъ вотивовать налоги, не смотря на случаи нарушенія его въ те-

¹⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 55—56, §§ 1—6.

²⁾ C. de L. y C., t. I, p. 373, § 1; t. II, pp. 413, 527, t. III, pp. 422, 783.

³⁾ Marina, op. cit., t. II, p. 426.

⁴⁾ Большая часть цит. актовъ издана въ собраніи „C. de L. y C.“, за исключеніемъ актовъ кортесовъ (или свѣдѣній о нихъ) 1252 г. (см. Mem. de la Real Ac. de la Hist., t. VIII, p. 29), 1256 г. (Colmenares, Hist. de Seg., p. 215) и 1480 г. (Mem. de la Real Ac. de la Hist., t. VI, p. 395), помѣщенныхъ въ другихъ изданіяхъ

ченіе XV в, являлось, по своимъ послѣдствіямъ, самымъ существеннымъ и давало возможность націи оказывать вліяніе не только на хозяйственное управленіе, но, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, и на другія стороны государственной жизни. Однако, они не сумѣли удержать за собой и закрѣпить навсегда тѣхъ уступокъ королевской власти въ области парламентарнаго режима, которыя достигнуты были ими на почвѣ осуществленія этого права; они не умѣли пользоваться денежными затрудненіями короны для расширенія своихъ правъ и упроченія политической свободы Кастильскаго народа, не проявляли достаточнаго отпора противъ королевскихъ злоупотребленій и, наоборотъ, обнаруживали часто удивительную уступчивость по отношенію къ королевскимъ требованіямъ. Кастильцы никогда не отличались практической дѣловитостью англійскаго народа, придерживавшагося иной тактики въ своихъ отношеніяхъ къ королевской власти. Борьба съ маврами, продолжавшаяся болѣе семи столѣтій и стоившая огромныхъ денежныхъ жертвъ Кастильскому народу, пріучила его легко удовлетворять денежные требованія своихъ королей, руководившихъ этой популярной борьбою. Съ другой стороны, отсутствіе солидарности между сословіями дѣлало сомнительными шансы борьбы противъ злоупотребленій королевской власти, велась ли эта борьба при помощи парламентарныхъ средствъ, или вооруженной силы, какъ это было въ эпоху возстанія комунеровъ.

вообще издерживать меньше, чѣмъ издерживается теперь“¹⁾. Представители націи пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы рекомендовать королямъ умѣренность въ расходахъ на содержаніе двора, какъ это видно изъ петицій, кортесовъ 1325, 1388, 1393, 1442, 1469 и др. гг.²⁾. Въ царствованіе Карла V депутаты ставили ему въ упрекъ его непроизводительные расходы на содержаніе двора въ размѣрѣ ежедневныхъ 150,000 мараведи и, какъ на образецъ подражанія, указывали на умѣренность „католическихъ“ Изабеллы и Фердинанда, которые не отказывали себѣ ни въ чемъ необходимомъ и, тѣмъ не менѣе, не тратили на содержаніе двора болѣе 12—15.000 мараведи въ день³⁾. Разумѣется, указанные вопросы не исчерпываютъ всего круга вліянія кортесовъ на управленіе государственнымъ и народнымъ хозяйствомъ: мы указали лишь на тѣ стороны послѣдняго, регулированіе которыхъ стояло въ болѣе или менѣе непосредственной связи съ правомъ кортесовъ вотировать налоги. Но можно утверждать, что не было ни одного вопроса въ экономической исторіи Кастиліи изучаемаго періода, на разрѣшеніе котораго такъ или иначе не вліяли бы представители націи. Регламентация цѣнъ на продукты (см. акты кортесовъ 1252, 1256, 1268 и др. гг.) и заработной платы, особенно въ эпохи великихъ хозяйственныхъ кризисовъ, какъ, напр., послѣ опустошеній, произведенныхъ въ Кастиліи Черною смертью 1348 г. (см. акты 1351 г.), установленіе сumpтуарныхъ законовъ, регулированіе цѣнности монетныхъ знаковъ, принятіе мѣръ къ возстановленію истиннаго вѣса и качества монеты, когда она подвергалась порчѣ подъ вліяніемъ фискальныхъ стремленій королевской власти, введеніе однообразія въ монетномъ обращеніи по всему королевству (см. акты 1303, 1387, 1388, 1451, 1471, 1480 и др. гг.) и т. д.⁴⁾, все это входило въ сферу компетенціи кортесовъ, но стояло болѣе въ связи съ законодательными правами ихъ, или съ правомъ петицій, чѣмъ съ правомъ вотировать налоги.—Право кортесовъ вотировать налоги, не смотря на случаи нарушенія его въ те-

¹⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 55—56, §§ 1—6.

²⁾ C. de L. y C., t. I, p. 373, § 1; t. II, pp. 413, 527, t. III, pp. 422, 783.

³⁾ Marina, op. cit., t. II, p. 426.

⁴⁾ Большая часть цит. актовъ издана въ собраніи „C. de L. y C.“, за исключеніемъ актовъ кортесовъ (или свѣдѣній о нихъ) 1252 г. (см. Mem. de la Real Ac. de la Hist., t. VIII, p. 29), 1256 г. (Colmenares, Hist. de Seg., p. 215) и 1480 г. (Mem. de la Real Ac. de la Hist., t. VI, p. 395), помѣщенныхъ въ другихъ изданіяхъ

ченіе XV в., являлось, по своимъ послѣдствіямъ, самымъ существеннымъ и давало возможность націи оказывать вліяніе не только на хозяйственное управленіе, но, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, и на другія стороны государственной жизни. Однако, они не сѣумѣли удержать за собой и закрѣпить навсегда тѣхъ уступокъ королевской власти въ области парламентарнаго режима, которыя достигнуты были ими на почвѣ осуществленія этого права; они не умѣли пользоваться денежными затрудненіями короны для расширенія своихъ правъ и упроченія политической свободы Кастильскаго народа, не проявляли достаточнаго отпора противъ королевскихъ злоупотребленій и, наоборотъ, обнаруживали часто удивительную уступчивость по отношенію къ королевскимъ требованіямъ. Кастильцы никогда не отличались практической дѣловитостью англійскаго народа, придерживавшагося иной тактики въ своихъ отношеніяхъ къ королевской власти. Борьба съ маврами, продолжавшаяся болѣе семи столѣтій и стоившая огромныхъ денежныхъ жертвъ Кастильскому народу, приучила его легко удовлетворять денежныя требованія своихъ королей, руководившихъ этой популярной борьбою. Съ другой стороны, отсутствіе солидарности между сословіями дѣлало сомнительными шансы борьбы противъ злоупотребленій королевской власти, велась ли эта борьба при помощи парламентарныхъ средствъ, или вооруженной силы, какъ это было въ эпоху возстанія комунеровъ.

вообще издерживать меньше, чѣмъ издерживается теперь“¹⁾. Представители націи пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы рекомендовать королямъ умѣренность въ расходахъ на содержаніе двора, какъ это видно изъ петицій кортесовъ 1325, 1388, 1393, 1442, 1469 и др. гг.²⁾. Въ царствованіе Карла V депутаты ставили ему въ упрекъ его непроизводительные расходы на содержаніе двора въ размѣрѣ ежедневныхъ 150,000 мараведи и, какъ на образецъ подражанія, указывали на умѣренность „католическихъ“ Изабеллы и Фердинанда, которые не отказывали себѣ ни въ чемъ необходимомъ и, тѣмъ не менѣе, не тратили на содержаніе двора болѣе 12—15.000 мараведи въ день³⁾. Разумѣется, указанные вопросы не исчерпываютъ всего круга вліянія кортесовъ на управленіе государственнымъ и народнымъ хозяйствомъ: мы указали лишь на тѣ стороны послѣдняго, регулированіе которыхъ стояло въ болѣе или менѣе непосредственной связи съ правомъ кортесовъ вотиловать налоги. Но можно утверждать, что не было ни одного вопроса въ экономической исторіи Кастиліи изучаемаго періода, на разрѣшеніе котораго такъ или иначе не вліяли бы представители націи. Регламентация цѣнъ на продукты (см. акты кортесовъ 1252, 1256, 1268 и др. гг.) и заработной платы, особенно въ эпохи великихъ хозяйственныхъ кризисовъ, какъ, напр., послѣ опустошеній, произведенныхъ въ Кастиліи Черною смертью 1348 г. (см. акты 1351 г.), установленіе сumpтуарныхъ законовъ, регулированіе цѣнности монетныхъ знаковъ, принятіе мѣръ къ возстановленію истиннаго вѣса и качества монеты, когда она подвергалась порчѣ подъ вліяніемъ фискальныхъ стремленій королевской власти, введеніе однообразія въ монетномъ обращеніи по всему королевству (см. акты 1303, 1387, 1388, 1451, 1471, 1480 и др. гг.) и т. д.⁴⁾, все это входило въ сферу компетенціи кортесовъ, но стояло болѣе въ связи съ законодательными правами ихъ, или съ правомъ петицій, чѣмъ съ правомъ вотиловать налоги.—Право кортесовъ вотиловать налоги, не смотря на случаи нарушенія его въ те-

¹⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 55—56, §§ 1—6.

²⁾ C. de L. y C., t. I, p. 373, § 1; t. II, pp. 413, 527, t. III, pp. 422, 783.

³⁾ Marina, op. cit., t. II, p. 426.

⁴⁾ Большая часть ппт. актовъ издана въ собраніи „C. de L. y C.“, за исключеніемъ актовъ кортесовъ (или свѣдѣній о нихъ) 1252 г. (см. Mem. de la Real Ac. de la Hist., t. VIII, p. 29), 1256 г. (Colmenares, Hist. de Seg., p. 215) и 1480 г. (Mem. de la Real Ac. de la Hist., t. VI, p. 395), помѣщенныхъ въ другихъ изданіяхъ

чение XV в., являлось, по своимъ послѣдствіямъ, самымъ существеннымъ и давало возможность націи оказывать вліяніе не только на хозяйственное управленіе, но, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, и на другія стороны государственной жизни. Однако, они не сумѣли удержать за собой и закрѣпить навсегда тѣхъ уступокъ королевской власти въ области парламентарнаго режима, которыя достигнуты были ими на почвѣ осуществленія этого права; они не умѣли пользоваться денежными затрудненіями короны для расширенія своихъ правъ и упроченія политической свободы Кастильскаго народа, не проявляли достаточнаго отпора противъ королевскихъ злоупотребленій и, наоборотъ, обнаруживали часто удивительную уступчивость по отношенію къ королевскимъ требованіямъ. Кастильцы никогда не отличались практической дѣловитостью англійскаго народа, придерживавшагося иной тактики въ своихъ отношеніяхъ къ королевской власти. Борьба съ маврами, продолжавшаяся болѣе семи столѣтій и стоившая огромныхъ денежныхъ жертвъ Кастильскому народу, приучила его легко удовлетворять денежныя требованія своихъ королей, руководившихъ этой популярной борьбою. Съ другой стороны, отсутствіе солидарности между сословіями дѣлало сомнительными шансы борьбы противъ злоупотребленій королевской власти, велась ли эта борьба при помощи парламентарныхъ средствъ, или вооруженной силы, какъ это было въ эпоху возстанія комунеровъ.

ГЛАВА IV.

ВЛІЯНІЕ КОРТЕСОВЪ НА ВНУТРЕННЕЕ УПРАВЛЕНІЕ И ВНѢШНІЮ ПОЛИТИКУ.

1. Взаимныя отношенія между кортесами и королевскимъ совѣтомъ.
2. Вліяніе кортесовъ на организацію и дѣятельность судовъ.
3. Объявленіе войны, заключеніе мира и союзовъ, какъ акты народной воли, выражаемой въ кортесахъ.

I. Взаимныя отношенія между кортесами и Королевскимъ Совѣтомъ.

Исполнительная власть принадлежала королю; функціи ея были постоянны и непрерывны. Вырабатывая законы, совмѣстно съ королемъ и согласно потребностямъ и условіямъ каждаго даннаго момента, кортесы ставили извѣстныя задачи для государственнаго управленія, а путемъ вотированія налоговъ давали исполнительной власти матеріальныя средства, необходимыя для осуществленія этихъ задачъ. Такъ какъ кортесы не были постояннымъ собраніемъ, созывались не періодически, а лишь въ извѣстныхъ или чрезвычайныхъ случаяхъ, то, въ случаѣ нарушенія королемъ или его министрами законовъ или въ случаѣ нежелательнаго употребленія средствъ, выданныхъ съ опредѣленной цѣлью, представители націи могли лишь жаловаться, указывая на совершенныя злоупотребленія и требовать, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, ихъ исправленія¹⁾, но не могли, сами по себѣ,

¹⁾ Акты кортесовъ представляютъ массу примѣровъ жалобъ депутатовъ на злоупотребленія органовъ исполнительной власти, особенно въ теченіе XV вѣка. См. C. de L. y C., t. III, pp. 445, 521, 770, 807 и т. д.

предупреждать ихъ. Для предупрежденія этихъ злоупотребленій необходима была такая организація контроля надъ дѣятельностью исполнительной власти, при которой на каждое мѣропріятіе короля или его подчиненныхъ, несогласное съ законами королевства или противорѣчащее интересамъ націи, возможно было бы налагать veto.

Потребность подобнаго контроля ясно сознавалась представителями сословій въ теченіе всего изучаемаго періода парламентарной исторіи Кастиліи, но не всегда обстоятельства благопріятствовали удовлетворенію этой потребности, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для котораго было пониженіе сословныхъ представителей въ Королевскій Совѣтъ и превращеніе послѣдняго въ постоянную депутацію кортесовъ.

Королевскій Совѣтъ, по выраженію гр. Торреаноса, былъ главнымъ колесомъ правительственной машины ¹⁾. Первоначально въ составъ его входили лишь члены высшаго духовенства и дворянства, занимавшіе придворныя и административныя должности, а затѣмъ, со времени полученія среднимъ сословіемъ представительства въ кортесахъ, депутаты общинъ получаютъ также доступъ и въ Королевскій Совѣтъ. До конца XIII в. Королевскій Совѣтъ не обладалъ опредѣленной организаціей и имѣлъ характеръ случайнаго собранія: короли созывали по мѣрѣ надобности на свой совѣтъ тѣхъ или другихъ лицъ и распускали ихъ по своему усмотрѣнію ²⁾. Но въ эпоху несовершеннолѣтія непосредственно слѣдовавшихъ другъ за другомъ королей Фердинанда IV и Альфонса XI, учрежденіе получаетъ опредѣленный составъ и права и пріобрѣтаетъ значеніе постоянной депутаціи кортесовъ. Въ Куэльярскихъ кортесахъ 1297 г. организованъ былъ Совѣтъ изъ 12 горожанъ, по избранію депутатовъ отъ общинъ королевства; члены Совѣта, согласно постановленію этихъ кортесовъ, должны были неотлучно находиться при особѣ короля, помогать его опекунамъ разрѣшать вопросы, относящіеся къ отправленію правосудія, сбору и расходованію разрѣшенныхъ кортесами налоговъ, и слѣдить за тѣмъ, чтобы распоряженія регентовъ стояли въ соотвѣтствіи съ правами и интересами націи.

Такой же характеръ имѣлъ Королевскій Совѣтъ, организованный въ Паленсійскихъ кортесахъ 1313 г., въ періодъ малолѣтства Аль-

¹⁾ Torréanoz, Los consejos des Rey, t. I, p. 132.

²⁾ Ib., p. 128.

фонса XI; въ составъ Совѣта входили 4 прелата и 16 рыцарей и горожанъ — (последніе — по избранію отдѣльными провинціями королевства); безъ согласія этихъ лицъ, опекунамъ Альфонса XI запрещено было издавать какія бы то ни было распоряженія: необходимость санкціонирования послѣднихъ членами Совѣта объяснялась желаніемъ кортесовъ, согласно выраженію ихъ авторъ, столько же увеличить авторитетъ регентовъ, сколько и обезпечить короли и кортесамъ отъ вреда, который могли бы причинять послѣдніе при единоличномъ управленіи ¹⁾. Въ Бургосскихъ кортесахъ 1315 г. число членовъ Совѣта ограничено было 12 лицами, изъ которыхъ половина должна была избираться среди гidalго, а другая — среди горожанъ.

Но въ каждомъ изъ приведенныхъ случаевъ вліяніе кортесовъ на организацію и дѣятельность Королевскаго Совѣта продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока продолжалось несовершеннолѣтіе королей. Съ наступленіемъ совершеннолѣтія и съ установленіемъ нормальнаго порядка вещей, короли свободно избирали своихъ совѣтниковъ изъ какого угодно сословія и въ какомъ угодно числѣ ²⁾.

Смутами, сопровождавшими переходъ престола во власть Генриха де Трастамарра, кортесы хотѣли воспользоваться для увеличенія своего вліянія на дѣла управленія, путемъ подчиненія Королевскаго Совѣта своему авторитету. Согласно 6-й петиціи Бургосскихъ кортесовъ 1367 г., Совѣтъ долженъ былъ состоять изъ 12 представителей общинъ, по два отъ каждой изъ составныхъ частей королевства: Кастиліи, Леона, Галисіи, Толедо, Эстремадуры и Андалузіи, причемъ каждому изъ членовъ Совѣта положено было выдавать по 8 тысячъ мараведи жалованья въ годъ ³⁾. Распоряженіе Бургосскихъ кортесовъ подтверждено было въ 1369 г., въ кортесахъ, созванныхъ въ Торо, послѣ окончательнаго утвержденія Генриха II на престолѣ. Свою петицію относительно данной организаціи Совѣта депутаты мотивировали желаніемъ обезпечить этимъ путемъ возможно болѣе точное исполненіе обычаевъ и фуэросовъ общинъ ⁴⁾. Однако законы 1367 и 1369 гг. не соблюдались строго, такъ какъ въ 1371 г. депутаты

¹⁾ Porque nos fuessemos poderosos... e non pudiessemos ffazer danno del Rey nin delos rregnos. C. de L. y C., t. I, p. 235, § 44.

²⁾ Torrénanoz, op. cit., t. I, p. 134.

³⁾ C. de L. y C., t. II, p. 148.

⁴⁾ Ib., p. 183, § 74.

кортесовъ, созванныхъ въ Торо, снова просятъ короля о томъ, чтобы выборные горожане сопровождали его вмѣстѣ съ членами другихъ сословій (*con los otros del nuestro sennorio*) и давали ему совѣты по всѣмъ вопросамъ государственнаго управленія (*para nos aconsejar en todos los nuestros consejos*)¹⁾.

Въ царствованіе Хуана I Королевскій Совѣтъ получаетъ, наконецъ, организацію постоянного собранія, въ которомъ сословное представительство нашло свое полное выраженіе. Въ силу закона, изданнаго въ Вальядолидскихъ кортесахъ 1385 г., Совѣтъ долженъ былъ находиться всегда возможно ближе къ особѣ короля, состоять изъ 12 членовъ, по 4 отъ cadaго сословія, и рѣшать всѣ дѣла, за исключеніемъ тѣхъ, которыя подлежали спеціальному вѣдѣнію королевской Аудіенціи и самого короля. Назначеніе должностныхъ лицъ при королевскомъ дворѣ, членовъ Аудіенціи, правителей областей (*adelantados, merinos*), алькальдовъ, альгвасиловъ и судей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ избраніе ихъ не принадлежало, согласно фуэросамъ, населенію, право помилованія и т. д.—все это составляло прерогативу королевской власти. Однако Хуанъ I проявилъ удивительную умѣренность, предоставивши членамъ Совѣта право раздѣлять съ нимъ эту прерогативу. Мало того: въ актахъ, издаваемыхъ Совѣтомъ по вопросамъ, составлявшимъ его компетенцію, король отказался ставить свое имя. Причины, побудившія Хуана I сдѣлать такія уступки въ пользу Совѣта, заключались, по его словамъ, въ желаніи избавиться отъ большей части заботъ по государственному управленію, чтобы посвятить себя всецѣло веденію войны, лишить основанія ходившіе въ народѣ слухи о томъ, будто король рѣшаетъ всѣ дѣла самостоятельно, безъ участія Совѣта, и, наконецъ, въ желаніи слѣдовать достойному подражанію примѣру Моисея и нѣкоторыхъ современныхъ Хуану I королей, раздѣлявшихъ бремя правленія съ членами своего совѣта²⁾.

Значеніе либеральнаго закона 1385 г. было уменьшено, когда въ силу королевскаго предложенія въ кортесахъ Брибаски 1387 г. въ составъ Королевскаго Совѣта введены были легисты, члены Аудіенціи, и вмѣсто прежнихъ 4 прелатовъ, 4 рыцарей и 4 горожанъ король обязался принимать въ свой Совѣтъ лишь „грандовъ—прелатовъ и дворянъ“, юристовъ и другихъ благонамѣренныхъ лицъ“ (*e otros e*

¹⁾ Ib., p. 208, § 13.

²⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 333—334.

omnes de buenos entendimientos)¹⁾. Другими словами, въ силу закона 1387 г., составъ Совѣта опредѣлялся назначеніемъ королемъ такихъ лицъ, которыя могли принадлежать къ какому угодно сословію, но для которыхъ служеніе королю стояло выше сословныхъ интересовъ. Такимъ образомъ, принципъ сословнаго представительства, лежавшій въ основаніи предшествующаго законодательства, опредѣлявшаго составъ и права Совѣта, уже утрачиваетъ свою силу въ концѣ царствованія Хуана I. Впрочемъ, дѣйствіе закона 1387 г. прервано было смертью Хуана I въ 1390 г.; кортесы слѣдующаго года организовали Совѣтъ регентства изъ представителей трехъ сословій и поручили ему, на время несовершеннолѣтія Генриха III, всю сумму функцій исполнительной власти, съ тѣми ограниченіями, которымъ обыкновенно подвергалась власть короля, не имѣвшаго права отчуждать домены, взимать налоги и объявлять войну, безъ согласія кортесовъ²⁾.

Въ царствованіе Генриха III Королевскій Совѣтъ навсегда и окончательно утратилъ значеніе депутаціи кортесовъ и усвоилъ организацію, независимую отъ сословнаго представительства. Въ 1406 г. установлено было опредѣленное число членовъ Совѣта, среди которыхъ уже не участвуютъ члены городского сословія и, наоборотъ, преобладаютъ легисты³⁾.

Депутаты общинъ, вполнѣ сознававшіе всю важность ихъ участія въ Королевскомъ Совѣтѣ, старались вернуть своему сословію утраченное право, но напрасно: королевская власть не могла и не желала добровольно отказаться отъ сдѣланныхъ ею завоеваній въ интересахъ усиленія своего авторитета, и жалобы и протесты депутатовъ оставались, поэтому, безъ послѣдствій. О томъ, какое значеніе придавали депутаты общинъ участію членовъ своего сословія въ Королевскомъ Совѣтѣ, можно составить понятіе на основаніи одной изъ петицій кортесовъ 1419 г. Настаивая на необходимости принятія участія въ Королевскомъ Совѣтѣ и представителями городского сословія, согласно обычаю, установившемуся въ царствованіе предковъ Хуана II, депутаты говорили: „Ваши королевства, какъ и всѣ другія христіанскія государства, раздѣляются на три чина: духовный, военный и городской, и хотя всѣ они, въ дѣлѣ служенія королю, составляютъ одно

¹⁾ Ib. p. 382.

²⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 487—489

³⁾ Torreánoz, op. cit., t. I, p. 149.

цѣлое, однако, характеръ дѣятельности, образъ жизни и свойство юрисдикціи, которой подчиняется каждый изъ нихъ, различны между собой, и если справедливо и подобаетъ, чтобы въ Королевскомъ Совѣтѣ постоянно принимали участіе члены духовнаго и военнаго сословія, то справедливость же требуетъ участія въ немъ и членовъ городского сословія: ибо только въ этомъ случаѣ король можетъ быть всесторонне освѣдомленъ о нуждахъ своихъ подданныхъ“¹⁾. Но эта петиція, такъ же какъ и аналогичныя ей, представленныя Хуану II въ кортесахъ 1425 и 1432 гг., остались безъ послѣдствій: представителямъ средняго сословія не удалось возвратить принадлежавшее имъ раньше мѣсто въ Королевскомъ Совѣтѣ²⁾.

Лишившись права представительства въ Королевскомъ Совѣтѣ, депутаты общинъ старались, по крайней мѣрѣ, упорядочить составъ и дѣятельность этого важнаго учрежденія, отъ котораго должно было зависѣть общее направленіе государственной жизни, но которое при Хуанѣ II пришло въ полный упадокъ: число членовъ совѣта увеличено было до огромныхъ размѣровъ, званіе члена совѣта являлось почетнымъ титуломъ, давалось въ видѣ милости не только взрослымъ лицамъ, но и дѣтямъ, и цѣнилось по матеріальнымъ выгодамъ, связаннымъ съ обладаніемъ имъ. Фактически вся власть перешла къ королевскимъ фаворитамъ и временщикамъ, образовывавшимъ при особѣ короля родъ тайнаго совѣта, душою котораго въ царствованіе Хуана II былъ Альваро де Луна, стремившійся освободить королевскую власть отъ послѣднихъ сдерживавшихъ ее узъ³⁾. Благодаря настойчивости депутатовъ, имъ удалось упорядочить извѣстнымъ образомъ составъ совѣта. Согласно петиціямъ ихъ, въ 1440 г. изданъ былъ регламентъ, ограничивавшій составъ совѣта 3 рыцарями, 2 прелатами и 4 докторами права; въ 1459 г.—2 рыцарями, 2 прелатами и 8 докторами права; въ 1476 г.—2 рыцарями, 1 прелатомъ и 6 докторами права. Но ни одинъ изъ этихъ регламентовъ не соблюдался строго, пока Изабеллой Католической не изданъ былъ законъ въ кортесахъ 1480 г., опредѣлявшій составъ совѣта 3 рыцарями, 1 прелатомъ и 8 или 9 докторами права, и строго регламентировавшій права и дѣятельность

¹⁾ C de L. y C, t. III, p. 20, § 18.

²⁾ *Ib.*, t. III, pp. 56, 120, §§ 10. 5.

³⁾ Torreánóz, *op. cit.*, t. 1, p. 152.

этого учрежденія¹⁾. При „католическихъ короляхъ“ совѣтъ пользовался такимъ значеніемъ, что они въ состояніи были управлять государствомъ въ теченіе 18 лѣтъ, ни разу не созывая кортесовъ.

Въ началѣ XVI в. Совѣтъ почти исключительно состоитъ изъ легистовъ, пользуется широкой правительственной, судебной и законодательной властью, многіе вопросы рѣшаетъ въ силу собственнаго права, по вопросамъ же, разрѣшеніе которыхъ исключительно принадлежало королю, подаетъ свое авторитетное мнѣніе. Въ то же время изъ среды членовъ Совѣта выдѣляется особая должность „президента“, авторитетъ котораго постепенно увеличивался и уступалъ только королевскому²⁾.

Изъ этого общаго обзора фактовъ, относящихся къ исторіи взаимныхъ отношеній между кортесами и Королевскимъ Совѣтомъ, можно видѣть, что со времени изданія закона 1406 г., лишившаго Королевскій Совѣтъ значенія депутаціи кортесовъ, послѣдній перестаетъ служить цѣлямъ и интересамъ сословнаго представительства и обращается въ одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ государственной централизаціи, особенно послѣ изданія закона 1480 г. Усиленіе авторитета Королевскаго Совѣта совершалось параллельно уtratѣ кортесами ихъ политическаго значенія: каждое изъ этихъ учрежденій служило выраженіемъ двухъ противоположныхъ политическихъ системъ —сословной и абсолютной монархіи, и одной изъ демаркаціонныхъ линій поворота въ пользу установленія послѣдней можетъ служить 1406 годъ.

И. Вліяніе кортесовъ на дѣятельность и организацію судовъ.

Хотя верховная судебная власть принадлежала королю³⁾, и въ отправленіи ея функцій кортесы не принимали участія, кастильская демократія, пользуясь преобладаніемъ въ кортесахъ, внимательно слѣдила за дѣятельностью и организаціей судебныхъ трибуналовъ, ста-

¹⁾ C. de L. y C., t. IV, p. 111, § 1.

²⁾ Torreános, op. cit., t. I, pp. 152—219; C. de L. y C., t. III, pp. 759, § 21 798, § 16.

³⁾ Въ числѣ неотъемлемыхъ атрибутовъ королевской власти „Fuero viejo“ на первомъ мѣстѣ ставитъ отправленіе правосудія—justicia (Lib. I, tit. I, ley I). Въ 1388 г. Хуанъ I говоритъ: la justicia nos es per Dios nuestro señor encomendada. C. de L. y C., t. II, p. 144.

раясь при помощи ихъ дать торжество своимъ интересамъ и обезпечить свои права. Началу произвола и насилия кастильскія общины всегда противопоставляли великіе принципы права, которые торжественно были провозглашены еще въ Леонскихъ кортесахъ 1188 г., т. е. въ моментъ полученія представителями народа доступа въ національное собраніе страны. Согласно постановленію этихъ кортесовъ, ни король, ни кто другой не могъ лишать свободы и собственности ни одного изъ королевскихъ подданныхъ безъ судебного приговора, и ни одинъ житель королевства не могъ быть призванъ къ другому суду, какъ къ суду той общины, къ которой онъ принадлежалъ, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ мѣстными фуэросами и опредѣлявшихъ подсудность его суду королевской куріи¹⁾. Еще опредѣленіе выражены были эти принципы въ Вальядолидскихъ кортесахъ 1299 г. Согласно просьбѣ депутатовъ, опекуны несовершеннолѣтняго Фердинанда IV обязались, отъ его имени, отправлять правосудіе по отношенію ко всѣмъ подданнымъ на равныхъ началахъ, согласно фуэросамъ и законамъ; никого не подвергать тюремному заключенію, казни, конфискаціи имущества, раньше чѣмъ обвиняемый не будетъ выслушанъ судьей и присужденъ имъ къ наказанію, согласно фуэросамъ той мѣстности, гдѣ совершено было преступленіе²⁾. Эти основныя гарантіи гражданской свободы народа неоднократно подтверждались королями въ послѣдующихъ собраніяхъ кортесовъ. Послѣдніе же, пользуясь всѣми средствами принадлежавшаго имъ вліянія, стремились создать такую систему судебной организаціи, при помощи которой гарантіи эти имѣли бы дѣйствительное практическое значеніе.

Постоянной заботой кортесовъ было удерживать за населеніемъ общинъ право избирать изъ ихъ среды судей, которые судили бы жителей, согласно мѣстнымъ обычаямъ и находились бы подъ непосредственнымъ контролемъ населенія; когда же это право стало ускользать изъ рукъ кастильскихъ общинъ, и короли все болѣе присвоивали себѣ право назначенія муниципальныхъ судей, депутаты кортесовъ старались, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, ограничить произволъ короля, обязывая его назначать судей изъ среды и съ согласія

¹⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 40—42, §§ 4, 7, 15.

²⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 140, § 1, 143, § 3.

мѣстнаго населенія¹⁾). Предоставленіе судебныхъ правъ членамъ высшихъ сословій депутаты общинъ считали опаснымъ, какъ для интересовъ народа, такъ и самого короля, и потому въ рядѣ петицій настаивали на томъ, чтобы короли поручали отправленіе правосудія не лицамъ, принадлежавшимъ къ могущественнымъ классамъ общества и „лучше умѣвшимъ владѣть оружіемъ, чѣмъ читать книги фуэросовъ и законовъ, а природнымъ жителямъ общинъ“ (*omes buenos llanos e abonados*)²⁾). Несмотря на подобныя увѣщанія, короли назначали судьями лицъ изъ дворянскаго сословія и, какъ можно судить на основаніи жалобъ депутатовъ, фактъ отчужденія королевской юрисдикціи въ пользу церкви и свѣтской аристократіи становился общимъ явленіемъ, начиная со второй половины XIV в.³⁾). Приобрѣвши судебныя права надъ своими вассалами, члены высшихъ сословій не позволяли имъ апеллировать на рѣшенія сеньоріальныхъ судовъ въ королевскую курію, нарушая этимъ одинаково, какъ права подчиненнаго имъ населенія, такъ и интересы королевской власти. Противъ этихъ злоупотребленій представители общинъ энергично протестовали всякій разъ, какъ для этого представлялся удобный поводъ⁴⁾). Судъ королевской куріи являлся высшимъ апелляціоннымъ трибуналомъ и, кромѣ того, ему подсудны были нѣкоторыя дѣла въ первой инстанціи. Чтобы обезпечить согласіе между рѣшеніями королевскаго суда и предписаніями фуэросовъ отдѣльныхъ общинъ, послѣднія старались ввести своихъ представителей въ королевскій судъ. Члены духовнаго сословія были подсудны церковному суду, а дворяне не могли быть судимы судьями, принадлежащими къ другому сословію, какъ дворянскому, и потому, по требованію гидальго, въ Бургосскихъ кортесахъ 1271 г. постановлено было учредить при королевскомъ дворѣ должность двухъ алькальдовъ—гидальго, которые вѣдали бы дѣла этого сословія⁵⁾). Равнымъ образомъ, въ Саморскихъ кортесахъ 1274 г., по желанію общинъ, постановлено было, чтобы при королевскомъ дворѣ постоянно присутствовали 9 алькальдовъ отъ кастильскихъ общинъ, 6—отъ эстре-

¹⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 190, § 13; 216, § 81; 240, § 23; 351. § 51; 376—377; t. IV, p. 207, § 8, et passim.

²⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 223—224, 274; t. II, pp. 57 (§ 16), 206 (§ 6).

³⁾ C. de L. y C., t. III, p. 69, § 29.

⁴⁾ C. de L. y C., t. II, pp. 282, § 14, 430, § 9; t. III, pp. 49, 428, § 27.

⁵⁾ Cron. del Rey D. Alf. X, p. 22, cap. XXV

мадурскихъ и 8—отъ леонскихъ; каждой изъ этихъ группъ алькальдовъ должны были быть подсудны дѣла соотвѣтственныхъ областей ¹⁾. Въ послѣдующее время число областныхъ алькальдовъ измѣнялось, но общимъ стремленіемъ депутатовъ кортесовъ было уравнивать число алькальдовъ отъ отдѣльныхъ областей, что иногда и удавалось ²⁾.

Роль провинціальныхъ и сословныхъ алькальдовъ приходитъ въ упадокъ со времени введенія въ дѣйствіе законовъ „Siete Partidas“ и, особенно, со времени установленія, въ кортесахъ Торо 1371 г., новаго судебного трибунала „Королевской Аудіенціи“, на рѣшенія котораго не допускались апелляціи. Трибуналъ этотъ состоялъ изъ 7 членовъ—*oidores*, въ числѣ которыхъ было 4 легиста и 3 прелата; дѣла рѣшались въ немъ большинствомъ голосовъ ³⁾. Дворцовые алькальды являлись истолкователями и защитниками *фуэросовъ*, тогда какъ задачей членовъ Аудіенціи было дать торжество идеямъ римскаго права, лежавшимъ въ основѣ кодекса Альфонса Мудраго. Кругъ дѣйствій Аудіенціи расширялся по мѣрѣ сокращенія сферы дѣятельности дворцовыхъ алькальдовъ, и въ началѣ XV в. *oidores* представляли уже такую могущественную силу, и кругъ компетенціи ихъ былъ такъ великъ, что дворцовые алькальды были обречены почти на полное бездѣйствіе. На это жаловались депутаты кортесовъ 1419 и др. годовъ ⁴⁾. Изъ ряда петицій ихъ можно заключить, что члены Аудіенціи пользовались своей властью нерѣдко въ ущербъ народнымъ интересамъ и правамъ, вчиняя произвольные процессы противъ отдѣльныхъ лицъ и торгуя правосудіемъ за деньги ⁵⁾.

Упадокъ представительства общинъ въ королевскомъ судѣ совершался одновременно съ упадкомъ его въ Королевскомъ Совѣтѣ. Учрежденіе Королевской Аудіенціи такъ же, какъ и реформа, произведенная въ Королевскомъ Совѣтѣ въ 1406 г., одинаково способствовали превращенію сословной монархіи въ абсолютную и лишенію кортесовъ ихъ политическаго значенія.

¹⁾ C. de L. y C., t. I, pp. 88, 90, 92.

²⁾ Ib., t. I, pp. 198, 340—341.

³⁾ Ib., t. II, p. 189, § 1.

⁴⁾ Ib., t. II, p. 190, § 2.

⁵⁾ Ib., t. III, pp. 300, 304, 445.

III. Объявленіе войны, заключеніе мира и союзовъ, какъ акты народной воли, выражаемой въ кортесахъ.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ правъ кортесовъ было право давать или не давать согласіе на объявленіе войны, заключеніе мира или союзовъ съ сосѣдними государствами. Со времени Леонскихъ кортесовъ 1188 г. право представителей націи принимать непосредственное участіе въ разрѣшеніи основныхъ вопросовъ международной политики получило значеніе положительнаго закона. Практическимъ основаніемъ для осуществленія кортесами этого важнаго права было то, что распорядителемъ матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для веденія войны, былъ не король, а нація. Постояннаго войска, которое стояло бы въ непосредственной зависимости отъ короля, не существовало, постоянныхъ королевскихъ доходовъ было недостаточно для организаціи военныхъ силъ и предпріятій. Законы и фуэросы страны опредѣляли размѣры доходовъ, которые король вправѣ былъ взимать съ отдѣльныхъ мѣстностей, не обращаясь за согласіемъ въ плательщикамъ, и случаи, когда онъ могъ требовать отъ своихъ подданныхъ отправленія военной службы. Въ силу закона *Fuero Viejo* (l. I, tit. III, ley I), каждый гидальго обязанъ былъ нести военную службу въ пользу короля ежегодно въ теченіе трехъ мѣсяцевъ вездѣ, гдѣ окажется необходимость, подъ непремѣннымъ условіемъ полученія за эту службу жалованья (*soldada*); не получая жалованья, гидальго вправѣ былъ отказаться служить королю; средства же, необходимыя для уплаты жалованья гидальго, при недостаточности обычныхъ доходовъ короны, могла дать лишь нація, представляемая въ кортесахъ. Главныя военныя силы націи формировались изъ отрядовъ милиціи, существовавшей въ отдѣльныхъ общинахъ и подчиненной муниципальнымъ властямъ. Эти отряды содержались на счетъ мѣстнаго населенія и не находились въ непосредственной зависимости отъ короля; выступать на войну по королевскому зову они обязаны были лишь въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ муниципальными фуэросами¹⁾.

При такой зависимости отъ націи въ распоряженіи ея военными и матеріальными силами, король не могъ начинать войны, не получивши одобренія на задуманное предпріятіе и не заручившись обѣщаніемъ поддержки со стороны представителей сословій. Разъ послѣд-

¹⁾ C. de L. y C., t I, p. 96, § 5.

ніе рѣшали вопросъ о цѣлесообразности или необходимости объявленія войны тому или другому государству, то, естественно, имъ же принадлежало право рѣшать вопросы и о прекращеніи или предотвращеніи войнъ путемъ заключенія мирныхъ или союзныхъ трактатовъ на условіяхъ, согласныхъ съ національными интересами и достоинствомъ.

Наши источники не представляютъ данныхъ, настолько полныхъ и обстоятельныхъ, чтобы возможно было утверждать, что каждому случаю объявленія войны или заключенія мирныхъ и союзныхъ договоровъ предшествовало согласіе кортесовъ, нарочно созываемыхъ для рѣшенія этого рода вопросовъ. Согласно актамъ кортесовъ и сообщеніямъ хроники, въ большинствѣ случаевъ, кортесы разрѣшали вопросы о войнѣ въ связи съ вотированіемъ налоговъ, которые требовались на военныя предпріятія: разрѣшая субсидіи на военныя цѣли, кортесы eo ipso давали свое согласіе и на объявленіе или продолженіе войны. Въ другихъ случаяхъ, чины прямо подавали голосъ въ пользу того или другого разрѣшенія вопросовъ международной политики, и это право кортесовъ было еще разъ подтверждено въ Мадридѣ, въ 1391 году.

Изъ многочисленныхъ примѣровъ непосредственнаго участія чиновъ въ разрѣшеніи этого рода вопросовъ мы приведемъ наиболее характерныя. Въ 1195 г. объявлена была война маврамъ по рѣшенію кортесовъ, созванныхъ въ Карріонѣ¹⁾; въ 1268 г. на обсужденіе чиновъ, созванныхъ въ Наго, предложенъ былъ вопросъ о томъ, съ кѣмъ предпочтительнѣе заключеніе договора, съ арагонскимъ или французскимъ королемъ²⁾; Вальядолидскіе кортесы 1299 г. постановили заключить союзъ съ португальскимъ королемъ³⁾; въ 1380 г. Сорійскіе кортесы ратификовали брачный контрактъ между дочерью португальскаго короля—Беатрисой и сыномъ кастильскаго короля—Генрихомъ, предполагавшій установленіе союзныхъ отношеній между этими двумя государствами⁴⁾; кортесы 1385 и 1386 гг. занимались изысканіемъ способовъ для возстановленія военной чести Кастиліи послѣ нанесеннаго ей войскамъ пораженія при Альхубарретѣ соеди-

¹⁾ Garibay, op. cit., I. XII, cap. XXV, p. 721.

²⁾ Cron. del Rey D. Sancho IV, p. 79.

³⁾ Mem. de D. Fern. IV, t. I, p. 64.

⁴⁾ Cron. del Rey D. Juan I, . 68.

ненными силами Португаліи и герцога Ланкастерскаго¹⁾; въ Гвадалахарскихъ кортесахъ 1390 г. заключено было перемиріе съ грана-
дскимъ калифомъ, приславшимъ туда своихъ пословъ²⁾; въ 1393 г.
созваны были кортесы въ Мадридъ для ратификаціи мирнаго дого-
вора съ герцогомъ Ланкастерскимъ, брачнаго договора между до-
черью послѣдняго и кастильскимъ королемъ, 15-лѣтняго перемирія
съ Португаліей и союзнаго договора съ Франціей³⁾; въ 1399 г. со-
званы были кортесы для рѣшенія вопроса о войнѣ съ Португаліей,
нарушившей незадолго передъ тѣмъ перемиріе, заключенное съ нею на 15
лѣтъ⁴⁾; въ 1406 г. созваны были кортесы въ Толедо для рѣшенія
вопроса о войнѣ съ Гранадой⁵⁾; въ 1418 г. англійскій король объ-
явилъ Кастиліи войну; Хуанъ II рѣшилъ созвать представителей на-
ціи, чтобы съ ихъ согласія принять соотвѣтственные мѣры для со-
противленія непріятелю и, въ то же время, чтобы условиться съ
ними на счетъ отношеній, которыхъ долженъ былъ онъ держаться
съ Гранадой въ виду истекавшаго срока перемирія⁶⁾; въ Вальядо-
лидскихъ кортесахъ 1425 г. король совѣщался съ чинами на счетъ
той политики, которой долженъ былъ придерживаться въ отношені-
яхъ съ своимъ дядей, арагонскимъ королемъ, проявлявшимъ жела-
ніе нарушить миръ съ Кастиліей; депутаты высказались въ пользу
выжидательной политики и рекомендовали королю приготовиться къ
возможному вторженію, но не начинать войны первымъ⁷⁾, и т. д.

До второй половины XV в. короли не давали поводовъ для жа-
лобъ депутатовъ на разрѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ безъ со-
гласія и вѣдома кортесовъ. Но усиленіе въ XV в. королевской власти,
выражавшееся въ безнаказанномъ нарушеніи ею фуэросовъ, въ са-
мостоятельномъ взиманіи податей, въ требованіи военной службы отъ
подданныхъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, по смыслу ихъ привиле-

¹⁾ ...ca pues esto toca á todo el regno, ha menester que nos consejdes en ello si se dará batalla ó se alongara algunos dias. C. de L. y C., t. II, p. 358.

²⁾ Cron. del Rey de D. Juan I, p. 142.

³⁾ Cron. del Rey D. Enr. III, p. 212.

⁴⁾ Davila, op. cit., cap. LX, pp. 143—145.

⁵⁾ ...porque con acuerdo e consejo de todos la guerra se comenzase. Cron. del Rey D. Enr. III, p. 259.

⁶⁾ ...para en ello proveer fué acordado de llamar procuradores porque con su acuerdo diesen el orden que convenia para resistir á los ingleses, é para ver lo que se debia hacer con el Rey de Granada. Cron. del Rey D. Juan II, p. 375.

⁷⁾ Cron. del Rey D. Juan II, pp. 430—431.

гій, они были свободны отъ нея,—имѣло послѣдствіемъ то, что короли, и не имѣя постоянного войска ¹⁾, могли располагать вооруженной силой націи иногда по собственному усмотрѣнію¹⁾ и вопреки интересамъ народа. 28 сент. 1464 г. сословія представили Генриху IV письменную жалобу на нарушеніе имъ законовъ; въ этой жалобѣ ему ставилось въ упрекъ, между прочимъ, то, что онъ началъ войну съ Арагономъ и Наваррой безъ согласія и совѣта чиновъ королевства ²⁾. Депутаты кортесовъ 1469 г. жаловались тому же королю на то, что онъ безъ вѣдома ихъ измѣнилъ традиціонную дружбу съ Франціей на союзъ съ Англіей и настаивали на восстановленіи прежней системы отношеній. „Мы, заявляли депутаты, отъ имени Вашихъ королевствъ, протестуемъ противъ этого“, т. е. противъ измѣненія

¹⁾ Кортесы всегда являлись противниками содержанія крупной вооруженной силы и, особенно, постоянного войска. Такъ, по заключеніи перемирія съ Гравадой, Гвадалахарскіе кортесы 1390 г. указали королю на необходимость сократить вооруженныя силы королевства и, по желанію депутатовъ, число рыцарской конницы сокращено было до 5,500 lanzas и ginetes (=4,000 lanzas, изъ которыхъ каждая состояла изъ рыцаря и оруженосца, 1,500 андалузскихъ ginetes), а число стрѣлковъ (ballesteros) до 1,000; содержаніе каждого всадника опредѣлялось земельнымъ участкомъ въ 1500 марав. годичнаго дохода, и въ 600 марав.—содержаніе каждого стрѣлка; тѣмъ и другимъ, въ интересахъ исправнаго отправленія ими военной службы, въ случаѣ надобности, запрещено было получать земли отъ сеньоровъ и становиться въ вассальную зависимость отъ нихъ (Cron. del Rey D. Juan I, p. 142). Въ царствованіе Хуана II впервые является мысль объ организаціи постоянного войска, и выразителемъ этой мысли былъ Альваро де Луна (Ramírez, op. cit., p. 20). По его инициативѣ организовано было войско, состоявшее изъ 1000 lanzas, на содержаніе котораго требовалось ежегодно 8 милліоновъ мараведи. Постоянное войско, даже въ такомъ ограниченномъ числѣ, стояло въ полномъ противорѣчій съ интересами и идеями кастильской демократіи, видѣвшей въ немъ дорогое и опасное для ея будущности учрежденіе. Депутаты кортесовъ 1426 г., созданныхъ въ Торо, съ рѣдкой энергіей противились установленію постоянного войска, находя его лишнимъ, дорого стоящимъ и весьма вреднымъ для королевства: „de aquella gente de armas que traía se seguía gran dano en el Reyno e á el muy gran costa sin provecho alguno“. Послѣ упорнаго сопротивленія, король долженъ былъ уступить настойчивости депутатовъ, сокративши число войска до 100 lanzas, имѣвшихъ значеніе дворцовой гвардіи (Cron. del Rey D. Juan II, p. 436). Другая попытка установить постоянное войско въ Кастиліи, предпринятая въ началѣ XVI в. кардиналомъ Сиснеросъ, имѣла ту же участь. До времени вступленія на кастильскій престолъ династіи Бурбоновъ страна не имѣла постоянного войска въ истинномъ смыслѣ этого слова.

²⁾ „...E otrosi Vuestra Senoria movió guerra con los regnos de Aragon e Navarra sin acuerdo e consejo de vuestros regnos“. Representación dirigida al rey D. Enr. II. Tapia, Hist. de la civilización española, t. II, Apend. III, p. 321.

дружбы съ Франціей на дружбу съ Англіей. Король въ отвѣтъ на этотъ протестъ, пообѣщаль вновь разсмотрѣть данный вопросъ, съ членами своего Совѣта ¹⁾).

Но подобныя жалобы и протесты становились все болѣе бесполезными. Изабелла и Фердинандъ „Католическіе“, предпринявшіе великое дѣло объединенія Испаніи и покоренія Гранады, разрѣшали большую часть вопросовъ международной политики или самолично, или съ согласія членовъ своего совѣта. Въ промежутокъ времени отъ 1480 до 1498 г. они, какъ извѣстно, ни разу не созывали кортесовъ, между тѣмъ какъ въ это самое время ими была предпринята война съ Гранадою, закончившаяся покореніемъ послѣдняго арабскаго владѣнія на полуостровѣ. Популярность этой борьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ упадокъ политическаго значенія кортесовъ дѣлали для „Католическихъ королей“ излишнимъ обращаться за согласіемъ представителей націй на дѣло, составлявшее многовѣковую задачу національной исторіи Кастиліи. Однако, нарушеніе принципа, въ силу котораго война не могла объявляться безъ согласія представителей націй, создавало пагубныя для ея интересовъ прецеденты. Итальянскія войны Фердинанда Католика, явившіяся прологомъ общеевропейскихъ войнъ Карла V и Филиппа II, разрушившихъ благосостояніе Испаніи, были предприняты также безъ согласія кортесовъ. Лишь въ 1515 г. въ кортесахъ, созданныхъ въ Бургосѣ, Фердинандъ счелъ нужнымъ познакомить депутатовъ съ ходомъ военныхъ дѣйствій въ Италіи, которыя предпринималъ онъ въ защиту интересовъ папы противъ французскаго короля „послѣ предварительнаго совѣщанія съ членами своего Совѣта и главными юрисконсультами королевства“ ²⁾. Война, такимъ образомъ, была предпринята безъ согласія кортесовъ; къ послѣднимъ король обратился лишь съ цѣлю получить отъ нихъ разрѣшеніе на субсидію въ размѣрѣ 130 мил. марав., для продолженія этой войны. Требуемая субсидія была разрѣшена кортесами съ полною готовностью. О протестахъ какихъ бы то ни было противъ нарушенія права кортесовъ не было и рѣчи.

¹⁾ C. de L. y C., t. III, pp. 809 - 810, § 29.

²⁾ C. de L. y C., t. IV, p. 247.

Заключеніе.

Подводя итоги всему сказанному въ обѣихъ частяхъ этого труда, мы можемъ утверждать, что измѣненія въ правахъ и компетенціи Кастильскихъ кортесовъ совершались параллельно измѣненіямъ въ составѣ и организаціи ихъ. Связь между тѣми и другими измѣненіями была тѣсная и неразрывная. Недостатки организаціи кортесовъ вліяли на упадокъ ихъ политическаго значенія; отсутствіе регламентаціи состава ихъ, времени и мѣста собраній было одной изъ важныхъ причинъ неустойчивости и шаткости ихъ правъ. Только прочная и опредѣленная организація представительнаго учрежденія могла бы обезпечить за нимъ на болѣе продолжительное время сохраненіе его правъ и вліяніе на государственную жизнь въ интересахъ всего общества. Но, какъ мы видѣли, изъ трехъ сословій, входившихъ въ составъ кортесовъ, только городское выработало систему парламентарнаго представительства, которая достигла полнаго развитія въ теченіе XIV в. Въ слѣдующемъ столѣтіи высшія сословія постепенно исчезаютъ изъ состава кортесовъ, а въ организаціи представительства средняго сословія происходятъ измѣненія, ограничившія число общинъ съ правомъ голоса въ кортесахъ до 18 и обусловившія упадокъ избирательнаго начала въ предѣлахъ каждой общины въ отдѣльности. Вслѣдствіе этого кортесы утратили способность всесторонне выражать интересы и нужды націи и все болѣе подчинялись королевскому вліянію, которое было тѣмъ сильнѣе, что отъ короля же зависѣло назначеніе времени и мѣста собранія, такъ же, какъ и приглашеніе на собраніе тѣхъ или другихъ лицъ. Права сословій въ области законодательства, вотированія налоговъ, рѣшенія вопросовъ внутренней и внѣшней политики все чаще нарушались королевскою властью, по мѣрѣ приближенія къ концу XV в.; короли присвоивали себѣ постепенно тѣ функціи власти, которыя раньше должны были раздѣлять съ представителями націи. Кромѣ внутреннихъ причинъ упадка кастильскаго парламентарнаго строя, заключавшихся въ свойствахъ организаціи кортесовъ, были и другія, которыя стояли въ связи съ общимъ ходомъ кастильской исторіи и на которыя мы указали въ введеніи къ этой книгѣ. Но даже и въ періодъ своего упадка, по крайней мѣрѣ, до эпохи Карла V, кортесы служили извѣстнымъ выраженіемъ народныхъ интересовъ и, если утратили спо-

способность сдерживать произволъ королевской власти, давали тѣмъ не менѣе правящей власти возможность прислушиваться къ голосу націи и сообразовать свои дѣйствія съ ея желаніями. Даже и въ такихъ ограниченныхъ предѣлахъ значеніе кортесовъ было велико и полезно.

Парижъ. 10 августа 1897 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Serment fait par les subjects du Roy Alphonse de Castille de recevoir Madame Berengaire sa fille au Royaume au cas qu'il n'y eust enfans masles. 1255.

Quamvis ceterorum hereditas jure successionis filijs absque sexus differentia dividenda juxta sanctiones legitimas relinquatur, tamen Regni successio indivisa et integra, considerata sexus qualitate, ad illum, qui primo nascitur, pertinet, juxta generalem totius Hispaniae consuetudinem aprobatam, ut si tantum nascantur filij, primogenitus Regni sceptrum recipiat, et idem observandum dignoscitur, si tantum filie generentur; set cum tam filij quam filie oriuntur, filio debetur successio, licet filie praenascantur, ne, si divisio in Regnis fieret, desolatio contingeret juxta euangelicam veritatem, cum omnis potestas consortis impaciens dignoscatur. Nos igitur Alphonsus, Dei gratia, Rex Castelle, Toleti, Legionis, Galleciae, Sivilliae, Cordube, Murciae et Iahenni volentes charissime filie nostre Infantisse Berengarie in posterum juxta Regales sanctiones et consuetudinem Hispaniae providere, Toleti fratres nostros Archiepiscopos, et Episcopos, barones et optimates nostrae Curiae, Ciuitatum, castorum et villarum procuratores¹⁾ ad hoc & suis communitatibus des-

---

¹⁾ Терминъ „procuratores“, свидѣтельствующій о существованіи выработанной системы представительства общинъ, впервые встрѣчается въ издаваемомъ нами актѣ. Дату, которую устанавливаетъ Кольмейро для введенія въ употребленіе этого термина, именно 1305 г. (Introd., parte I, p. 28), можно, на основаніи этого акта, отодвинуть на полстолѣтіе назадъ (1255) Документъ этотъ мы печатаемъ по оригиналу, хранящемуся въ Парижскомъ Національномъ Архивѣ и представляющему отдѣльный листъ пергамента, къ которому прикрѣплены посредствомъ шелковыхъ шнурковъ оранжеваго цвѣта девять печатей изъ желтаго воска, очень хорошо сохранившихся. Но въ своемъ изложеніи мы ссылаемся на копію издаваемаго акта, хранящуюся въ Парижской Національной Библіотекѣ (Esp. 338, ff. 50—51) и близко стоящую къ оригиналу, который найденъ былъ нами уже послѣ того, какъ была напечатана большая часть нашей работы.

tinatos convenire fecimus et cum eis juxta morem, generali Curia celebrata, eidem juramentis ad sacrosancta dei Euangelia intropositis de omnibus Regnis nostris, homagium ab eisdem fieri fecimus, ut si nos, non relicto filio superstitute de uxore legitima procreato, contingeret ab hac vita discedere, ipsam in Dominam suam et heredem nostram reciperent, et ipsa absque alicujus obstaculo Regni ceptum concederet ac Regna nostra juxta donum sibi a domino traditum, gubernaret. In hujusmodi autem concessionis et donationis nostre judicium presentem paginam sigillo nostro et sigillis inditae conjungis nostre, et domini Alfonsi patrum nostri comitis de Molina, et charissimorum fratrum nostrorum domini Henrriri et domini Philippi yspalensis Electi et domini Sancij Electi Toletani et cancellarij nostri et domini Emanuelis, et venerabilium patrum Burgensis et Palentini Episcoporum, nec non Zamorensis Electi Nótarii nostri communitam domino Lodouico serenissimi Regis Francorum primogenito, cui iam dictam filiam nostram matrimonialiter copulari volumus, dignum Iahenni, ad perpetuam rei memoriam assignandam. Data apud Palenciam. Rege exp. quinta die Madii: Didacus Johanus scripsit in era Millesima CC Nonagesima tertia.

Ms. des Archives Nationales de Paris.=J. 601. № 25.

II.

Segunda convocatoria á Cortes para San Estevan de Gormaz, dirigida á la ciudad de Toledo (por D. Henrique III). En Valladolid 25 de Noviembre, ano de 1394.

Don Henrique por la gracia de Dios Rey de Castilla, de Leon, de Toledo, de Gallicia, de Sevilla, de Cordoba, de Murcia, de Jahan, de Algarbe, de Algesira, señor de Viscaya, et de Molina Al Conceyo, e Alcalle, e Alguasil, Caballeros, é escuderos, et otros oficiales qualesquier dela muy noble cibdat de Toledo: salud, e gracia; vien savedes en como por esta mi Carta vos embiè mandar, que en algunas cosas que cumplan mucho à mi servicio é en pro de los mis Regnos, que fue mi merced á mandar llamar ciertos Procuradores de algunas Cibdades é villas delos mis Regnos, por ende que enbiasedes un ome bueno suficiente entre vosotros, et que fuese delos oficiales desa dicha cibdat, et me los enbiasedes luego, ende quier que yo fuese, con vuestra procuracion cierta, et a—bastante para ello en tal manera, que fuese con migo en fin del mes

de octubre que agora pasó, para que con ellos, et con los otros Procuradores yo hordenase algunas cosas que tenia de ordenar que cumplen á mi servicio, et á pro, et honrra delos dichos mis Regnos, et fasta agora, segund paresce, non me avedes embiado algunos vuestros Procuradores: dello qual sò mucho maravillado, por que vos mando que luego en punto, vista esta mi carta, esliades entre vosotros el dicho Procurador que sea suficiente, et delos oficiales desa dicha Cibdat, et melo enbiades como vuestro Procurador con vuestra voz, è carta à la villa de Sant Esteban de Gormàs, onde yo agora sò, por quanto entiendo y faser mi Ayuntamiento, en tal manera que sea con migo, à ocho dias de Diciembre primero que viene, por quanto asi cumple mucho à mi servicio; si non, sed ciertos, que si al dicho placo el dicho vuestro procurador non sea con migo en la dicha villa, con el Infant Don Herrando mi hermano, et los otros Perlados, et Ricos Omes, et Cavalleros, et los otros Procuradores que con migo estovieren el dicho dia, asentare, é ordenare las cosas, que tengo de ordenar que cumplen mucho ami servicio, et á pro é onrra delos dichos mis Regnos, et non fagades ende al so pena dela mi merced, et en como esta mi carta vos fuere mostrada, et las vnas et las otras la compliesedes: mando so la dicha pena, à qualquier escrivano publico, que para esto fuere llamado, que dé ende al que vos la mostrare testimonio signado con su signo por que yo sepa en como complides mi mandado. Dada en Valladolid, veinte è cinco dias de Noviembre, ano del nacimiento de nuestro salvador Ihesu Christo, de mill è trecentose noventa é quatro anos.—Yo Ruy Lopes la fis escrivir por mandado de nuestro senor el Rey.—yo el Rey.

Ms. de la Biblioteca Nacional de Madrid=Coleccion del P. Buriel=Dd. 124=ff. 194—195.

III.

Don Enrrique, por la gracia de Dios Rey de Castilla, de Leon, de Toledo, de Galliçia, de Sevilla, de Cordoba, de Murçia, de Jahen, de Algarbe, de Algesira e senor de Biscaya e de Molina. A todos los conçejos e alcaldes, jurados, jueces o justicias, merinos, alguasiles e otros oficiales, quales quier, dela merindad de Burgos e de todos las villas e lugares dela dicha merindad,—segun suelen andar en rrenta de moneda delos anos pasados asi rregalengos como abadengos e so-

lariegos e ordenes e behetrias e otros senorios qualés quier, asi clerigos como legos, judios e moros e otras personas quales quier de qualquier ley o estado ó condición, que sea dela dicha merindad de Burgos, e alas alhamas delos judios e moros dela dicha merindad de Burgos, a qualquier o qualesquier de los que esta mi carta fuere mostrada o el traslado della signado de escriuano publico, salud e gracia. Sepades, que yo, estando en Medina del Campo enel ayuntamiento, que yo y mande faser enel mes diçiembre que paso de mill e trecientos e nouenta e quatro anos, et estando y comigo la rreyna dona Catalina mi muger e el ynfante don Ferrando mi hermano e don Pedro arçobispo de Toledo, primado de las Espannas, chançiller mayor de Castiella, e otros perlados, é Don Gonzalo Nunez de Guzman, maestre de Calatrava, e otros, caballeros, escuderos, fijos dalgo delos mis Reynos, e los procuradores delas ciudades delos dichos mis Reynos, les mostré lo que abia mestere era neçesario de cada ano asi para el mi mantenimiento e despensa e rraciones dela mi casa e dela... muger del dicho ynfante mi hermano e delas otras... la paga del duque de Alencaste e para las pagas del sueldo e tenençias de pan e dineros de Alcala, de Tarifa—e delas otras villas e castillos fronteros e de todas las otras villas e lugares delos dichos mis rreynos e por las aregenes, que estan en Portugal, como para pagar las tierras y maravedis y rraçiones y quitaciones o enmiendas de los mis vasallos y alos otros de mi senorio e para las otras cosas, que cumplen enmi servicio, en guarda e en defendimiento delos dichos mis Reynos, e les demande, que ayudasen de manera, como yo podiese ser proueydo, para lo que dicho es lo mas syndano que ser pudiese delos dichos mis rreynos, me serviesen con el alcauala, del maravedi tres meajas, e con seys monedas, segun que recopieron este ano, que agora paso, para que pudiese enmendar lo que dicho es. E por que se seguian grandes costas y danos alos dichos perlados y senores y caualleros e alas dichas ciudades e villas delos dichos mis rreynos en venyr e enbiar amy sus procuradores de cada ano sobre esta rrazon, otorgaronme las dichas alcaualas e seys monedas por dos anos, que començaron priméro dia deste mes de henero dela data desta my carta, las quales dichas monedas yo mande arrendar aqui en la mi corte este dicho ano a çiertos arrendadores...

Dada en Medina del Campo, treynta dias del mes diciembre, ano de 1395.

Ms. del Archivo General de Simancas=Estado Castilla=Leg.
10=fº142.

IV.

Poderes para jurar por heredera de los Reynos de Castilla a la Infanta D-a Maria primogenita del señor Rey Don Enrique 3º.

1.

Sepan quantos esta carta de procuraçion vieren, como nos, el conçejo, alcalles, preuoste, jurados e omes buenos dela villa de Sant Sabastian, estando juntados a conçejo en el campo ante la casa de Fayet, segund quelo auemos de vso e de costunbre de nos juntar a conçejo, por rrason que el Rey nuestro señor, que Dios mantenga nos enbio de su parte una su Carta seellada con su seello dela poridat e firmada de su nonbre, que nuestra senora la Reyna, que Dios mantenga, su muger encaescio de vna ynfanta a quatorçe dias del mes de novienbre que agora pasó e que era nesçesario e cumple a su servicio de facer ayuntamiento de todos los grandes e prelados e caualleros e procuradores delas ciudades e villas de sus rregnos para jurar la dicha ynfanta e le faser pleitos e omenages dela aber por Reyna y senora despues de sus dias, segund que es costunbre de se façer en los dichos sus rregnos, e nos enbio mandar por la dicha su carta, que enbiasemos nuestros procuradores con poder conplido para façer pleitos e omenages e jurar a la dicha ynfanta por Reyna e por senora natural en los dichos sus rregnos e senorios despues delos dias del dicho señor Rey. E por ende obedesçiendo la dicha carta del dicho señor Rey muy umilmente conla mayor reverençia e umiltat que deuenos e podemos como... e mandado de nuestro Rey e señor natural, so cuya merçed bibimos e, queriendo conplir su servicio e mandado, otorgamos e conoscoemos que facemos e ponemos, ordenamos e establescemos por nuestro personero, gierto e derecho procurador, quanto mejor e mas firme conplidamente estable e valedero deue e puede seer de derecho e de fecho, a Domenjon Daguaga, preuoste de Guetaria nuestro veçinc, al qual dicho nuestro procurador damos e otorgamos, dexamos e delegamos todo nuestro libre llauero (?) conplido poder, derecho e autoridat, en la mesma manera segund que nos mesmos lo auemos e deuemos e podemos aber de derecho e de fecho, para aparescan por ante

la merçed del dicho señor Rey... e para que por nos e en nuestro nonbre pueda facer e faga pleitos e omenages e jure ala dicha senora ynfanta dona Maria por Reyna e por senora natural en todos los rreynos del dicho señor Rey e segund que el dicho señor Reynos lo enbia mandar...

Et en testimonio desto, que dicho es, diemos al dicho nuestro procurador esta carta de procuracion escripta en papel e seellada con nuestro seello enlas espaldas e signada del signo de Anton Martinez... nuestro escrivan fial. Fecha enel dicho lugar onde el dicho conçejo estaua juntado. 10 julio, ano de 1402.

2.

Sepan quantos esta carta de procuracion bieren, como nos el conçejo e los omes buenos de la villa de Sant Fagund, estando ajuntados a conçejo a Sant Pedro por pregon de campana... façemos e ordenamos e establescemos nuestros personeros e nuestros çiertos legitimos procuradores... a Iohan Sanches de Gusman e a Rodrigo de Villa Peçelin, nuestros veçinos, amos los dos en uno e cada uno dellos por sy espeçialmiente, para que ellos o qual quier dellos vayan alas cortes a llamamiento, que nuestro señor el Rey, que Dios mantenga, manda agora façer en Toledo. E para que ellos o qual quier dellos puedan tratar e ordenar e consentir enlas cosas, que cumplen a seruicio de nuestro señor el Rey e pro e onrra e guarda e defendemyento de sus rreynos e de nos otros e para consentir e ordenar e otorgar en todas las cosas e cada una dellas, que los otros procuradores delas çibdades e villas e lugares delos sus rreynos feçieren e ordenaren e consentieren e otorgaren. Et otrosy para que por nos e en nuestros nonbres ellos o qual quier dellos puedan façer e fagan pleito e omenaje al dicho señor Rey e ala infanta... su fija, que Dios mantenga, por esta dicha villa para guardar e conplir su seruicio e su mandado del dicho señor Rey e dela dicha senora Infanta e asy como nos mesmos fac... en rason delo qual dicho es, nos lo otorgamos, lo hemos, lo aueremos por firme e por estable e por valedero... 10 Henero, ano de 1402.

Ms. del Archivo General de Simancas.=Patronato Real=Juramentos y pleitos homenages=Leg.^o I=Anos de 1401—1402.

Condiciones con que los procuradores concedieron cincuenta y cinco cuentos de servicio juradas por el Rey, Reyna y los del Consejo.

Muy alto e muy poderoso principe, Rey e Senor.

Las condiciones, que parecen alos procuradores delas vuestras cibdades e villas delos vuestros reynos, que aqui estamos juntos por mandado de Vuestra Altesa, son conplideras a vuestro servicio et pro e bien de vuestros Reyns, conlas quales ellos deuen otorgar los cinquenta e cinco cuentos de maravedis, con que tienen acordado que el Reyno sirua a Vuestra Senoria este presente ano de mill e quatrocientos e treynta e cinco anos, son estas que se siguen.

Primeramente, quelos dichos procuradores otorguen a Vuestra Altesa en servycio para la continuacion de la guerra de los moros o qualquier otra guerra, que ocurriere, los dichos cinquenta e cinco cuentos repartidos en monedas e pedidos, al respeto de como fueron repartidos los treynta cuentos del ano de treynta e tres, mandando Vuestra Senoria, que no se reparta mas ni allende delos dichos cinquenta e cinco cuentos.

Otrosi, por quanto el Regno al presente está mucho gastado e trabajado, por que los pecheros mejor lo puedan sufrir e pagar, que se enpadronen e cojan lo cierto delas dichas monedas en tres plaços: la tercia parte desde el dia quela carta fuere presentada fasta treinta dias, et la otra tercia parte dende en adelante fasta otros treinta dias, et la otra tercia parte despues otros treinta dias, et otros plaços que se entiendan cada uno dellos de mas delos dias que se acostunbran dar para los padrones delas dichas monedas. Et otrosi el pedido, que se reparta, para que se pague en otras tres pagas: la primera fasta otros treinta dias et la segunda fasta otros treinta dias et la terçera fasta otros treinta dias.

Otrosi, para que los dichos maravedis puedan estar mejor gastados, segund cunple a vuestro servicio, que Vuestra Altesa jure, que non mandara librar ni tomar ni tome maravedis algunos del dicho pedido e monedas para libramiento ni por via de toma o de enprestido ni en otra manera alguna, saluo los maravedis que fueren menester para pagar sueldo ala gente de armas e para los otros preparatorios e costas inherentes e dependientes e anexas e conexas, nescesarias e

conplideras, asi por mar como por tierra, para perseveracion dela guerra o para otra nescesidad, en que es menester de pagar sueldo, como suso dicho es, et que saluo para las nescesidades e menesteres suso dichas, que vuestra merced non libre nin mande tomar ni tome los dichos maravedis ni parte dellos por ninguna otra nescesidad, que a Vuestra Altesa ocurra o ocurrir pueda, et que si otra nescesidad ocurriere, que non sera de guerra ni para que se aya de pagar sueldo, que Vuestra Sennoria non los pueda tomar ni tome sin espreso consentimiento delas dichas cibdades e villas de Vuestros Reynos o de sus procuradores, seyendo llamados por vuestro mandado para lo suso dicho.

Otrosi, que Vuestra Sennoria mande, que fagan juramento en forma deuyda los vuestros contadores e sus lugares tenyentes, que non libren maravedis algunos del dicho pedido e monedas en las personas que los recabdaren et touyeren en deposito, saluo para las nescesidades de suso dichas e declaradas, saluo en quanto montare los derechos quelos oficiales ouieren de auer delo suso dicho et los maravedis, que ganaren los arendadores quelas dichas monedas arendaren, et los maravedis, que Vuestra Sennoria mandare librar a nos los dichos procuradores por nos facer merced para nuestros mantenymientos e ayuda de nuestros costas, saluo en la dicha nescesidad por la via e forma suso dicha.

Otrosi, que la Reyna nuestra senora et los otros grandes de vuestros Reynos e senorios, asi los que estan presentes, como los que estan absentes, juren que prometan, e Vuestra Sennoria los faga jurar e prometer, que non enbargaran ni tomaran ni mandaran enbargar ni tomar, ni daran lugar a que sea enbargado ni tomado el dicho pedido et monedas ni cosa alguna dello, et que daran todo fauor e ayuda, que cunpliere e menester fuere, para que libre mente se coja e recabde el dicho pedido e monedas, asi en sus villas e lugares e comarcas, como en todas las otras partes de vuestros reynos, et que, si lo contrario ficieren, queles sean enbargados los maravedis que de Vuestra Altesa ouyeren e ouyeren de aver en qual quier manera, et que paguen todos los maravedis, que asi tomaren o enbargaren o dieren lugar que sean tomados o enbargados delas dichas monedas e pedido allende delas otras penas, quelos derechos e leys ponen.

Otrosi, que Vuestra Altesa mande que, estos pedido e monedas, con que al presente vuestros Reynos vos quieren seruyr, que paguen

las çibdades e villas e lugares del Regno de Galliciã, lo quelos copiere et que Vuestra Senoria de sus cartas mande fazer las provisiones que cunplieren por tal forma, quelos del dicho Reyno de Galliciã paguen, que contribuyan en este servycio como, es raçon, por que las otras çibdades e villas de vuestros regnos sean sobreleuadas.

En Madrit, doçe dias de enero, ano del señor de mill e quatrocientos e treynta e cinco annos...

Ms. del Archivo Gen. de Simancas=Cortes de Castilla=Leg.^o 1°=
ano de 1435.

VI.

Sobrecarta de una cedula, para que a los procuradores por Toledo en las Cortes de Toledo 1498, pues no salieren de sus casas, no se les paguen los treinta mill maravedis, ya asignados.

Don Fernando e Dona Isabel por la gracia de Dios etc. A Vos Don Pedro de Castilla nuestro corregidor en la çibdad de Toledo, é á vuestro Alcalde Mayor en el dicho oficio é acada vno é aqualquier devos salud é gracia. Bien sabedes como nos mandamos dar vna nuestra cedula firmada de nuestros nombres é senalada de los del nuestro consejo, el thenor delaqual es este que se sigue.

El Rey é la Reyna, Don Pedro de Castilla nuestro corregidor dela çibdad de Toledo. Por parte del Cabildo delos nuestros jurados desa dicha çibdad de Toledo fueron presentados ante nos ciertos previllejos e una sentencia del señor Rey D. Juan nuestro Padre, que santa gloria aya, sobre razon delos procuradores é mensageros que esa dicha çibdad deve embiar á cortes ó ante nos é dela manera que enello se deve de tener e dis que se entienden aprovechar de algunos Actos e otras escrituras que estan en los libros é Arcas del Ayuntamiento desa dicha çibdad, é porque nos lo queremos ver é mandar proveher en ello como fuere justicia breve é sumariamente, nos vos mandamos, que de quales quier escrituras ó Actos, que esten en las dichas arcas ó libros de dicho Ayuntamiento desa dicha çibdad, de quelos dichos jurados se entiendan aprovechar, fagades et al escriuano mayor del Ayuntamiento desa dicha çibdad, que den copia en publica forma á los dichos jurados para que los traigan ante Nos; et por quanto Nos es fecha relacion que en las Cortes que Nos feçimos en la dicha cib-

dad de Toledo, el año pasado fueron fechos tres procuradores desa cibdad para las dichas cortes, á los quales se libraron de los propios desa dicha cibdad treinta mill maravedis por aver estado en las dichas Cortes, como quier que non salieron desa dicha cibdad; é por que non aviendo salido della non ficiéron gastos ningunos por que deviesen haver salario, ni los dichos treinta mill maravedis, por ende nos vos mandamos que si así es, luego fagais restituir é tornar á la dicha cibdad los dichos treinta mil maravedis para que se gasten en las cosas necesarias della; é compeler, é apremiar á los que recibieron los dichos maravedis, que luego los tornen, é restituyan, é los entreguen al Mayordomo dela dicha cibdad, é embiad ante Nos. fee é testimonio como son restituidos, é entregados al Mayordomo dela dicha cibdad, con apercibimiento que si non lo fisieredes que embiaremos á vuestra costa persona que lo faga. Dela villa de Ocana, a quatro dias del mes de Hebrero de noventa é nueve años=yo el Rey=yo la Reyna=Por mandado del Rey, é dela Reyna: Gaspar de Gracia.

Ms. de la Bib. Nac. de Madrid=Col. del P. Burriel=Dd. 133, ff. 157—159. Año de 1499.

VII.

Este es traslado bien e fielmente sacado de una çedula del Rey e dela Reyna nuestros senores escrita en papel e firmada de sus reales nonbres, su thenor dela qual es este que se sygue:

El Rey e la Reyna.

Por quanto nos somos ynformados, que al tienpo; que enbiamos a mandar alas çibdades e villas destos nuestros Reynos, que enbiasen sus procuradores á estas cortes, que nos fazemos e çelebramos en esta noble villa de Madrid, algunas presonas e cabildos por quien fueron nonbrados e dieron lugar para que ellos oviesen las dichas procuraciones, al tienpo que asy los eligeron e nonbraron fizieron, que los dichos procuradores les fiziesen algunas obligaciones, cedulas pactos, convenencias, ygualas e promesas, para que les darian o farian parte de qualquier prouecho e ynterese que dela dicha procuracion oviesen. E porquẽ esto esta probydo e vedado por las leyes e pre-

máticas de nuestros Reynos e si asi pasase seria cosa de mal enxemplo e enlo tal pertenesçe a nos proveer e remediar, por la presente damos por ningunas e de ningun valor e efecto quales quier ygualas e convenençias e pactos e dadiuas e promesas que por los dichos procuradores o por qualquier dellos o por otras prèsonas en su nonbre fueron fechos con qualesquier cabildos o presona o presonas particulares, para que les darian e farian por el ynterese que oviesen delas dichas cortes, e mandamos, que por virtud dellas noles sean pedidas ni demandadas cosa alguna. E otrosy mandamos atodos los corregidores, asystentes, alcaldes e otras justiçias e juezes qualesquier de todas las cibdades e villas e lugares destos nuestros Reynos e senorios, que no conoscan, ni se entremetan a conosçer de ningunos pleytos que sobre lo suso dicho fueren movidos o se quisyeren mover contra las presonas, que asy fizieron las dichas ygualas, convenençias ni contra alguno dellos. E los vnos ni los otros non fagan ende al so pena dela nuestra merced. Fecha enla villa de Madrid a doze dias del mes de enero de mill e quinientos e tres anos. Yo el Rey. Yo la Reyna. Por mandado del Rey e dela Reyna Miguel Peres de Almagàn.

Ms. del Archivo General de Simancas.—Patronato Real.—Juramentos y pleitos homenages. Leg.^o I. Ano de 1503.

VIII.

Carta de D. Philipe I para que á Pero Lopez de Padilla é Miguel de Fita, Procuradores de Cortes se les dé ayuda de costa.

Corregidor, Regidores, Cavalleros, Jurados, escuderos, oficiales, é omes buenos dela Cibdad de Toledo; ya sabeis como por mandado dela serenissima Reina mi muy cara, é muy amada muger embiastes por vuestros Procuradores de Cortes á Pero Lopez de Padilla Regidor, é Miguel de Fita Jurado, para que jurasen á mi, e á la dicha Reyna mi muger por Reyes, e senores destos Regnos, et al illustrissimo Principe Don Carlos nuestro muy caro, é muy amado Hijo por Principe primogenito heredero destos Reynos, é senorios para despues delos dias dela dicha Reyna mi muger, é para fazer otras cosas complideras á servicio de nuestro senor, é mio; los quales han estado en las dichas Cortes, é todos los otros Lugares que por Nos les han sido

mandado con mucho trabajo de sos personas, é gasto de sus facien-
das; y por que es rason que los dichos vuestros Procuradores sean
pagados segund el trabajo que han rescebido, y los gastos que han
fecho: yo vos mando que delos propios, é rentas desta dicha Cibdad,
dedes, é pagueades á cada vno delos dichos vuestros Procuradores ot-
ros tantos marabedis como se hán dado, é pagado á cada vno delos
Procuradores de Cortes pasados por cada vna delos dias que se hán
ocupado en nuestro servicio desde el dia que partieron desta dicha
Cibdad para venir á las dichas Cortes fasta treinta, é un dias de
mes de Agosto deste presente ano; y por que segund los lugares es-
teriles por donde los dichos vuestros Procuradores han andado, y los
muchos trabajos, y grandes costas que han fecho, el dicho salario que
vos mandan que les deis es muy moderado por, esta mi óedula vos
doy licencia, e facultad para que demas del dicho salario podades dar,
é deis á cada vno delos dichos vuestros Procuradores el ayuda de
costa que a vos otros pareciere que se los deva dar, aviendo respeto
á lo suso dicho; é si vosotros non vos concertaredes en les dar la
dicha ayuda de costa, é que la cantidad que se les deva dar, mando
al mi corregidor, que lo veais, é fagais dar á los dichos Procura-
dores la ayuda de costa que vos pareciere que se les deva dar demas
del dicho salario, lo qual vos mando queles deis, é pagueis delos
propios é rentas desa dicha cibdad, é cerca delo que se deva dar á
los dichos vuestros Procuradores de ayuda de costa, vos encargo vue-
stras conciencias é mando que los dichos Procuradores gocen del
dicho solarío, é ayuda de costa enteramente sin dar parte dello á
persona nin personas algunas, non embargante qualquier asiento, ó
promesa que sobrello aya fecho, ó qualquier ordenanza que esa dicha
cibdad tenga en contrario delo suso dicho, que yo desde agora doy
para ningunas, é de ningun valor, é efeto qualesquier obligaciones
é iguales, é convenencias, pactos, é dadibas, é promesas que por los
dichos vuestros Procuradores ó por qualquier dellos, o por otra per-
sona en su nombre fueron fechas, para que darian, ó farian parte
del interese que oviesen delas dichas cortes: por manera que libre-
mente goce del dicho salario enteramente; é mando á vos el dicho
mi Corregidor, ó á vuestro Alcalde del dicho oficio que guardéis, é
cumplais esta mi cedula, é todo lo en ella contenido, é que luego fa-
gades pagar á los dichos Procuradores el dicho salario, é ayuda de
costa, segund, é dela manera que dicha es; é que no conosca en se

entremeter á conoseer de ningunos pleytos que sobre lo suso dicho fueren mevidos, ó se quisieren mover contra los dichos vuestros Procuradores, nin contra alguno dellos; lo qual todo quiero, y es mi merced que se faga, é cumpla asi, sin embargo de qualquier apelacion, ó supplicacion que desta mi Zedula sca interpuesta; et los unos nin los otros non fagades onde al, por alguna manera, so pena dela mi merced é de diez mill marabedis para la mi camara. Fecha en Tudela de Duero, á diez é siete dias de Agosto, de mill, é quinientos, é seis anos.—Yo el Rey—Por mandado del Rey: Gonzalo de Segovia.

Ms. de la Biblioteca Nacional de Madrid=Collecion del Padre Burriel=Dd. 134, ff. 41—42. Año de 1506.

IX.

Requirimiento sobre las Cortes.

Lo que vos Juan Rodrigues porto carrero aveys de decir al señor Arçobispo de Toledo e requerir de mi parte, es lo que se sigue: porque para estas cortes, que se dicen que quieren juntar, entre los otros inconuenientes que ay, ay uno muy grande, en todo el Reyno se sabe que todos los senores, que estan en la corte, estan acompañados de gentes de armas y usan de algunas formas que parescen mas para guerra y para rebuelta dela corte que no para sosiego del Reyno, que yo le pido por merced y le requiero, que para quel Reyno e los caualleros e los perlados vean, que esto cesa y que sy las cortes se hazen que pueden venir a ellas, como se acostumbra y se deve venir a la corte dela Reyna nuestra senora, que su merced haga que todas estas formas cesen y que la Justicia dela corte esté tan rezia e tan acompañada, que a todos sea notorio, que la forma e acompañamiento delos caualleros e la reziura dela justicia da entera seguridad a los que ovieren de venir, y esto se ha de hacer luego, porque hasta que este hecho, no se puede ni deve entender en el juntamiento de las cortes el duque marques¹⁾.

En Burgos á doze dias de noniembre de mill quinientos e seys anos Juan Rodrigues puertocarrero presento este Requirimiento an-

¹⁾ El duque de Alba, Marques de Coria, какъ видно изъ подписи въ договорѣ, заключенномъ между нимъ и коннетаблемъ въ Вальядолидѣ 8 июня 1509. Текстъ этого договора хранится въ томъ же архивѣ среди бумагъ того же Legajo.

tel Reverendisimo senor arçobispo de Toledo e pidio a mi el escriuano de yuso escripto, que le leyese ante su senoria, el qual yo ley estando presente el senor Condestable de Castilla, e el dicho Juan Rodrigues puertocarrero dixo, que me lo pedia por testimonio etc.

Rubrica.

Ms. del Archivo General de Simancas. = Patronato Real = Juramentos y pleitos homenages = Leg.^o 1°. Ano de 1506.

X.

Orden que se suele tener en el hazer de las Cortes de Castilla ¹⁾.

Senalase dia para alzar y despedir las cortes, y acostumbrese que el senor presidente y asistentes suben a su Magestad y con ellos todos los procuradores del Reyno y se despiden, aunque esto de poco aca se a mudado, y el senor presidente y asistentes solamente les despiden y alzan las cortes.

Danse a los procuradores cedula para que se les paguen sus salarios y ayudas de costa por sus cindades por la orden acostumbra.

Acostumbra su Magestad, auiendo bien seruido la ciudad de Burgos, de hazelle merçed de lo que cabe a pagar del servicio a la dicha ciudad.

Acostumbranse a dar a los senores del consejo que asisten a las dichas cortes y al secretario de la camara cada dozientas mill mara-

---

¹⁾ Подъ этимъ названіемъ мы нашли рукопись въ Брит. Муз., составленную, повидимому, въ концѣ XVI или началѣ XVII вѣка и представляющую описаніе modus'a tenendi parlamentum въ Кастиліи. По сличеніи этой рукописи съ текстомъ аналогичнаго содержанія, изданнымъ Мариной, который, вопреки обыкновенію, не указываетъ происхожденія и мѣстонахожденія рукописи, послужившей основаніемъ для издаваемого имъ документа, мы могли замѣтить, что рукопись Брит. Музея и текстъ, изданный Мариной, представляютъ варианты одного и того-же описанія, но первая длиннѣе послѣднато и заключаетъ интересныя подробности относительно порядка закрытія кортесовъ и размѣра вознагражденія, выдаваемого различнымъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ засѣданіяхъ ихъ, подробности, которыхъ не находимъ въ описаніи, изданномъ Мариной (Teoria de las cortes, t. III, parte II, pp. 202 — 206). Желая восполнить этотъ пробѣлъ, мы помѣщаемъ здѣсь только ту часть описанія, которой не находимъ у Марины и которая осталася неизвѣстной и послѣ Марины.

vedis de ayuda de costa por su Magestad, y quarenta y ocho o cinquenta mill maravedis por los procuradores de cortes del Reyno. Esto de los quatro quentos de maravedis que su Magestad les acostumbra siempre a hazer de maravedis para que repartan entre si.

Acostumbranse dar otros cien mill maravedis a otro secretario de su Magestad que asiste a las cortes, los quales se dan ahora al oficial principal de la camara por los despachos y cosas de las cortes que haze.

Acostumbran darse a los scrivanos de las cortes a cada uno setenta mill maravedis.

A los senores presidentes, por que siempre son ricos, su Magestad no les acostumbra dar cosa alguna. El Reyno les acostumbra serujr con cinquenta mill maravedis.

(Рукоп. кодексъ Британскаго Музея „Papers relating to the cortes of Castilla“, Add. 28.434, ff. 93—95).

ИСТОЧНИКИ.

I. Рукописи.

1. Biblioteca Nacional de Madrid: Coleccion del P. Burriel (Dd. 123, 124, 133, 134 и др.); ordenanzas, leyes y otros documentos del reinado de D. Juan II (Ff. 77).
2. Biblioteca de la Academia de la Historia (Madrid): Documentos para la historia de Asturias de la coleccion de Mss. del Sr. D. F. M. Marina (Est. 21, gr. 6a, n° 111).
3. Archivo general de Simancas: patronato Real=Cortes de Castilla (legajo 1°), Juramentos y pleitos homenages (legajo 1°).
4. Biblioteca de Santa Cruz (Valladolid): Ms. № 35=Cortes y ordenamientos, t. IV.
5. Biblioteca provincial de Murcia: Cortes y ordenamientos, t. V.
6. Bibliothèque National de Paris: Esp. 338, ff 50—51 (Memoires pour l'histoire d'Espagne)
7. Les Archives Nationales de Paris: J. 601. № 25.

II. Библиография.

- Alcocer (Pedro de), Hystoria o descripcion de la Imperial ciudad de Toledo.—Toledo, 1554.
- Alcubilla (D. Marcelo Martinez), Codigos antiguos de Espana,—Madrid, 1885.
- Berganza (R. P. M. Fr. Francisco de), Antigüedades de Espana, propugnadas en las noticia de sus reyes y condes de Castilla la vieja: en la historia apologetica de Rodrigo

Díaz de Bivar dicho el Cid Campeador: y en la coronica del real Monasterio de s. Pedro de Cardena.—pp. I—II, Madrid, 1719—1721.

Biblioteca de autores espanoles, des de la formacion del lenguaje hasta nuestros dias: cronicas de los Reyes de Castilla des de D. Alfonso el Sabio, hasta los católicos D. Fernando y D-a Jsabel.—Colección ordenada por D. Gayetano Rosell.—Madrid, 1875—1878, 3 tt.

Campomanes (el conde de), Cartas politico—économicas (Publicadas Antonio Rodriguez Villa).

Capmani (D. Antonio de), Practica y estilo de celebrar cortes en el reino de Aragon, principado de Cataluna y reino de Valencia y una noticia de las de Castilla y Navarra. Madrid, 1821.

Coleccion de Cortes de los antiguos reinos de Espana por la Real Academia de la Historia. Catalogo.—Madrid, 1855.

Coleccion de fueros y cartas pueblas de Espana por la Real Academia de la Historia.—Catalogo.—Madrid, 1852.

Coleccion de documentos ineditos para la historia de Espana, por los senores Marqués de Pidal y D. Miguel Salvá, individuos de la Academia de la Historia.—Madrid.

Coleccion do privilegios, franquezas, exenciones y fueros, concedidos á varios pueblos y corporaciones de la Corona de Castilla, copiados de orden de S. M. de los registros del Real Archivo de Simancas. Sirve de continuacion á la coleccion de documentos concernientes á las provincias vascongadas, t. V, Madrid, 1830.

Colmeiro (D. Manuel), De la constitucion y del gobierno de los reinos de Leon y Castilla. H. I—II, Madrid y Santiago, 1855.

Colmeiro Don Manuel, del Consejo de Estado y Senador del Reyno. Introduccion escrita y publicada de orden de la Real Academia de la Historia, por su individuo de número pp. I—II, Madrid, 1883—1884.

Colmenares (Diego de), Historia de la insigne ciudad de Segovia y compendio delas Historias de Castilla.—Segovia, 1637.

Cortes de los antiguos reinos de Leon y de Castilla, 4 v. 1861—1866.

Cronicas—cm. Biblioteca de autores espanoles.

- Davila (Gil Gonzales), Historia de la vida y hechos del rey D. Henrique Tercero de Castilla, inclito en Religion y iusticia.—Madrid, 1638.
- Escalona—cm. Perez.
- Ferrer del Río (D. Antonio) Decadencia de Espana.—Historia del levantamiento de las comunidades de Castilla 1520—1521. Madrid. 1850.
- Figueroa (D, José Rua), Estudios sobre la historia del sistema representativo en Espana (Revista espanola de ambos mundos, t. III, Madrid, 1855).
- Garibay y Camálloa (Estevan de), Los XL libros del compendio historial de las chronicas y universal Historia de todos los reynos de Espana (impresso en Aueres por Christophoro Plantino, Prototypographo de la Catholica Magestad), 1571.
- Gounon—Loubens, Essais sur l'administration de Castille au XVI-e siècle. Paris, 1860.
- Hallam, View of the state of Europe during the middle ages.
- Hamel (Le c-te Victor du), Histoire constitutionnelle de la Monarchie Espagnole depuis l'invasion des hommes du Nord jusqu'à la mort de Ferdinand VII, tt. I—II, Paris, 1845.
- Hinojosa (Eduardo de), El origen del regimen municipal en Leon y Castilla, Madrid, 1896.
- Jordan de Asso y del Río (D. Ignacio) y de Manuel y Rodriguez (D. Miquel), El Fuero Viejo de Castilla, sacado y probado con el exemplar de la misma obra que existe en la Real Biblioteca de esta Corte, y con otros Mss.—Madrid, 1771.
- Laffon Saint—Marc, Essai historique sur les Cortes ou assemblées nationales d'Espagne,—Castelnaudary, 1834.
- Marina (D. Francisco Martinez), Teoria de las cortes ó grandes juntas nacionales de los reinos de Leon y Castilla, 3 t., Madrid, 1813.
- Martin (D. Manuel Fernandez), Derecho parlamentario Espanol.—Coleccion de constituciones, disposiciones etc., ordenada en virtud de acuerdo de la comision de gobierno interior del congreso de los diputados, fecha II de Febrero de 1891. 2 tt. Madrid, 1885.
- Memorias de D. Fernando IV de Castilla: t. I contiene la cronica de dicho rey; t. II contiene la coleccion diplomatica que com-

- prueba la cronica, arreglada y anotada por D. Antonio Benavides, individuo de número de la Real Academia de la Historia por cuyo acuerdo se publica. Madrid, 1860.
- Memorial Historico Espanol: Coleccion de documentos, opusculos y antigüedades que publica la Real Academia de la Historia, 34 tt., Madrid, 1851—1895.
- Mondexar (Marques de), Memorias historicas de la vida y acciones del rey D. Alonso el Noble, octavo del nombre, ilustradas con notas y apendices por D. Francisco Cerdá y Rico.—Madrid, 1783.
- Munoz y Romero (D. Tomas), Del estado de las personas,—Madrid, 1883.
- Idem.—Coleccion de fueros municipales y cartas pueblas de los reinos de Castilla, Leon, Corona de Aragon y Navarra, t. I, Madrid, 1847.
- Ortiz de Zúñiga (D. Diego), Annales eclesiasticos y segulares de la muy noble e muy leal ciudad de Sevilla (1246—1671).—Madrid, 1677.
- Perez (Fr. Joseph), Historia del Real Monasterio de Sahagun, corregida y aumentada por el P. M. Fr. Romualdo Escalona, monge de Sahagun.—Madrid, 1782.
- Pinel y Monroy (D. Francisco), Retrato del buen vassallo, copiado de la vida y hechos de D. Andreas de Cabrera, primero marques de Moya.—Madrid, 1677.
- Rizzo y Ramirez (D. Juan), Juicio critico y significacion politica de D. Alvaro de Luna,—Madrid, 1865.
- Sacristan y Martinez (Antonio), Municipalidades de Leon y Castilla, estudio historico critico,—Madrid, 1877.
- Salazar y Castro (D. Luis de), Historia genealogica de la casa de Lara (dividida en XX libros),—tt. I—III, 1697.
- Salazar de Mendoza (D. Pedro), Monarquia de Espana,—3 tt., Madrid, 1770—1771.
- Sanchez Moguel (Antonio), Naturaleza politica y literaria de las Cortes peninsulares anteriores al sistema constitucional.—Discurso leído en la Universidad central en la solemne inauguracion del curso academico de 1894 á 1895.
- Sempere (D. Juan), Historia del derecho espanol.—Madrid, 1846.
- Suarez de Alarcon (D. Antonio), Relaciones genealogicas de la casa de Trocifal, condes de Torrevedras.—Madrid, 1656.

- Tapia (D. Eugenio), Historia de la civilizacion Espanola des de la invasion de los arabes hasta la epoca presente.—tt. I—II, Madrid, 1840.
- Torreanoz (el conde de), Los concejos del rey durante la Edad Media su formacion, autoridad y principales acuerdos en Europa y singularamente en Castilla.—2 t., Madrid, 1884.
- Viardot (Louis), Histoire des Assemblées nationales en Espagne. Extrait de la Revue républicaine. Paris.
- Wentworth Webster, Influencia de los fueros pirenaicos en la constitucion inglesa (Boletin de la institucion libre de ensenanza tt. VII—VIII, Madrid, 1883—1885).
-

Погрѣшности.¹⁾

СТР.		СТРОЧКА.	НАПЕЧАТАНО.	ИСПРАВЛЕНІЕ.
V	(примѣч. 2)	5-я сверху	s. 166	S. 166
VIII	(примѣч.)	4-я	Influencio	Influencia
ib.		10-я	Senor, j quién	Senor, quién
X		19-я	Альвара	Альваро
XIII		4-я	300 м. мараведи	300 тыс. мараведи
XIV	(примѣч. 1)	1-я	Historia des	Historia del
XV	(примѣч. 1)	1-я	Capitulus	Capitulos
1		1-я сверху	consilia	conclia
11		1-я	fijosdaldo	fijosdalgo
12		5-я снизу	Infanzonos	Infanzones
12		7-я снизу	Всѣ эти группы дворянства были вполне представлены въ кортесахъ лишь 4 раза: въ 1351; 1369, 1371 и 1391 г.	Всѣ эти группы дворянства и т. д. — лишь 3 раза: въ 1351, 1369 и 1371 г.
13		8-я сверху	Въ эту эпоху „caballeros“ служить <i>уже</i>	Въ эту эпоху „caballeros“ служить <i>иногда</i>
13	примѣч. 3		por le pro	por el pro
22	примѣч. 1		Alcoier	Alocer

¹⁾ Настоящій трудъ составленъ частью во Франціи, частью въ Испаніи. Авторъ не имѣлъ возможности, за дальностью разстоянія отъ мѣста печатанія, лично править корректуру; вслѣдствіе этого въ цитируемыхъ испанскихъ текстахъ вкрались орфографическія погрѣшности, которыя можно было бы избѣжать лишь при условіи личнаго авторскаго просмотра корректуръ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ неточная передача отдѣльныхъ испанскихъ буквъ обуславливалась отсутствіемъ въ типографіи соответственныхъ значковъ; такъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ встрѣчается испанское смазченное п, съ характерной чертой наверху буква эта передается, какъ простое латинское п (напр. Еспана и т. д.).

СТР.	СТРОЧКА.	НАПЕЧАТАНО.	ИСПРАВЛЕНИЕ.
27	примѣч. 4	que tienen voto	que tienen voto
30	7-я сверху	совершенно утрачива- ютъ	совершенно почти утра- чиваютъ
81	2-я сверху	главный городъ (ciudad, villa)	главный городъ, или мѣ- стечко, или село (ciudad, villa, lugar)
31	примѣч. 1	Fonsodera	Fonsadera
32	3-я снизу	Procuratores	procuratores
45	примѣч. 1	montenymientos	mantenymientos
49	5-я сверху	обуславливалась	обусловливалась
68	14-я снизу	Педро Савьесу	Педро Савьесу
72	9-я снизу	что нужно для войны и	что нужно для войны, и
72	6-я "	100.200 000 мараведи и	100.200.000 мараведи, и
78	16-я сверху	бенефицій и	бенефицій, и
87	15-я "	во многихъ отношеніяхъ	въ нѣкоторыхъ отноше- ніяхъ
93	7-я "	Генрихомъ графомъ	Генрихомъ, графомъ
113	(примѣч. 1) 6-я сверху	гтепоса	гтевоса
126	(примѣч. 2) 2-я "	Campanj	Campany
132	1-я "	„Камарильи“	камарильи
—	2-я "	Одонъ	Оканъ
133	3-я "	идти и попросить	идти, и попросить
143	(примѣч. 3) 3-я "	vuestra	vuestro
159	(примѣч. 1) 6-я "	оруженосца, 1500	оруженосца и 1500
161	16-я "	исчезаютъ изъ	исчезаютъ фактически изъ
166	11-я "	Henrriri	Henrrici
—	14-я "	comunitam	communicari
—	16-я "	dignum lahenni	dignum duximus
167	10-я снизу	yo el Rey	Yo el Rey
169	1-я сверху	Estado Castilla	Estado de Castilla
172	2-я снизу	que, estos	que estos
173	4-я "	fagades et al escriuano	fagades al escriuano
—	3-я "	den	de
175	12-я "	Cortes se	Cortes, se
176	13-я сверху	por, esta	por está
182	4-я "	des de la formacion	desde la formacin
—	5-я "	de Castilla des	de Castilla des—